



# ВЕК

ISSN 1994–9065

**2(22)**  
**2017**

# ГЛОБАЛИЗАЦИИ

---

**ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)  
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)  
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

---

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

**Редакционная коллегия:**

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,  
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,  
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г.,  
Снакин В. В.

**Международный редакционный совет:**

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),  
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.  
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия),  
Дафферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия),  
Теймури В. (Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К.  
(Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания),  
Сергеев М. Ю. (США), Сабден О. С. (Казахстан), Степин В. С. (Россия),  
Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

*Адрес редакции:*

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: [chumakov@iph.ras.ru](mailto:chumakov@iph.ras.ru)

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

*Адрес издательства:*

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: [peruch@mail.ru](mailto:peruch@mail.ru) Сайт: [www.socionauki.ru](http://www.socionauki.ru)

## СОДЕРЖАНИЕ

### ТЕОРИЯ

**Чумаков А. Н.** Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов ..... 3

**Мигунов Н. И., Мигунова О. В.** О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» ..... 20

**Думнов А. Д., Борискин Д. А., Рыбальский Н. Г.** О некоторых методах макростатистического анализа природопользования и охраны окружающей природной среды ..... 37

### ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Назаретян А. П.** О пользе междисциплинарности, или Отчего же вымерла мегафауна плейстоцена? ..... 51

**Гобозов И. А.** Неолиберализм и глобализация ..... 66

### ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

**Састрохандойо В.** Развитие и поддержание партнерских отношений между Китаем и странами региона методом «мягкой силы» ..... 77

**Нуруллин Р. А.** Проблема идеологии в условиях становления глобальной цивилизации ..... 83

### ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

**Кацура А. В.** Демократия против социализма. Борьба двух исторических проектов объединения человечества ..... 93

**Моргунов Е. В.** Российская versus русская идентичность: экономические причины антиномии ..... 111

**Степанянц М. Т.** Нераскрытые смыслы Иранской революции .. 119

### ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

**Глушенкова Е. И. Н. Н. Моисеев:** идея цивилизации русского космиста ..... 126

### РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

**Вебер А. Б.** О статье О. П. Иванова и В. В. Снакина ..... 138

*Contents* ..... 143

---

---

# ТЕОРИЯ

---

---

## ГРЯДУЩАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЛАВИНА: НА ПОРОГЕ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Чумаков А. Н.\*

*В статье на основе комплексного анализа международных отношений современного мира рассматриваются демографические проблемы и миграционные процессы, обусловленные глобализацией и ее последствиями. Выявляются характерные особенности эмиграционных процессов, а также причины их усиления на Европейском континенте, даются оценки неэффективности европейской политики «открытых дверей». Обращается внимание на то, что неконтролируемая миграция в условиях многоаспектной глобализации является планетарным явлением, а наибольшие напряжения демографического характера связаны с Китаем и Юго-Восточной Азией. Подчеркивается, что в основе проблем, связанных с массовым переселением народов, лежат принципиальные разногласия между людьми и их сообществами, обусловленные различными культурно-цивилизационными системами, которые они представляют.*

**Ключевые слова:** демографический взрыв, миграция, переселение народов, глобализация, общечеловеческие ценности, революция, Европа, Китай, культурно-цивилизационная система.

*Basing on a comprehensive analysis of international relations in the modern world, the present article considers the demographic problems and migration processes of globalization and its consequences. The author reveals the characteristic features of the emigration processes and the reasons for their strengthening on the European continent. He also assesses the ineffective European policy of “open doors”. The author draws attention to the fact that uncontrolled migration in terms of a multidimensional globalization is a planetary phenomenon, and the highest demographic pressure associates with China and South-East Asia. He also emphasizes that the problems' root in the mass resettlement of the people is formed by the principal differences between various cultural and civilization systems.*

**Keywords:** “population explosion”, migration, resettlement of the people, globalization, universal values, revolution, Europe, China, cultural and civilization system.

---

\* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор МГУ, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, первый вице-президент Российского философского общества.

В горах уже прошли ливни,  
ждите потопа.

### Преамбула

Сегодня над мировым сообществом нависла новая, еще не вполне очевидная и не совсем осознаваемая, но от этого не менее опасная проблема – масштабная волна переселения значительных человеческих масс, а то и вовсе планетарное демографическое цунами. Оно основательно перекроит современную карту мира и кардинально изменит этнический состав населения планеты. Мы уже на пороге нового Великого переселения народов, и это лишь отдаленно будет напоминать то, что уже случалось в истории. Переселение как смена места жительства – процесс объективный и неизбежный: издревле люди снимались с насиженных мест и уходили на поиски лучшей доли и нового пристанища. И неважно, делали они это добровольно или принудительно, но уж точно не беспричинно, а под давлением определенных обстоятельств, как правило, внешних: будь то война, стихийные бедствия, экологические обстоятельства, нехватка и поиск новых продовольственных, энергетических, сырьевых ресурсов и т. п. [Aleshkovski 2016; Ионцев 1999].

Так, в IV–VII вв. огромные массы обитателей Европейского континента пришли в движение, поскольку к тому времени, как считают специалисты, возросшему населению варварских племен не стало хватать земель для ведения их архаичного хозяйства. Тогда же значительное ослабление Римской империи в силу ряда этнических, географических, экономических и климатических причин вдохновило вождей крупных племенных союзов, находившихся в менее благоприятных социально-экономических и природных условиях, на завоевательные походы, в том числе и с целью перемены места жительства. К тому же подталкивали и неблагоприятные климатические изменения, обусловленные всеобщим похолоданием [Великое переселение народов кратко].

Однако проводить исторические параллели в перемещении больших масс населения не совсем корректно. Принципиальная разница между начинающейся сейчас и прошлыми миграционными подвижками заключается прежде всего в том, что до эпохи Великих географических открытий, то есть до начала реальной глобализации, эти перемещения людей носили локальный, максимум – региональный характер. Таковыми, кроме уже упомянутых, были арабские завоевания, морские экспедиции норманнов и основание ими новых поселений, переселение в Европу венгров, болгар, монгольские военные походы и создание новых государств, поздние завоевания тюрков-огузов, результатом чего стало появление Османской империи и др. [Там же].

Ситуация принципиально изменилась, когда реальная глобализация сделала ареной взаимодействия людей уже не отдельные территории и регионы, а все пространство Земли. В этих условиях все возраставшие миграционные потоки расширились до планетарных масштабов. Так, например, активная эмиграция из Европы в США, Канаду и Австралию сопровождалась также перемещением на Американский континент больших масс подневольного африканского населения. Несколько позже, но не менее интенсивно в этот процесс включились и азиаты. Что касается отдельных лиц и небольших групп переселенцев, мигрирующих в масштабах планеты, то это еще с момента открытия Америки Колумбом, то есть с конца XV в., стало обычным делом.

Современная же ситуация принципиально иная, и не только потому, что теперь «международная миграция населения – это неотъемлемая часть современного миропорядка» [Ивахнюк 2011: 68]. Все намного сложнее, масштабнее, серьезнее, поскольку демографический взрыв, помноженный на *многоаспектную глобализацию* [Чумаков 2017а: 259–294] вкуче с разворачивающейся новой (глобальной) войной всех против всех, таит в себе такой заряд дестабилизации и неопределенности, что на фоне этого все другие глобальные проблемы современности становятся менее значимыми, второстепенными.

Здесь важно отметить, что с тех пор, как на рубеже 60–70-х гг. XX столетия впервые и в полную силу заговорили о глобальных проблемах современности, вектор в определении наиболее опасной угрозы для всего человечества несколько раз менялся. Первоначально основное внимание сосредоточилось на проблемах взаимодействия природы и общества, поскольку самый многочисленный и активный агент биосферы – человек – к этому времени вступил в острый конфликт с окружающей средой. И она, потерявшая способность в полной мере абсорбировать отходы человеческой деятельности, «заявила» об этом густыми смогами и гигантскими мусорными свалками, безжизненными реками и озерами, изуродованными ландшафтами и истощением ресурсов. На этой волне заново возродился и стал популярным изобретенный на сотню лет раньше термин «экология»<sup>1</sup>; однако все попытки преодолеть экологические проблемы очень скоро показали, что человечеству угрожают и другие, не менее серьезные опасности. Выяснилось, например, что развязывание ядерной войны будет сопровождаться «ядерной зимой» [Глобалистика 2006: 1102–1103], которая приведет к полному уничтожению человечества и даже жизни на Земле. После распада СССР и социалистической системы на первый план вышла проблема формирования нового мирового порядка, а в начале XXI в., после серии террористических актов, в особенности после 11 сентября 2001 г.<sup>2</sup>, вектор приоритетов опять сменился, теперь уже в направлении новой угрозы – глобального терроризма. Особую актуальность приобрели и климатические риски.

### Демографический взрыв

Конечно, в ряду этих и многих других глобальных проблем всегда уделялось значительное внимание демографической проблеме, которая по причине беспрецедентного роста мирового населения в XX в. уже тогда стала именоваться демографическим взрывом. И в самом деле, такого безудержного роста населения, который случился с начала прошедшего столетия, человечество в своей истории не знало. Достаточно сказать, что если в начале XX в. население планеты составляло 1,656 млрд человек, то уже в 1927 г. оно достигало 2 млрд. В 1960 г. эта цифра увеличилась до 3 млрд, в 1974 г. – до 4 млрд, в 1987 г. – до 5 млрд, и в конце 1999 г. Земля уже обладала шестимиллиардным населением. Сегодня, то есть в 2017 г., эта цифра составляет семь с половиной миллиардов человек [Население...].

Первым, кто обратил внимание на демографическую проблему как предельно актуальную для всего человечества, был Т. Мальтус [Global... 2014: 322–323]. Он

<sup>1</sup> Термин «экология» ввел в оборот в 1866 г. немецкий биолог Э. Геккель, который обозначал им науку о живых организмах и окружающей их среде обитания.

<sup>2</sup> 11 сентября 2001 г. в США произошел самый крупный в истории человечества террористический акт, жертвами которого стали почти 3000 человек.

утверждал, что численность людей возрастает в геометрической прогрессии, тогда как продовольственные ресурсы, необходимые для их пропитания, – в арифметической. Таким образом, нехватка продовольствия выступает естественным регулятором роста численности населения, а способами его уменьшения являются войны, нищета, болезни, безбрачие, поздние браки и т. п. В дальнейшем, несмотря на то, что идеи Мальтуса подверглись серьезной критике и стали предметом острых дискуссий, они были подхвачены многочисленными последователями, так называемыми неомальтузианцами [Глобалистика... 2006: 617]. И тем не менее ни до появления Римского клуба, ни в докладах этой организации [Глобалистика... 2003: 317–318], ни в многочисленных перечислениях глобальных проблем современности, ярким выражением которых стала их классификация, предложенная И. Т. Фроловым и В. В. Загладиным [Глобалистика... 2016: 81–83; 201–204], проблема перенаселения планеты при всей ее важности никогда не выделялась в качестве доминирующей и наиболее серьезной угрозы мировому сообществу.

Пожалуй, редким исключением из этого правила является творческая деятельность С. П. Капицы в последние годы его жизни, когда он, ранее специально не занимавшийся демографической проблемой, вдруг как-то особенно остро почувствовал в этом наибольшую угрозу всему человечеству. Его последние работы, посвященные данной теме, не оставляют сомнения в том, что среди всех глобальных проблем современности он выделил неконтролируемый рост населения в качестве самой приоритетной проблемы [Капица 1999; Kapitza 2007]. «Человечество переживает эпоху глобальной демографической революции, – писал он. – ...Это величайшее по значимости событие в истории человечества с момента его появления в первую очередь проявляется в динамике народонаселения. Однако оно затрагивает все стороны жизни миллиардов людей, и именно поэтому демографические процессы стали важнейшей глобальной проблемой мира и России. От их фундаментального понимания зависит не только настоящее, но и, после текущей критической эпохи перемен, предвидимое будущее, приоритеты и неравномерность развития, устойчивость роста и глобальная безопасность» [Капица 2008: 128].

### **Стихийная миграция, или «демографический потоп»**

И все-таки, какой бы острой ни была проблема неконтролируемого и взрывного роста населения нашей планеты, главная опасность человечеству исходит не от самого этого процесса. Точнее, угроза исходит не непосредственно от этого процесса, а от его производной – все возрастающей и расширяющейся до планетарных масштабов миграции населения, связанной с переменой места жительства. На этот счет имеется множество публикаций прикладного и научно-теоретического характера [Таран 2010; Алешковский 2011; Акаев, Садовничий 2011; Ивахнюк 2015; Алешковский, Ионцев 2015; Алешковский 2014 и др.], однако философских обобщений явно не хватает. В итоге без должного внимания все еще остается важнейший аспект данной проблемы – объективная неизбежность выхода ее на передний край наиболее серьезных угроз человечеству. И прежде всего потому, что в отличие от других глобальных проблем, перед лицом которых все человечество предстает как единое целое, глобальная неконтролируемая миграция делит все человечество на две антагонистические части – тех, кто переселяется, и тех, к кому переселяются. Как замечает в этой связи И. В. Ивахнюк, «поиск

согласованных решений в деле управления миграционными процессами на межгосударственной основе является непростой задачей прежде всего вследствие объективного несовпадения интересов двух групп государств, участвующих в миграции как принимающие страны и страны выезда» [Ивахнюк 2016: 39]. Но в полной ли мере осознается сегодня специфика данной проблемы? Скорее нет, чем да.

Тот переполох, который поднялся после наплыва в Европу эмигрантов из Африки и Ближнего Востока, и те перемены, которые после этого стали происходить в умонастроениях европейцев, да и в целом в западном мире, несколько не меняют сути дела. Да, конечно, неуправляемая миграция всколыхнула устоявшийся размеренный ритм жизни благополучных европейцев, встревожила и повернула их сознание к теме, которая еще недавно, казалось бы, не представляла никакой опасности, а была скорее обычным и даже позитивным явлением. И это в самом деле так, поскольку качественный состав эмигрантов и их количество до определенного момента не превышали тех естественных пределов, за которыми переселенцы относительно благополучно адаптировались в новой среде. Но с тех пор как серия «цветных революций», прокатившихся по странам, примыкающим к Центральной и Западной Европе, всколыхнула огромные массы малограмотного населения с иным уровнем цивилизационного развития, иной культурой и религией, а европейские государства, культивирующие принципы гуманизма, всеобщих прав человека, толерантности и мультикультурализма, открыли им двери, ситуация резко изменилась. Стало вполне очевидно, что радушный прием значительного количества инородного населения не только не устраняет причины, побудившие переселенцев к эмиграции, но и создает массу принципиально новых проблем, теперь уже для самого коренного населения.

В итоге такие зоны напряжения, какой стала на данный момент Западная Европа или, например, создающая лагеря беженцев Турция, привлекают к себе в последнее время все более пристальное внимание научной и широкой общественности. Причиной тому – значительные перемены, которые произошли за последние 50 лет в распределении международных миграционных потоков. Так, «если в 1960 г. большая часть международных мигрантов (57,2 %) находилась в развивающихся регионах, то в настоящее время более 60 % международных мигрантов приходится на развитые регионы мира. В настоящее время регионом с наибольшей численностью международных мигрантов является Европа (более 64 млн чел. в 2005 г.), за ней следуют Азия (53,3 млн чел.), Северная Америка (44,5 млн чел.) и Африка (17,1 млн чел.)» [Алешковский, Ионцев 2008: 80]. Таким образом, как отмечает И. А. Алешковский [2011], международные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества. В то же время более серьезный аспект данной проблемы остается пока еще вне поля зрения, а именно: дело не сводится только к Европе или каким-то иным отдельным очагам напряженности, порожденным переселенцами.

*Многоаспектная глобализация – вот второй ключевой фактор современной ситуации, который, соединенный с демографическим взрывом, породит лавину планетарной миграции, способной перекрыть сложившуюся к настоящему времени архитектуру глобального человечества. Иными словами, глобализация вкупе с демографическим взрывом рано или поздно приведут к демографическому*

цунами в планетарном масштабе. Это неизбежно, и вот почему: и нарастающая глобализация, и экспоненциальный рост населения планеты подчинены действию объективных законов, а современное человечество не имеет возможностей целенаправленно регулировать их, тем более не в состоянии управлять этими процессами.

Но почему эта новая опасность обязательно должна реализоваться в своем крайнем проявлении, почему она должна необходимо случиться? Неужели, например, предельно опасная угроза ядерной войны, которая вот уже более полувека дамокловым мечом висит над человечеством, для него менее значима? Как ни парадоксально, но это именно так. Угроза ядерного уничтожения может сохраняться бесконечно долго в виде только лишь потенциального апокалипсиса, во всяком случае, до тех пор, пока те, от кого зависит применение ядерного оружия, будут обладать как минимум здравым смыслом и воздерживаться от перехода той запретной черты, за которой последует катастрофа [Назаретян 2015].

Новая же угроза, обусловленная глобальным «демографическим наводнением», не зависит от поведения и умонастроений отдельных людей. Она уже назрела и с необходимостью реализуется в соответствии с объективными процессами, аналогичными тем, которые описываются вторым законом термодинамики<sup>3</sup>. Важно иметь в виду, что глобальное человечество ограничено в своем жизненном пространстве вполне конкретными параметрами – пригодной для жизни территорией нашей планеты, и потому с этой точки зрения оно является замкнутой системой. Теперь представим себе избыточное и неравномерно распределенное население Земли в виде «теплового покрывала» планеты, которое являет собою сотканное в единое целое полотно, покрывающее множество территорий: от малонаселенных, назовем их условно «холодными», участков этого покрывала, до максимально перенаселенных, которые будем именовать предельно «горячими». Вполне очевидно, что при определенных условиях (в данном случае создаваемых многоаспектной глобализацией, о чем мы скажем ниже) эта неравновесная структура претерпит такие глобальные трансформации, которые «уравновесят» перенаселенные и менее населенные территории планеты. Иначе говоря, реализуется известное выражение Аристотеля: «Природа не терпит пустоты», и так или иначе, мирным или немирным путем, относительно плавно или резко, но явно в исторически непродолжительное время глобальное территориальное перераспределение современной популяции *Homo sapiens* в предопределенном направлении кардинально изменится.

Такое невозможно было еще сто-двести лет тому назад, не говоря уже о более ранних исторических эпохах. Тогда в автономных, относительно замкнутых, не связанных между собою в единую глобальную систему общественных системах миграционные процессы в массе своей носили локальный, максимум региональный характер. Иными они и быть не могли уже хотя бы в силу отсутствия соответствующих транспортных средств и коммуникаций, позволяющих перемещать огромные массы людей на большие расстояния в течение относительно короткого времени. Все это появится позже, в XX в., когда скоростные железнодорожные магистрали, автобаны и современные автомобили, многочисленные теплоходы

---

<sup>3</sup> Суть второго закона термодинамики заключается в том, что в замкнутых системах тепловые процессы движутся в сторону окончательного равновесия.

и океанские лайнеры, наконец, аэробусы и разветвленная сеть гражданских авиалиний вкупе с открывающей все «двери» и «окна» национальных государств многоаспектной глобализацией и сопряженной с нею информационно-технологической революцией окончательно «замкнут» все человечество в единое информационное и территориальное пространство. Планета Земля с этого времени становится для всех ее обитателей, по образному выражению экологов, «общим домом», «коммунальной квартирой», «маленькой деревней», «лодкой в океане», «островком во Вселенной», где нечто серьезное, происходящее в какой-то одной части планеты, сразу же эхом разносится по всей ее территории и реально (прямо или косвенно) сказывается на жизни многих людей независимо от места их проживания. И тогда нужен лишь толчок или иное возмущающее действие, порой совсем незначительной величины, чтобы структурные элементы, напряжение между которыми приблизилось к критической точке, пришли в движение.

### **Революционная ситуация: точка бифуркации**

Наглядным примером таких процессов являются социальные революции вообще и «цветные» в частности. Будучи результатом острых противоречий и не решенных в обществе проблем, они выступают спусковым механизмом, дающим старт к разрешению этих противоречий. При этом «социальные сети способны сыграть надлежащую роль лишь тогда, когда население страны готово к революции» [Акаев, Акаева 2011: 61]. Иными словами, революции, меняющие социально-политическую и экономическую ситуацию в стране, никогда не могут произойти и тем более быть успешными, если еще не сложилась революционная ситуация, формулировку которой впервые дал В. И. Ленин в своей работе «Маевка революционного пролетариата» (1913 г.): «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» [Ленин 1973: 300]. Также и для появления мощной волны эмиграции в планетарном масштабе недостаточно одного демографического взрыва; важно еще, чтобы для этого имелись соответствующие транспортные коммуникации, а также экономическая, культурная, информационная и т. п. открытость, что, собственно, и обеспечивается современным этапом многоаспектной глобализации.

В данном случае вполне уместно провести аналогию между все менее поддающейся контролю массовой эмиграцией и снежной лавиной. Так, для схода снежной лавины необходимо накопление соответствующей массы снега, общий вес которой под действием силы тяжести способен преодолеть критическую точку в соотношении этой массы и силы трения, удерживающей лавину от сползания вниз<sup>4</sup>. При достижении этой точки невозврата хватит небольшого землетрясения, а иногда достаточно и выстрела, если и вовсе не просто громкого эха, чтобы лавина пришла в движение. И тогда, вначале еле заметно, затем все сильнее и напористее огромные массы льда и снега приходят в движение, устремляясь вниз нарастающим сокрушительным потоком, сметая все на своем пути и формируя в конечном счете новый, более устойчивый к подвижкам ландшафт. Вот таким спусковым механизмом, своеобразным «землетрясением», «выстрелом», для мас-

<sup>4</sup> В синергетике такое положение системы именуется точкой бифуркации, что означает критическое состояние системы, при котором она становится неустойчивой относительно любого воздействия на нее.

сового переселения большого количества людей в Европу из окружающих ее стран стали «цветные революции» и последовавшие за ними военные конфликты.

Явление это не новое. Достаточно вспомнить буржуазные революции Нового времени в Европе и инициированную ими волну активной эмиграции в Америку европейцев, чему способствовали уже тогда активно развивавшиеся глобальные процессы. Еще более ярким примером массового переселения народов стала Великая русская революция 1917 г. и последовавшая за этим Гражданская война, которые проходили в условиях уже *фундаментальной глобализации* [Чумаков 2017а: 223–256], в полной мере охватившей к тому времени мировую экономическую и политическую сферы общественной жизни. Важно подчеркнуть, что переселенцы этой и предыдущих эпох в относительно короткие сроки и достаточно быстро ассимилировались на новом месте, а конфликтные ситуации, если таковые случались, заканчивались в своей острой форме победой и в конечном счете доминированием переселенцев. Это было в тех случаях, когда организационное и технологическое преимущество было на стороне переселенцев, примером чего может служить колонизация, например, Северной и Южной Америки или Австралии и Новой Зеландии.

Однако теперь, когда глобализация, охватившая практически все сферы жизни мирового сообщества, делает взаимовлияние и взаимопроникновение различных культурно-цивилизационных систем неизбежным и все усиливающимся процессом, а в то же время в качестве мощного организующего фактора стала выступать идеология, в том числе и конфессиональная, христианская культурно-цивилизационная система западного образца оказалась уязвимой перед натиском исламской культурно-цивилизационной системы.

### **Общечеловеческие ценности и провал политики мультикультурализма**

Западный мир, и Западная Европа в частности, поставили во главу угла *общечеловеческие ценности*, такие, например, как *свобода, права человека, просвещение, толерантность, мультикультурализм, политкорректность, свобода совести, верховенство закона* и т. п., что сделало культурно-цивилизационные системы этого мира относительно стабильными, опирающимися на принципы демократии и гражданского общества. Это не та почва, на которой уютно чувствуют себя и тем более процветают абсолютизм, вождизм, тоталитаризм, авторитарность, централизация, унификация, фундаментализм и иные формы радикализма, хотя и здесь они находят свои ниши и отдельные возможности для проявления. Проблема, однако, в том, что за пределами западного мира, который объединяет далеко не большую часть человечества, трактуемые на западный манер *общечеловеческие ценности* мало что означают, а если и воспринимаются в лучшем случае на уровне формального признания, то трактуются порой совсем иначе, по-своему, с позиции собственных культур, верований и традиций. Здесь как раз и кроются корни противоречий и столкновений, в которые вступают переселенцы и аборигены. И чем многочисленнее группы переселенцев, тем более вероятными становятся и принимают более острые формы конфликты и столкновения.

Так, например, для людей, прибывающих в Западную Европу из стран и регионов, где они жили в условиях крайней нищеты, бесправия и религиозной ангажированности, а еще по большей части без образования и тем более просвещения, идеи *свободы, прав человека, толерантности, политкорректности* и т. п. очень

быстро усваиваются и воспринимаются как должные в контексте «диодной проводимости», т. е. «в одну сторону». Иными словами, применимость их по отношению к себе – да, причем в интерпретации с позиции западных ценностей; тогда как по отношению к коренному населению прямо или косвенно проявляются нормы, принципы, привычки, традиции и образ жизни переселенцев, которые нередко далеки от политкорректности, а их поведение зачастую не согласуется с идеями мультикультурализма и толерантности.

И в самом деле, как объяснить чужеземным толпам обездоленных людей, что необходимо защищать права не только человека, но и животных, почему нужно строить приюты для кошек и собак, тогда как там, откуда они прибыли, люди живут в гораздо худших условиях, не имеют никаких прав, а о приютах для детей и стариков, да еще благоустроенных, и не мечтают. Такого рода противоречия посредством только привития иммигрантам либеральных ценностей не решаются. А поскольку для толерантных европейцев выработка какой-то особой политики по отношению к переселенцам представляется совершенно недопустимым нарушением демократии, то, как справедливо замечает Р. Баталов, социал-демократия Европы набрасывает «на себя удавку политкорректности. Эта удавка не позволяет многим политикам понять сущность тех явлений, свидетелями которых они являются» [Баталов 2015].

Реальность же такова, что уже сегодня при депопуляции коренного европейского населения быстрыми темпами растет приток эмигрантов, причем по большей части из мусульманских стран. Мусульмане как раз в большей степени проявляют неготовность и нежелание интегрироваться в новую, непривычную для них среду, повышая тем самым потенциал конфликтности общества. С каждым новым внутренним или внешним противоречием их поведение становится все более требовательным и агрессивным. И чем быстрее увеличивается их популяция, тем больше это ведет к изменению этнического и духовного облика европейских стран. Так, без военных баталий и кровопролития происходит по существу завоевание колыбели западного мира. О таком сценарии покорения Европы, как теперь принято говорить, с позиции «мягкой силы», впервые было сказано еще в 1974 г. алжирским политиком и главой государства Хуари Бумедьеном, который, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, отметил: «Однажды миллионы людей покинут южное полушарие, чтобы проникнуть в северное. Уж конечно, не как друзья. Ибо они придут, чтобы завоевывать. И они завоюют вас тем, что населят северное полушарие своими детьми. Чрево наших женщин принесет нам победу» [Там же]. Практически эту же мысль, но уже в наше время повторил и духовный лидер «Братьев-мусульман»<sup>5</sup> шейх Юсуф аль-Карадави, который прямо заявил: «После того, как ислам дважды был вытеснен с континента, он еще раз вернется в Европу в качестве завоевателя и победителя. Только на этот раз мы завоюем Европу не мечом, а молитвой, распространяя идеологию ислама» [Там же]. Вполне очевидно, что именно в такого рода умонастроениях, корнями уходящих в иные культурно-цивилизационные системы, следует искать причины провала политики мультикультурализма, которая является ярким выражением западной системы ценностей в действии. Конечно, исламское «наводне-

<sup>5</sup> Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ние» в Европе порождает соответствующую ответную реакцию, но пока что она вряд ли является адекватной существующей угрозе.

### **Неизбежность планетарного демографического сдвига**

Продолжая логику развития и взаимовлияния объективных глобальных и демографических процессов вплоть до начала XXI в. (в демографии до взрыва и экспоненциального роста численности населения, а в глобальной динамике – до многоаспектной глобализации), приходим к выводу, что одной Европой дело не ограничится. Весь мир так или иначе с необходимостью придет в движение. Демографические потоки будут усиливаться, направляясь оттуда, где переизбыток населения и нагрузка на биосферу превышают предельные значения, туда, где жизненное пространство пусто или комфортно используется относительно небольшим количеством коренного населения. Как справедливо заметил в этой связи С. П. Капица, «в настоящее время исключительно возросла подвижность народов, сословий и людей. Как страны АТР, так и другие развивающиеся страны охвачены мощными миграционными процессами. Перемещение населения происходит как внутри стран, в первую очередь из сел в города, так и между странами. Рост миграционных процессов, охвативших теперь весь мир, приводит к дестабилизации как развивающихся, так и развитых стран. В XIX и XX вв., во время пика прироста населения в Европе, эмигранты направлялись в колонии, а в России – в Сибирь и республики Советского Союза. Теперь же возникло обратное перемещение народов, существенно меняющих этнический состав метрополий» [Капица 2008: 138]. При этом он также отмечал, что «исторический процесс, который ранее занимал века, теперь крайне ускорился» [Там же]. Если к этому добавить еще и то, что Земле по причине парникового эффекта грозит повышение уровня Мирового океана на 6–9 метров и, как считают специалисты, «некоторые из прибрежных районов планеты, на которых в настоящее время проживает порядка миллиарда человек, могут уйти под воду» [Земле... 2017], то проблема массовой миграции в планетарном масштабе становится неизбежной. И дело только за временем.

### **Демография и восточные ветры глобализации**

Возвращаясь к неравномерному распределению населения на планете, следует выделить два примерно одинаковых территориальных сегмента. Один из них – это слабонаселенная Россия и по большей части относительно неперенаселенный, но благоустроенный и достаточно комфортный для проживания западный мир, включая Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию. Это также, с определенными оговорками, и Южная Америка. Другой территориальный сегмент, напротив, предельно перенаселенный, напоминающий собой переполненное водохранилище, куда продолжают поступать все новые потоки воды при уже начавшемся разрушении дамбы, включает в себя, помимо Китая и Индии, практически всю Юго-Восточную Азию, исламский регион и в определенной мере Африку.

Среди них Китай уже сегодня является безусловным лидером по количеству населения, покинувшего пределы своей родины. И дело не только в том, что это самая населенная страна в мире, где к тому же почти две трети территории практически непригодны для проживания и ведения хозяйства. Не менее важно и то,

что Китай успешно интегрируется в современный глобальный мир. Китайцы тонко уловили новые объективные мировые тенденции. Они своевременно почувствовали и хорошо осознали, что глобализация – это то, что наилучшим образом отражает сегодня их интересы и в полной мере может на них работать. Глобализация дает им значительные преимущества, открывает новые возможности, и потому она им «мать родная». А главное – их много. И не просто много (индийцев почти столько же), но китайцы – глобально ориентированные, планетарные пассионарии, ярко выраженные прагматики, на что индийцы, образно говоря, «не тянут».

Китайцы теперь в числе основных игроков на мировой арене, и дело идет к тому, что их позиции и влияние будут только укрепляться. Идея возрождения Великого шелкового пути (а также «Морского шелкового пути»), которую они словом и делом напористо продвигают в последние годы, или, например, призывы к созданию «единой мировой экологической цивилизации» – уверенные шаги в том же направлении. Если принять во внимание, что глобализацию они рассматривают не как угрозу, а как изначально объективное явление, открывающее им новые возможности и перспективы, то становится вполне очевидным, почему они сейчас самые главные «либералы», сторонники «открытых дверей», «единого человечества», «общей судьбы мирового сообщества», «глобальной экологической цивилизации», «межкультурного диалога», «открытого общества» и т. п. Перехватывая инициативу либерализма, китайцы ловят в свои либерально окрашенные паруса попутные ветры глобальных перемен. Теперь они не борются с культурными и техническими достижениями западной цивилизации и общечеловеческими ценностями, а, принимая их и используя по существу западную либеральную риторику, вкладывают в нее свой смысл, согласующийся с их культурой, традициями и ценностями, которые принципиально отличаются от западных.

Так, например, китайцы по своему мировоззрению – народ нерелигиозный. Даосизм и тем более конфуцианство – это не столько религии (и даже не религии в нашем понимании), сколько философия, идеология, мировоззрение и образ жизни. У них нет Бога-творца, и в массе своей они, не обремененные умозрительными конструкциями о боженьке, рае, аде, загробной жизни и т. п., мыслят прагматично в желании овладеть знаниями и пониманием великого закона «Дао», стоя при этом на «Земле» (Инь), живя в «Поднебесной» и устремляясь к «Небу» (Ян). Вслушиваясь в голоса природы, прильнув к вечности, стремясь к гармонии с окружающим миром, они нацелены на поиски путей овладения естественным законом «Дао». То есть они не возносят молитвы всевышнему, не надеются на помощь и поддержку потусторонних божественных сил, а рассчитывают прежде всего на самих себя. При этом китайцы никуда не торопятся, они хорошо понимают, что время и объективный ход мировых событий работают на них. И с распространением их по миру все будет происходить (да уже и происходит) мирно, спокойно, неспешно, в режиме взаимного сотрудничества и дозированного применения «мягкой силы», на которую они все больше обращают внимание и делают ставку. Иными словами, Китай – это затаившийся дракон, который уже взлетает, но в полной мере еще не явил себя миру, поскольку не афиширует это, руководствуясь максимами Дэн Сяопина, сформулированными им для Китая: 1) хладнокровно наблюдать; 2) укреплять позиции; 3) уверенно реагировать на изменения; 4) скрывать свои возможности; 5) выигрывать время; 6) не привлекать

к себе внимания; 7) никогда не становится лидером; 8) заниматься конкретными делами [Бажанов 2011].

Речь китайского лидера Си Цзиньпина в январе 2017 г. на открытии Давосского экономического форума наглядно продемонстрировала именно такой подход КНР к современным делам. Уже сам факт, что на этом знаменитом международном форуме, открывая его, впервые выступал глава Китайского государства, речь которого была «суперлиберальной» и стала «одой рыночной экономике», говорит о многом. Си Цзиньпин выступил в защиту глобализации и призвал мировых лидеров отказаться от политики протекционизма. «Глобализация мировой экономики способствует всеобщему развитию, – сказал он и предложил по существу либеральную программу действий. – Мы должны сохранять приверженность свободной торговле и инвестициям. Мы должны продвигать либерализацию торговли и инвестиций, оказывать помощь и быть открытыми» [Коммунизм... 2017].

Такой подход в международных экономических делах вполне согласуется с современной демографической политикой Китая. В частности, в настоящее время там уже отказались от принятой в 1979 г. программы планирования семьи, получившей название «Одна семья – один ребенок». И дело не только в том, что к этому побудили социально-экономические причины и вполне очевидные возрастные «демографические перекосы». Существенным оказалось и то, что проводимая Китаем политика «открытых дверей» (а вовне они теперь буквально распахнуты настежь) позволяет все возрастающему количеству китайцев уезжать из страны, что ослабляет «демографический прессинг» в самой КНР и, что еще более важно, образует по всему миру все более густую сеть китайского присутствия.

По существу, китайская ползучая демографическая экспансия пока еще не привлекла особого внимания широкой общественности, поскольку не так бросается в глаза, в частности на фоне активного исламского заселения Европы. Мусульман в мире почти столько же, сколько и китайцев, но в массе своей, с точки зрения места их рождения, они более рассредоточены по странам и континентам. Они тоже пассионарны, к тому же имеют мобилизующую идеологию – ислам, и под его знаменами радикально настроенные переселенцы ведут себя более напористо, а то и вовсе вызывающе. Мусульманский мир внушает беспокойство и тем положением, в котором он оказался в условиях глобализации. Последняя не дает исламским странам цивилизационных преимуществ, поскольку в значительной степени разворачивается на основе ценностей западной цивилизации. С. Хантингтон одним из первых обратил на это внимание, когда рассуждал о «столкновении цивилизаций». Но суть дела намного сложнее – речь должна идти не о междоцивилизационных столкновениях, а о культурно-цивилизационных различиях и противоречиях [Чумаков 2017б: 369–427].

Еще одним из самых перенаселенных районов мира являются Индия и прилегающие к ней страны, где живет каждый пятый из 7,5-миллиардного населения Земли. Для них так же остро стоит проблема переселения, но они пока не могут воспользоваться в этих целях преимуществами глобализации в такой же мере, как, например, китайцы. Во-первых, серьезным препятствием на этом пути является их иная – довольно сильно религиозно окрашенная – ментальность, что делает их мировоззрение менее космополитичным. Во-вторых, здесь существенно выше уровень бедности и неграмотности, что серьезно сдерживает мобильность населения, которая может быть значительно усилена только в случае слишком

серьезных социальных потрясений или масштабной катастрофы. В-третьих, экономическая, политико-идеологическая и демографическая экспансия на международной арене (по мощи, всеохватности и динамике) у Индии по сравнению с Китаем намного меньше. Наконец, ниша новых возможностей для обгона индийцами китайцев хотя бы в экономическом соревновании на мировой арене сегодня практически отсутствует. Иными словами, на узкой дороге всемирной гонки в условиях «войны всех против всех» обогнать китайцев индийцы чисто теоретически смогли бы, но лишь в том случае, если бы те уступили им дорогу, чего они, конечно (не случись чего-то экстраординарного), не сделают, всегда ощущая в лице индийцев своих ближайших соперников и исторических конкурентов. И все-таки на этом этапе исторического развития более серьезными соперниками для китайцев в соревновании за освоение демографических ниш являются, пожалуй, мусульмане. Таким образом, в преддверии Великого переселения народов уже по существу начинается битва за то, кто наводнит планету своим населением.

### **Столкновение культурно-цивилизационных систем**

Понимают ли в остальном мире, и в западном в частности, всю степень серьезности мирового демографического сдвига, если не цунами? Скорее нет, чем да. И прежде всего потому, что в западном мире, и в Европе в особенности, не осознали еще принципиальной разности культурно-цивилизационных систем современного человечества, того, что люди Запада живут в окружении именно других культурно-цивилизационных систем, принципиально отличающихся от их собственной. Они не придают пока еще должного значения глобальным тенденциям и переменам, открывающим врата и двери национальных границ; не хотят признать, что их либерализм, толерантность и мультикультурализм при столкновении с другими культурно-цивилизационными системами оборачиваются против них самих. Конечно, нельзя оспорить благородство и высокую духовность выстрадавших и проверенных исторической практикой западного мира идей либерализма, гуманизма, прав человека (вплоть до соблюдения прав животных), мультикультурализма, толерантности и т. п., но нельзя также забывать и о том, что на исходе XX в. произошло с марксизмом, гуманистическая направленность и красота идей которого (что также трудно отрицать) не выдержали суровых испытаний конкретной практикой реальной жизни.

И тем не менее ощущение нарастающего напряжения в мире уже все больше становится реальностью. Так, по словам А. Чубайса, одного из участников уже упоминавшегося Давосского экономического форума, он почувствовал там нечто из ряда вон выходящее. «Самое точное описание нынешнего Давоса, – сказал он, – это ощущение ужаса от глобальной политической катастрофы. Причем, заметьте, по экономике ничего катастрофического не происходит» [Чубайс... 2017]. Абсолютное большинство участников Всемирного экономического форума в Давосе испытывают ужас перед приближающейся, по их мнению, политической катастрофой. «Мир, построенный после Второй мировой войны, рушится, его больше нет», – резюмировал Чубайс [Там же].

Наиболее характерной реакцией на такое положение дел является, пожалуй, «Брекзит» (выход Англии из ЕС). Это наиболее масштабный и решительный шаг, продиктованный разногласием в Евросоюзе относительно необходимости пере-

мен и смены проводимого ныне курса, не учитывающего в том числе указанные выше проблемы и противоречия. Конечно, нельзя оставить без внимания и негативную позицию Венгрии, Польши, прибалтийских стран относительно приема у себя эмигрантов или, например, позицию М. Ле Пен, лидера французской политической партии «Национальный фронт», выступающей за выход Франции из Евросоюза, но они пока еще не находят должной поддержки и не играют определяющей роли в европейских делах.

Последние президентские выборы в США, на которых неожиданно для многих победил Д. Трамп, – событие такого же рода. Трамп каким-то образом почувствовал главную угрозу своей стране – нарастающую и выходящую из-под контроля иммиграцию, излишнюю открытость внешнему миру, утрату позиций в борьбе за установление демократии за пределами своей страны... Теперь он пытается реализовать свои предвыборные обещания на практике, ограничивая въезд в страну граждан ряда исламских государств, поддерживая идею строительства стены на границе с Мексикой, проводя протекционистскую политику и т. п. Однако в условиях глобального мира и всеобщей взаимозависимости все это может дать лишь временный, ситуативный эффект, но не решает проблемы в принципе.

Многоаспектная и все усиливающаяся глобализация не оставляет ни США, ни каким-либо другим странам (во всяком случае, на отдаленную перспективу) серьезных шансов закрыться в пределах своих границ или отгородиться друг от друга какими бы то ни было заборами. И китайцы это хорошо почувствовали, потому что стремятся смотреть на мир через призму объективных тенденций и мыслить глобальными категориями на большие дистанции. Подтверждением тому являются слова Си Цзиньпина, которые он произнес на Давосском форуме, ратуя за политику «открытых дверей». «Необходимо сказать “нет” протекционизму в экономике. Потому что это все равно, что запереться в темной комнате: вы защитите себя от дождя и ветра снаружи, но воздух и свет внутрь также попасть не смогут» [Коммунизм... 2017], – сказал руководитель Китая. По существу, Китай делает заявку на то, чтобы наряду с США и другими странами Запада выступать в качестве ведущего игрока глобализации, о чем достаточно ясно высказался в Давосе китайский лидер, когда сказал, что «некоторые люди винят глобализацию за хаос в современном мире. Действительно, она создала проблемы, но нельзя из-за этого полностью отказываться от глобализации. Нужно направлять ее, минимизировать негативные последствия, давая вкусить плоды всем странам. Мировая экономика – как океан, от которого не отгородишься. Но Китай научился в нем хорошо плавать» [Сухарева 2017]. Еще более четко на этот счет высказался глава департамента международного экономического сотрудничества МИД страны Чжан Цзюнь, который заявил: «Раз уж требуется, чтобы Китай играл роль лидера, то мы должны взять на себя эту ответственность» [Там же].

Итак, суммируя вышеизложенное, можно сказать, что в то время как Европа проявляет определенную осторожность и осмотрительность в международных делах, Соединенные Штаты как относительно молодая культурно-цивилизационная система ведут себя несколько иначе. Американцы – прагматики и потому мыслят по большей части тактически, на короткие дистанции. Они не любят и не хотят ждать. Они хотят иметь результат уже сегодня, «здесь и сейчас», а потому обычно действуют активно, инициативно, по-деловому, концентрируясь на реше-

нии тактических задач даже тогда, когда говорят о стратегических целях. Сущность такого мировоззрения наилучшим образом передают слова одного из наиболее ярких представителей американской философской мысли У. Джемса, который так определил кредо американского прагматизма: «Мы стоим в горном проходе, среди снегов и вихрей, окутанные туманом, сквозь который иногда открывается вид на тропинки, быть может, ненадежные. Если мы будем стоять без движения, мы рискуем замерзнуть; если мы выберем ложный путь, мы можем разбиться насмерть; мы даже не знаем наверное, есть ли истинный путь? Что же нам делать? Не терять присутствия духа! Действовать, надеясь, что все к лучшему, а там будь что будет!» [Джемс 1904: 35]. Именно так и поступают США, внешняя политика и конкретные действия которых во Вьетнаме, Ираке, Югославии, Афганистане, Ливии, Сирии – наглядное тому подтверждение. Главное – действовать! А что потом? Этот вопрос появляется, как правило, позднее...

Иначе обстоит дело с культурно-цивилизационными системами, история которых насчитывает многие столетия и тысячелетия. Там мыслят стратегическими категориями на длинные дистанции и умеют ждать: не спешат ни в словах, ни в делах, добиваясь поставленных целей. Китай или, например, Иран – примеры такого рода культурно-цивилизационных систем. Можно сколько угодно иронизировать над известным выражением «тысяча первое китайское предупреждение» или над очередным уже изрядно поднадоевшим заявлением, что «Тайвань – это Китай», но приходит время, и Гонконг, Макао, принадлежность которых Поднебесной повторялась китайцами как мантра более ста лет, снова оказываются под юрисдикцией Китая...

Так будем ли безучастно ждать «Всемирного демографического потопа», начнем ли действовать «здесь и сейчас», строя от безысходности «дамбы»<sup>6</sup>, хотя и очевидно, что это не более чем паллиативы, или будем искать пути совместного решения этой и многих других проблем глобального масштаба? Вот в чем вопрос, поистине достойный великого Шекспира.

### *Литература*

Акаев А. А., Акаева Б. А. Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений // Век глобализации. 2011. № 1. С. 44–66.

Акаев А. А., Садовничий В. А. Глобальные демографические модели как основа для стратегического прогноза // Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого, С. Ю. Малкова. М.: Красанд, 2011.

Алешковский И. А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 159–181.

Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–136.

Алешковский И. А., Ионцев В. А. Тенденции международной миграции в глобализующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2. С. 77–87.

---

<sup>6</sup> Читай – городить заборы (на что пошли в некоторых странах Европы, чтобы остановить волны нелегальных эмигрантов) или строить стены между соседними странами, как это уже делается в Израиле и США.

Алешковский И. А., Ионцев В. А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 75–87.

Бажанов Е. Лучше дружить с Китаем, а не против него. 2011 [Электронный ресурс] : Независимая газета, 14 февраля. URL: [http://www.ng.ru/dipkurer/2011-02-14/10\\_china.html](http://www.ng.ru/dipkurer/2011-02-14/10_china.html).

Баталов Р. Слепая вера имеет злой глаз, или последствия исламизации Европы. 2015 // Русская народная линия: [сайт]. URL: [http://ruskline.ru/special\\_opinion/2015/09/slepaya\\_vera\\_imeet\\_zloy\\_glaz\\_ili\\_posledstviya\\_islamizacii\\_evropy](http://ruskline.ru/special_opinion/2015/09/slepaya_vera_imeet_zloy_glaz_ili_posledstviya_islamizacii_evropy).

Великое переселение народов кратко // AntiqueHistory.ru: [сайт]. URL: <http://antiquehistory.ru/velikoe-pereselenie-narodov-kratko/>.

Великое переселение народов // Википедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2016.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Джемс У. Зависимость веры от воли. СПб., 1904.

Земле грозит повышение уровня Мирового океана на 6–9 м [Электронный ресурс] : ТАСС. 2017. 23 января. URL: [http://tass.ru/plus-one/3964362?utm\\_source=nsp&utm\\_medium=tass&utm\\_campaign=tgb](http://tass.ru/plus-one/3964362?utm_source=nsp&utm_medium=tass&utm_campaign=tgb).

Ивахнюк И. В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011. № 1. С. 67–79.

Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.

Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 26–43.

Ионцев В. А. Международная миграция: теория и история изучения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. М. : Диалог-МГУ, 1999.

Капица С. П. Общая теория роста человечества. М. : Наука, 1999.

Капица С. П. Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008. № 1. С. 128–143.

Коммунизм за капитализм: Си Цзиньпин выступил в защиту свободной торговли [Электронный ресурс] : BFM.RU. 2017. 17 января. URL: <https://www.bfm.ru/news/344109>.

Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 23. М. : Политиздат, 1973.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации № 2(16). 2015. С. 18–34.

Население Земли // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

Сухарева О. Шелковый путь все увереннее становится на ноги [Электронный ресурс] : РИТМ ЕВРАЗИИ. 2017. 10 февраля. URL: <http://finobzor.ru/show-31487-shelko-vyu-put-vse-uverennee-stanovitsya-na-nogi.html>.

Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1. С. 66–88.

Чубайс рассказал об ужасе, охватившем участников форума в Давосе [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2017. 20 января. Экономический форум в Давосе – 2017. URL: <https://ria.ru/world/20170120/1486103110.html>.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017а.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017б.

Aleshkovski I. International Migration and Globalization: Global Trends and Perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. No. 2. Pp. 32–48.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

Kapitza S. P. Global Population Blow up and After. The Demographic Revolution and Information Society. A Report to the Club of Rome. Moscow; Hamburg : Tolleranza, 2007.

---

## О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНТИНУУМА»

Мигунов Н. И., Мигунова О. В.\*

*Современная социальная мысль Китая претерпевает серьезные трансформации. Одной из самых значительных в этом ряду является становление в ее рамках широкого цивилизационного дискурса. В специальной литературе применительно к Китаю начинает закрепляться понятие «государство-цивилизация». Даже социалистический путь развития страны все чаще интерпретируется китайскими учеными как цивилизационный выбор. На примере концепции Китая как «геоцивилизационного континуума», автором которой является известный китайский философ Жуань Вэй, в статье анализируются особенности современного китайского геоцивилизационного дискурса.*

**Ключевые слова:** геоцивилизация, цивилизационная методология, региональная глобализация, культурно-исторические формы соседства, географическая судьба, культурный ген, геосубстанция.

*The contemporary social thought in China undergoes remarkable transformations. In this regard, the formation of a broad civilizational discourse is of great significance. In special literature the term 'state-civilization' starts to be more often applied in relation to China. The Chinese scholars more often interpret even the socialist way of development as a civilizational choice. The article reveals some peculiarities of modern Chinese geo-civilizational discourse via analyzing the concept of China as a 'geo-civilizational continuum' whose author is a prominent Chinese philosopher Ruan Wei.*

**Keywords:** geo-civilization, civilizational methodology, regional globalization, cultural and historical forms of neighborhood, geographic destiny, cultural gene, geo-substance.

Нельзя не обратить внимания на одну устойчивую особенность многочисленных выступлений главы КНР Си Цзиньпина: всякий раз, когда возникает необходимость артикулировать современное понимание социализма с китайской спецификой, особенностей корневой системы ценностей, особенностей китайской ментальности или китайской мечты, он все чаще и настойчивее оперирует объемом значений, связанных с понятием «цивилизация», цивилизационная основа государства. Говорит о государстве, а подразумевает цивилизацию. Говорит о цивилизации, а подразумевает Китайское государство, то есть, называя вещи своими именами, трактует его как государство-цивилизацию. При этом Си Цзиньпин цитирует из самых разных источников – конфуцианских, даосских, даже буддийских, из исторических хроник, древней литературы и поэзии, что свидетельству-

---

\* Мигунов Николай Иванович – к. ф. н., доцент кафедры философии и культурологии СПб ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова. E-mail: migunov.nikolay@yandex.ru.

Мигунова Ольга Владимировна – к. ф. н., иностранный эксперт Бюро переводов ЦК КПК (Пекин).

ет: китайская традиция и современность, одним словом, история Китая, осознанно интерпретируется как цельность, непрерывность. И дело не просто в использовании классических максим вроде «древности на службе современности», признании роли традиции или цитировании мудрецов и поэтов эпохи Сун и Мин, а в том, что столь деликатный вопрос, как идентичность государства, ранее замыкавшийся почти исключительно на политико-идеологические квалификации, сегодня так или иначе начинает замыкаться на цивилизационный дискурс.

Мир меняется, меняются наши представления о нем, меняется и сам китайский марксизм. НТР, информационная революция, глобализация изменили облик планеты, геополитические конфигурации. Мир стал глобален, поэтому неудивительно, что и представления о сущности социализма обнаруживают тенденцию становиться более глобальными и универсальными: если раньше они базировались по преимуществу на экономических и политических критериях, то сейчас все больший вес обретают критерии, отсылающие нас к его духовным, этическим, гуманистическим и цивилизационным измерениям. Сама эпоха активизирует цивилизационное понимание глобальных процессов современности (и места Китая в них), при котором идеологические и формационные признаки отступают на второй план перед необходимостью адаптации к вызовам современности и сохранения цивилизационной целостности.

За годы реформ в Китае кардинально изменилось многое – принципы действия экономики, степень участия в ней государства, соотношение планового и рыночного начал, социально-классовая структура общества, политические формы и «надстроечные» механизмы. Однако это не означает, что идеалы социализма и сама социалистическая перспектива в Китае подлежат сомнению и тем более пересмотру. Правда, теперь социалистический выбор Китая все чаще фундируется как цивилизационный. Теперь и в специальной китайской литературе применительно к Китаю начинает понемногу использоваться термин «государство-цивилизация». Китаизированный марксизм становится все более открытой системой, в нем зримо прорастают ростки цивилизационной методологии. В этом отношении показательно, что выступление председателя Си Цзиньпина на открытии Всемирного форума Международной конфуцианской ассоциации в 2014 г., приуроченного к 2565-й годовщине со дня рождения Конфуция, практически целиком было выдержано в границах широкого цивилизационного дискурса.

Пожалуй, наиболее выразительно трансформации современной социальной мысли Китая, идущей по пути выработки цивилизационного сознания и цивилизационной методологии, могут быть представлены концепцией китайской цивилизации как *геоцивилизации*. Ее автор – известный в Китае философ, профессор Шэньчжэньского университета Жуань Вэй (阮炜)<sup>1</sup>, он начал разработку данной концепции задолго до того, как на нее было обращено внимание официальных идеологических кругов. Для Китая такая практика является нормой – любая свежая мысль, новая идея, прежде чем стать достоянием общественности с одобрения вышестоящих инстанций, поначалу «обкатывается» в течение нескольких лет

---

<sup>1</sup> Жуань Вэй (1955 г. р.) специализируется в области истории и теории цивилизаций. Докторскую диссертацию защищал в Эдинбургском университете (1986), там же в 1995 г. работал в качестве приглашенного исследователя; 1998–1999 гг. – Гарвардский университет (исследователь); 2007 г. – Кембриджский университет (приглашенный профессор), затем – Пекинский университет (профессор).

на академических площадках, причем сначала в провинции, постепенно добираясь до столицы.

Концепция Жуань Вэя интересна как попытка многомерного анализа с ярко выраженным тяготением к теоретическому синтезу традиционной китайской, современной западной и марксистской мысли. На общем фоне такого многообещающего синтеза в Китае всерьез начинают обсуждать возможности становления нового направления в рамках китайского марксизма – «историко-географического материализма» [Qiang 2011: 14–19]. Концепция профессора Жуань Вэя интересна еще и тем, что демонстрирует, как китайская общественная мысль ищет теоретические обоснования марксистской геодивизиационной методологии, выводя их из региональных особенностей собственного исторического развития, что свидетельствует о тенденциях преодоления в китайском общественном сознании методологических односторонностей экономического детерминизма, в котором традиционно и не без оснований упрекают марксизм. При этом автору удается избежать другой крайности – детерминизма географического.

По логике вещей, геодивизиационный подход должен исходить как минимум из предпосылки множественности и соположенности культурно-исторических миров. Сама по себе концепция геодивизиации в качестве своего пред условия предполагает смену жесткой дихотомической картины мира, сложившейся в древности и выражавшейся формулой «цивилизация – варвары», более толерантной, предполагающей ценностную сопоставимость различных и непохожих миров именно как культурно-исторических (по шкале «культура – культура», «цивилизация – цивилизация»). Между тем традиционные китайские представления о собственной цивилизации исходили в древности из предпосылки ее единственности (сингулярности). Несмотря на то обстоятельство, что даже самоназвание Китая как Среднего государства содержало в себе геопривязку относительно сторон света (в качестве центральной пятой координаты), эта геолокация не выходила за пределы представлений о пространственной матрице мира; представление о Поднебесной как *об одной из* геодивизиаций возникнуть в границах такого миропонимания тогда не могло.

Тем не менее при более внимательном изучении геодивизиационной концепции Жуань Вэя возникает понимание того, что некие предпосылки *геодивизиационного* мышления в Древнем Китае все же наличествовали. В подтверждение сошлемся на текст «Чжуан-цзы»: «Если понимать, что восток и запад противоположны друг другу и что невозможно отсутствие одного из них, то [устанавливается] разграничение их заслуг» [Чжуан-цзы 1972: 271]<sup>2</sup>. Что же касается Жуань Вэя, то одну из таких зачаточных форм геодивизиационного мышления он усматривает в древнейшей китайской концепции так называемых «пяти установленных подчинений» (*у фу чжи*, 五服制). Эта концепция фиксировала некую взаимосвязь между географией и культурой, то есть вела речь о «географии культуры», и служила, таким образом, обоснованием расширения *географической* зоны влияния китайской культуры [см.: Мигунов 2011: 50–54].

Уже в момент своего появления (предположительно в VI – начале V в. до н. э.) в ней была сформулирована идея «окультуривания» так называемых «территорий

<sup>2</sup> Фактически это признание значимости и ценности (в контексте взаимозависимости) каждой из сторон света, и не только в космологическом плане.

“должного” подчинения» (*яо фу*, 要服), то есть территорий, находящихся за пределами собственно китайских земель и населенных, в представлении китайцев, «варварами».

Оппозиция «варварство – цивилизация» изначально мыслилась китайцами как географическая и лишь впоследствии наполнилась культурными смыслами. Расширение географической зоны влияния китайской культуры воспринималось как естественный результат цивилизаторской политики Поднебесной – миссии, как утверждалось, возложенной на нее самим Небом. Это был, по меткому определению А. В. Ломанова, своеобразный китайский «культурологический миссионизм» [Ломанов 2002: 7]. Осуществление такой миссии мыслилось через расширение своего цивилизующего влияния на сопредельные территории *путем их культурной ассимиляции*. В тенденции это был прообраз превращения китайской цивилизации-государства в узком смысле слова (совокупности китайских царств и позднее – империи) в Поднебесную в значении «весь мир» – в глобальную, планетарную, но все же китайскую (по содержанию) цивилизацию. Но эта интенция ничем не сдерживаемого культурного георасширения, а, напротив, подпитываемого чувством цивилизационной исключительности и миссионизмом, отнюдь не стимулировала становления и признания цивилизационного полицентризма. Ибо, повторим, древний китайский цивилизационный монизм не допускал возможности существования иных форм цивилизованности, кроме китайской.

В этом отношении разработка современными китайскими обществоведами концепта «геоцивилизация» – очевидное свидетельство признания плюрализма цивилизаций и отказа от идеи цивилизационной исключительности Китая. Но по существу обращение к концепту «геоцивилизация» есть признание и чего-то большего, а именно – того обстоятельства, что мир все же сложнее, чем его представляет теория локальных цивилизаций; что мир как единое общечеловеческое цивилизационное целое состоит не из одних лишь цивилизационных образований как своих «слагаемых» и что наряду с ними существует множество более слабых, но в отличие от абстракций, именуемых цивилизациями, более «осязаемых» в культурном отношении миров (исторических культурных форм). Эти миры либо сами тяготеют к более сильным, либо сознательно ассимилируются последними. Таково действие закона *георасширения цивилизаций*, о наличии которого догадывался еще О. Шпенглер, говоря о цивилизационном «принципе экспансии» [Шпенглер 1993: 171]. История свидетельствует, что цивилизации действительно стремятся занять доминирующее положение в определенном геокультурном пространстве.

Наконец, появление этого концепта есть признание того, что геоцивилизации есть результат *соперничества* цивилизаций за расширение географического ареала своего цивилизационного влияния и доминирования. В свете вышеизложенных соображений концепция геоцивилизации Жуань Вэя представляется своего рода недостающим звеном в традиционной китайской геомантической картине мира. В его изображении она предстает трехчастной. В «промежутке» между «китайской цивилизацией» и «глобальной мировой цивилизацией» философ помещает «китайскую геоцивилизацию». По его мнению, определение ее как именно геоцивилизации более адекватно отражает реальное положение современного Китая в меняющемся мире и вместе с тем связывает древнее миропонимание китайцев

с актуальным пониманием тенденций мирового развития и перспективами нового самоопределения в условиях ширящейся глобализации.

Чем же в представлении Жуань Вэя отличается цивилизация от геочивилизации как понятие, в чем преимущество последнего? Прежде всего тем и в том, что оно охватывает и выделяет факторы, не охватываемые категорией «цивилизация»<sup>3</sup>. Одним из таких факторов, скрепляющих цивилизационные общности в геочивилизацию, у Жуань Вэя оказывается соседство. Причем слово «соседство», заимствованное из лексикона повседневной речи, приобретает у него категориальный статус. «Близкий сосед лучше дальнего родственника», – цитирует он житейскую мудрость, но делает ее содержание предметом рефлексии. Соседство, рассуждает он, объективно, неизменно, это фактор *географической судьбы* [Жуань Вэй 2006а: 48].

В связи с этим интересно отметить следующее. Как понятие геочивилизация (*диюань взньмин*), помимо указания на естественно-природные обстоятельства (видимо, включающие кроме «земли» и «кормящий ландшафт», если воспользоваться термином Л. Н. Гумилева, и климат – одним словом, то, что обозначается как «природная среда»), имеет еще один важный смысл. Он связан с многозначными контекстами иероглифа *юань* (缘) в биноме *диюань* (гео地缘), в сочетании с которыми в последнем появляется дополнительная смысловая нагрузка – «гео» со значением «причина», «удел» и «судьба», указывающая на провиденциальную связь с именно «этой» землей<sup>4</sup>. Отношения между соседними странами и даже цивилизациями, рассмотренные под таким углом зрения, оказываются не произвольными и конъюнктурными, а объективно *предопределенными обстоятельствами сопредельного существования*, то есть в терминологии Жуань Вэя – «судьбоносными». Вместе с тем этот специфически китайский нюанс (смысловой подтекст «гео») совершенно отсутствует в переводах – он не вычитывается ни в европейских, ни в русском языках.

Соседство в традиционной китайской культуре – категория далеко не мало-значимая. Конфуцианское учение, описывая последовательность гармонизации китайского социокосмоса, ставит соседство на второе место после семьи – главной центрирующей мировоззрение китайцев категории. Уже за ним следуют отношения с властью и государством, традиционно мыслимые как патронимические<sup>5</sup>. Таким образом, соседство в представлении китайцев – объективная упорядочивающая социальный космос данность, очерчивающая ближайшие «внешние» границы нашего мира. Важно отметить, что чувство соседства эмоционально снижа-

<sup>3</sup> Здесь Жуань Вэй солидарен не только с Ф. Бродецем, которого сочувственно цитирует, но и со своими китайскими коллегами, работающими в геочивилизационной парадигме [см.: Чэнь Дайгуан 1997: 25–26; Ли Ли 2003: 47–49].

<sup>4</sup> Точнее, не с «землей» в буквальном значении слова «гео», а, например, с «доменом» («владениями»), как у М. Гране, или географическими обстоятельствами в широком смысле. В качестве последних могут выступать, например, и реки (Л. И. Мечников, 1838–1888), и в целом «водная стихия» (связь восточных деспотий с «гидравлическим» типом обществ у К.-А. Виттфогеля, 1896–1988). В геополитике такая зависимость нашла свое отражение в теории талассо- и теллурократии А. Т. Мэхэна и его многочисленных сторонников.

<sup>5</sup> Добавим, что конфуцианский идеал отношений «правитель – подданные» и весь спектр остальных социальных связей в государстве мыслятся по аналогии с внутрисемейными отношениями: родители – дети, братья – сестры, родственники и т. д. Сюнь-цзы говорил: «...люди, живущие между четырьмя морями, составляют одну семью» [Сюнь-цзы 1973: 156]. Более того, в антропокосмическом воззрении Чжан Цзая (1020–1077) на единство мира (Вселенной) весь мир – одна семья. Также и по словам Ван Янмина (1472–1529): «Все человечество – одна семья».

ет формальное и отчуждающее значение пределов своего мира как именно «границ», за которыми, как правило, наше воображение поселяет «чужих», если не врагов [Васильев 2007].

Соседи – это «не вполне» чужие, хотя и не вполне «свои». Конечно, отношения с ними могут варьироваться от любви до ненависти, от дружбы до войны, но главное Жуань Вэю видится в другом, – какими бы они ни были, они неизбежны, неустранимы. Понятие соседства фиксирует, что геоцивилизация – это наличие системы *тесных* контактов и связей, взаимодействий близких друг другу культур (по духу), территориально сопредельных в качестве объективной данности. По сути, соседство оказывается у него формой социальной связи, «переросшей» систему кровнородственных отношений, генетически связанную с образованием (и функционированием) докапиталистических социальных структур, известных исторической антропологией как «соседские общины». Собственно, исторически соседство и выступает основанием «общинности». Геоцивилизация в трактовке Жуань Вэя оказывается как бы результатом эволюции такой соседской общины, но в ином историческом масштабе и в иных исторических условиях: «соседями» в его концепции являются «группы людей», объединенных в культуры и цивилизации и выступающих в качестве новых совокупных субъектов взаимодействий (прежде всего – прагматического свойства) в глобализирующемся мире.

«Геоцивилизацию, – полагает философ, – можно рассматривать как геосторическое сообщество одной географической судьбы и, в общем, с похожей культурно-исторической памятью. Более того, [ее можно рассматривать] как сравнительно высокую, экономически и политически целостную *геосубстанцию* или *геоорганизм* (единое “тело”))» [Жуань Вэй 2006а: 12; курсив наш. – Авт.]. Концепт «геоцивилизации», таким образом, есть категориальная фиксация того очевидного факта, что цивилизации формируются и развиваются в процессе приспособления к окружающей среде. В этом смысле всякая цивилизация суть геоцивилизация. Но в силу того, что соседние народы, нации или цивилизации длительно проживают на совместной территории, предопределенной им географической судьбой, они исторически связаны друг с другом *без возможности выбора*. По этой причине они не могут избежать не только взаимодействия с окружающей средой, но и в той или иной форме сотрудничества друг с другом. Фактором, формирующим эту *геосубстанцию*, и становится соседство как судьба. Соседи становятся цивилизационными соседскими общинами, в конечном счете и образующими геоцивилизацию.

Итак, понятие геоцивилизации, по сути дела, фиксирует то обстоятельство, что сосуществование «человеческих групп» происходит в *культурно-исторических формах соседства*, которое проявляется в разнообразии взаимодействий, опосредованных пространственно-географической близостью. Если называть вещи своими именами, геоцивилизация у Жуань Вэя, по сути, оказывается результатом (и процессом) того, что мы привыкли называть региональной глобализацией. Она обнаруживает себя в различных формах надгосударственных образований – экономических, политических и военных союзов. Ярче всего региональная глобализация проявляется в своем геоэкономическом аспекте. Это признает и Жуань Вэй. В будущем, полагает он, а впрочем, уже и сейчас, «геоцивилизация» – «это в основном геоэкономическое сообщество, сформированное между государствами и даже цивилизациями» [Жуань Вэй 2006а: 12]. Следует, однако, при-

знать, что природа таких союзов имеет чаще всего конъюнктурный, а не сущностный характер, что, впрочем, в рамках традиционного китайского мышления лишь отражает диалектику взаимопревращения сущности в функцию и наоборот.

Жуань Вэй формулирует три условия трансформации цивилизации в геоцивилизацию. Первое из них мы уже назвали – это регионализация. Второе: внутри региона устанавливается разветвленная связь объективных взаимовыгодных взаимодействий, что характеризует связь субъектов взаимодействия как объединительно-разделительную, исходя из приоритета интересов. Жуань Вэй неоднократно акцентирует это обстоятельство. Третье: соседство предполагает «культурную близость» (или даже общий культурный ген) и схожую историческую судьбу. «Два-три и более прилегающих друг к другу человеческих сообщества, – пишет ученый, – могут быть классифицированы как разные “цивилизации”, но если отбросить различия поверхностного характера, отбросить типические признаки цивилизаций традиционной или “основной классификации”, то все эти разные цивилизации, возможно, обнаружат глубокое сходство или даже общий “культурный ген”» [Жуань Вэй 2006а: 4]. Тем более что, как замечает он в другой работе, исторически «ни одна цивилизация не является чистой цивилизацией» [Его же 2006б: 38]. Особенно явственно это проявляется «в эпоху глобализации, когда внутри тебя есть я, а внутри меня есть ты» (*ни чжун ю во, во чжун ю ни* 你中有我, 我中有你) [Его же 2006а: 8].

Наличие этих трех составляющих позволяет говорить, как выражается философ, о возможности «надцивилизационного» сотрудничества таких субъектов. «Сотрудничество между человеческими группами, превышающими рамки “цивилизации”, – утверждает он, – сотрудничество над-цивилизационных человеческих групп, – уже стало глобальным явлением. В настоящее время некоторые человеческие группы в определенной степени уже осуществили такое над-цивилизационное сотрудничество. Например, Евросоюз... страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии... Есть основания такие человеческие группы называть “геоцивилизацией” или “геосообществом”» [Жуань Вэй 2006а: 10].

Жуань Вэй уверен, что человечество движется в направлении формирования глобальной цивилизации. Этапом на пути ее становления как раз и является формирование геоцивилизаций. По масштабу объединенных в них территорий и населения они несомненно уступают глобальной цивилизации, но столь же очевидно «превышают» цивилизации в традиционном смысле. «Геоцивилизацию, – заключает философ, – можно рассматривать как генеральную репетицию, другими словами, геоцивилизация – это цивилизация, готовящаяся стать глобальной».

Не менее важно, что использование концепта «геоцивилизация» означает своего рода надежду: «...в ближайшем будущем особенности, характер и “статус” существующих в различных регионах планеты наций, государств или человеческих сообществ, которые часто определяемы [принадлежностью к той или иной “культуре” или “цивилизации”], больше привязываться к ним не будут. Материальное благополучие и духовное счастье объединенного человечества, разделенного границами “цивилизаций” и “культур”, больше не будет фундаментально зависеть от этих границ – оно будет построено на основе полного признания социальной справедливости, социального равенства, верховенства закона, прав человека, свободы, демократии и других универсальных ценностей, а также на ос-

нове идентичности. Короче говоря, конечный пункт назначения геоцивилизации – это единая глобальная цивилизация» [Жуань Вэй 2006а: 10–11]<sup>6</sup>.

Таким образом, две главные причины, побуждающие Жуань Вэя переводить цивилизационный дискурс в геоцивилизационный, состоят в том, что: 1) они (геоцивилизации) уже образуются как новые субъекты мирового процесса на наших глазах; 2) в этой тенденции нельзя не видеть перспективы для всего человечества, которому неизбежно предстоит двигаться от жизни цивилизаций, выстроенных на основе «локальных» культурно-цивилизационных норм и ценностей, к глобальной цивилизации, апеллирующей к универсальным «человеческим» ценностям.

Анализируя логику связей, выстраиваемых Жуань Вэем между динамикой трансформации цивилизации в геоцивилизацию как объективным вектором исторического развития и становлением общечеловеческих ценностей, мы приходим к неожиданным выводам. Оказывается, локальные культурно-цивилизационные ценности в представлении Жуань Вэя обладают *надличностным*, анонимным (и к тому же «местным») характером, а потому, как нам представляется, *репрессивны* по своей природе. В то же время нельзя не видеть, что универсальные ценности основываются исключительно на значимости человека «самого по себе» (то есть его «таковости», тождественной в китайском понимании свободе). Поэтому они, как некий алгоритм, как *принцип*, имеют всеобщий характер. Итак, по мысли философа, в ходе трансформации китайской цивилизации в геоцивилизацию надличностно-локальные ценности заменяются личностно-надцивилизационными. Складывается впечатление, что Жуань Вэй выступает поборником ценностей, известных под именем *культурных универсалий*. Однако в его интерпретации они предстают парадоксально *очищенными* от своих, пусть и всеобщих, но все же социокультурных оснований. Культурные универсалии оказываются над- или сверхкультурными! Они, как и сам «всеобщий человек», обнаруживают свои основания в самих себе.

Правда, от некоторых форм социокультурной «локальности» геоцивилизация все же несвободна. Но в геоцивилизации они не столь однозначно связаны с культурно-цивилизационной уникальностью. Понимая геоцивилизацию как «геокультурный континуум», Жуань Вэй на первый план всячески выдвигает *общие* для сопредельных образований черты, экстрагирует некий единый для них культурный ген, в то время как от всякого рода особенностей и отличий соседей друг от друга – абстрагируется.

В реальной истории все, конечно, сложнее. Зачастую культурная близость – не исходное условие соседства, а результат действия встречных ассимиляционных механизмов и сложно взаимодействующих процессов притяжения – отталкивания (цивилизационной турбулентности): в Китае – политики «окультуривания» (китаизации) соседей, у его соседей – результат стремления быть «окультуренным» более сильной культурной традицией или признания такой перспективы как

---

<sup>6</sup> Однако не все так просто. В качестве этапа на пути становления глобальной цивилизации (фазиса процесса глобализации) геоцивилизация, взятая в аспекте регионализации, играет важную корректирующую роль. На это обстоятельство обращает внимание Фан Нин: «Приверженцы националистических взглядов в Китае единодушно рассматривают регионализацию как эффективный инструмент сдерживания негативных последствий глобализации» [Фан Нин 2010].

исторической неизбежности во имя действительно *мирного* (хотя отчасти и вынужденного) сосуществования (и в этом смысле действительно «судьбы»).

В результате такого взаимодействия и образуется единое, но без четких границ геокультурное/геоцивилизационное пространство, трансграничное территориальное соседство как выражение отношений этой самой «цивилизационной турбулентности» (выражение Д. Н. Замятина), возникающей при контактах более сильных и менее сильных культурных миров. Конфигурации таких геокультурных/геоцивилизационных контактов могут быть самыми непредсказуемыми. Самый, быть может, выразительный пример здесь – так называемые «варвары». С одной стороны, они, безусловно, были соседями китайцев, но с другой – сами же китайцы категорически отрицали наличие какой-либо актуальной «культурной близости» с ними. «Я слышал, – сетовал Мэн-цзы, – что варвары изменялись [под влиянием] Китая, но я еще не слышал, чтобы варвары изменяли [что-либо] в Китае» [Мэн-цзы 1972: 239]. В основании отношения китайцев к «варварам» лежал предрассудок относительно единственности собственной культуры, который порождал у них своеобразную «герменевтику непонимания» (выражение А. В. Ахутина [2005: 659–665]) и оправдывал в их глазах собственный цивилизационный (а в истории часто вслед за этим и военно-политический) экспансионизм как политику «окультуривания».

Однако на деле именно угроза утраты своей цивилизационной идентичности, исходившая от окружавших китайцев соседей-«варваров», привела их к необходимости объединения и создания института, который бы гарантировал им культурно-цивилизационную целостность и защищенность. Таким институтом стала китайская империя, что убедительно доказал выдающийся французский синолог Марсель Гране. «... Чувство цивилизационной общности, – пишет он, – побудило китайцев встать на защиту от набегов образующихся варварских конфедераций и заставило их согласиться с объединением страны в великую империю. Таким путем они пришли к тому, что я называю *цивилизационным объединением*, могучим и активным объединением, не считая себя при этом обязанными окружать государство и идею государства тем престижем и авторитетом, в которых жители Запада видят необходимое основание всякой национальной жизни» [Гране 2008: 9].

Соглашаясь с точкой зрения М. Гране, можно сделать вывод: «цивилизационная общность» без опеки и защиты государства не то чтобы в состоянии расширяться, она сама находится под постоянной угрозой атак извне. Таким образом, отнюдь не сама по себе привлекательность китайской культуры и не очарованность ею являются настоящей причиной ее превращения в геокультуру. Настоящей причиной такого превращения является экономическая и военно-политическая мощь империи, стоящей за ней, что позволяет государству недвусмысленно намекать на готовность проявлять лояльность по отношению к соседям, но при условии, что они демонстративно афишируют близость ей по культурному геному. Недаром и в официальных документах, и в философских работах китайских ученых последних лет стало общим местом утверждение, что даосская максима «мягкое побеждает твердое» сегодня нуждается в переосмыслении. «Мягкая сила» китайской культуры непременно должна опираться на «жесткую силу» экономических и государственно-политических аргументов<sup>7</sup>, ибо несмотря на то, что

<sup>7</sup> Показательна в этом отношении работа Чжао Ютяня [2004].

она представляет собой стратегически главенствующий принцип китайской политики «выхода вовне» [см., например: «Цзоучуцой»... 2009: 9; Мэн Лян 2008], все же она – составная часть «совокупной государственной мощи Китая» [Борох, Ломанов 2012], инструмент обеспечения «идеально безопасного окружения Китая» [Тан Шипин 2003].

В итоге геоцивилизация представляет собой довольно сложную систему отношений, взаимодействий, притяжений – отталкиваний в самом широком диапазоне (от любви до ненависти), представленных как на государственно-институциональных уровнях, так и на уровнях спонтанно-самодеятельной самоорганизации культурных общностей и союзов, а также личных контактов и тождества культурных самоидентификаций. Геоцивилизация объединяет (нередко посредством ассимиляции) сопредельные культурные миры (но связь эта может быть и апофатической) и оказывается как будто бы *территориально шире* раздробленно и разобщенно соседствующих общностей. Причем одна из них, по всей видимости, должна обладать признаками цивилизации, а другие – нет (или быть в отношениях «материнская – дочерняя»). Тогда эти «другие» могут начать тяготеть к материнской цивилизации и в культурном, политическом, экономическом смысле, что дополнительно стимулируется и скрепляется однородностью географических, природных, климатических условий сосуществования<sup>8</sup>.

Но может случиться и обратное. Это происходит, когда дочерняя культура существенно дистанцируется от материнской. Именно так сложились отношения между Китаем и Японией, которые затруднительно охарактеризовать как добрососедские. Тем не менее обе культуры представляют одну – дальневосточную – геоцивилизацию. Еще более драматично звучит тема добрососедства в истории государственно-политически разделенных наций, но принадлежащих к одной геоцивилизации и территориально сопредельных – Северной и Южной Корее, континентального Китая и Тайваня (не говоря уже о пограничных конфликтах и проблеме «спорных территорий», например островов Спратли [китайское название – Наньшачуньдао], на которые претендуют сразу шесть государств-соседей).

Следует признать, что с известными оговорками геоцивилизация Жуань Вэй – своего рода виртуальная цивилизационная «конфедерация». Если же посмотреть на «геоцивилизацию» с другой – номиналистической – точки зрения, с наименьшей достоверностью можно утверждать, что геоцивилизация – теоретический конструкт. У геоцивилизации, трактующей особую роль географо-территориальных привязок, парадоксальным образом *нет своей территории*, гипотетически – только территории ее «частей». Поэтому, когда Жуань Вэй утверждает, что «геоцивилизация есть пространственная форма, которую можно напрямую увидеть и почувствовать» [Жуань Вэй 2006а: 13], то это выглядит преувеличением. Геоцивилизации априори не могут быть тождественны геоэкономическим, геополитическим и даже геокультурным союзам. Но как только концепция геоцивилизации займет подобающее ей место в общественном сознании, эти «составные части» территорий виртуальной геоцивилизации действительно могут начать вос-

<sup>8</sup> Закон «политико-географического притяжения» к ближайшему и сильнейшему соседу в 1903 г. разработала американская исследовательница Эллен Черчилль Семпл в книге «Американская история и ее географические условия» [см.: Панарин 2004]. По-своему о нем писали А. Тойнби, Л. Н. Гумилев. В Китае эта идея разработана Ван Хуншэном [2006: 21–27]. В отличие от Э. Ч. Семпл у Жуань Вэй мы сталкиваемся с «законом» *цивилизационно-территориального* притяжения, однако коннотации здесь очевидны.

приниматься как *общие*, находящиеся под протекторатом материнской цивилизации. Основание для такого восприятия, как явствует из нашего анализа концепции Жуань Вэй, уже готово: для идеи геочивилизации, полагает он, «государствование и соответствующая [ей] концепция суверенитета не являются священными» [Жуань Вэй 2006а: 13].

Надо понимать, что «гео» в понимании китайцев – не только география как соположенность ландшафтов. Это и климат, и «весны и осени», с ритмом смены которых, как показано в книге «Лунь юй», должен соразмеряться буквально каждый шаг и жизни людей, и ритуальных практик. Одним словом, «гео» – *диюань*, которое суть «судьба» или «неотвратимость»; это не только пространство, но и *время* (от времен года до геокосмического циклизма большого времени), другими словами, пространственно-временной континуум, который есть хронотоп, место-развитие, природа. Однако в традиционной китайской картине мира Природа – это и Небо тоже. Причем и в естественно-астрономическом, и в метафизическом смысле. Здесь мы опять наблюдаем действие всеобъемлющего принципа триединства Земли, Неба и Человека (*тянь жэнь хэ и*). Это триединство – основа и древнекитайской геомантии, и современного геочивилизационного понимания мироустройства.

На наш взгляд, китайское геочивилизационное понимание мироустройства несет на себе отпечаток «синхронического принципа мышления», который, по мнению К.-Г. Юнга, есть «чистейшее выражение китайского мышления вообще» [Юнг 1992: 85].

В нашем случае действие этого принципа проявляется в магической аксиоматике китайского миропонимания, согласно которому «то, что рождено или создано в этот момент, обладает качеством этого момента времени» [Там же: 84]. Продолжим мысль Юнга: то, что создано, что появилось на свет в «этом месте», *обладает качеством этого места*. Представляется, что уже в этой магической (пралогической) предпосылке содержится главная идея концепции геочивилизации, которая, собственно, есть «всего лишь» ее дальнейшее развертывание и экспликация (проекция). Как видим, укоренена она в восходящие к оккультным глубинам «И цзин» структуры миропонимания, на которых основывал свои интуиции Юнг.

От картины мира, откорректированной идеей геочивилизации, идут мощные холистические импульсы, способствующие созданию геокультурного, экологического сознания и экологии культуры. Но важнее даже другое. В 2004 г. в Пекине состоялся представительный международный культурный форум, по завершении которого его участниками была принята «Декларация о культуре». В ней говорилось: «*Цивилизационное разнообразие является основной существующей формой человеческой культуры*. Различны истоки государств и этносов, историческая обстановка и исторические процессы, гуманитарной картине [свойственна] пестрота и яркость <...> Мы надеемся, что, пройдя крещение глобализацией, различные цивилизации, состояние которых первоначально контрастирует с независимостью, в дальнейшем получают устойчивую идентификацию» [цит. по: Ду Вэймин 2006: 83].

Очевидно, что Китай идет по пути углубления такой цивилизационной самоидентификации вполне осознанно. Этому способствует разработка китайскими философами цивилизационной теории. В данном же направлении движется и

мысль Жуань Вэя, но как бы с явным «опережением» и коррекцией – он предлагает Китаю *геоцивилизационную* идентификацию. В целом как тенденция это его стремление совпадает с уже реализуемыми геополитическими устремлениями Пекина – стать региональным лидером в ЮВА и реализовать идею «Большой Восточной Азии».

Однако заметим, что помимо геополитической основы концепция Жуань Вэй содержит и более широкую базу для выработки такой новой идентичности, которая, как мы это видим, может быть фундирована на пяти уровнях: 1) философско-историческом (футурологическом); 2) культур-антропософском, в основаниях своих метафизическом; 3) пантеистическом (с известными оговорками); 4) естественно-натуралистическом (географическом) – акцентирующем пространственную близость; 5) провиденциальном – эксплуатирующем идею «фатальности» соседства, схожести исторических судеб (или даже «судьбы»). Причем сопряжения таких разнородных оснований (уровней) образуют в концепции философа подчас самые причудливые мыслеобразы, как, например, в случае с провиденциализмом и натурализмом – мыслеобраз «географической судьбы».

Но как бы то ни было, конструируемый ученым идентификационный код Поднебесной как геоцивилизации может оказаться для китайцев куда как привлекательнее в сравнении с абстрактным концептом «цивилизация» и тем более «формация». Геоцивилизация Жуань Вэй – скорее не понятие классического философского дискурса, а своего рода экзистенциал, выражающий пространственно-временную качественность культурно-хозяйственного уклада жизни народа, и через нее даже шире – человеческого бытия в мире. Причем такого, где человек и мир составляют одно целое и являются «продлением» друг друга. Целостность жизненного мира, выраженная экзистенциалом «геоцивилизация», является фактом «живой жизни», а потому и воспринимается по-китайски – «сердцем», то есть сквозь призму наполненного теплом человеческого соприсутствия и вовлеченности. Это, бесспорно, повышает его шансы быть принятым в качестве новой (или дополнительной к имеющейся культурно-цивилизационной) китайской идентификационной матрицы.

Более того, геоцивилизационная перенастройка идентичности будет соответствовать объективному тренду истории – глобализации, в границах которой геоцивилизация оказывается, по выражению Жуань Вэй, «генеральной репетицией», исторической вехой и одновременно «путеводной нитью» на пути человечества к глобальной цивилизации и универсальной (то есть «человеческой») идентичности. Очевидно, что здесь геокультура (и геоцивилизация) выступает совсем как у Валлерстайна – формой геополитического проектирования [Валлерстайн 2010], конструктивистской моделью описания реальности.

Концепция геоцивилизации несвободна от некоторых внутренних противоречий, хотя и содержит в себе определенный эвристический потенциал. Когда Жуань Вэй говорит о географическом расширении западной цивилизации, одно из таких противоречий становится особенно явным. Арел современной западной цивилизации, пишет он, включает в себя Европу и «простирается до Южной и Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки и других регионов». Очевидно, что основанием для Жуань Вэй объединить эти разбросанные по миру регионы в одну цивилизацию послужило в первую очередь наличие «духовного родства», культурная общность, общий культурный ген, говоря словами

самого философа, *при полном отсутствии* каких бы то ни было признаков соседства как географической судьбы. Западную цивилизацию, таким образом, вряд ли возможно назвать *геоцивилизацией* в том смысле пространственного соседства, какой вкладывает в нее сам Жуань Вэй. Между тем именно вестернизация как «универсалистский проект», по мнению многих исследователей, составляет один из наиболее существенных моментов современной глобализации. Но, подчеркнем, вестернизация, понятая как расширение зон *влияния* («сродства»), а не планетарно-географического всеприсутствия.

С другой стороны, общая географическая судьба и даже экономическая интеграция вовсе не обязательно определяют сущностное сродство «соседей». Как справедливо замечает американский исследователь Джеймс Киндж, «хотя мировая торговля усиливает экономическую взаимозависимость стран, участвующих в этих процессах, сама по себе торговля не делает отношения жителей этих стран друг к другу более теплыми» [Киндж 2008: 346]. Китайский философ и геополитик Чжан Вэньму более категоричен: «По-настоящему, – констатирует он, – после вступления Китая на путь рыночной экономики произошло столкновение китайских и иностранных интересов» [Чжан Вэньму 2004: 1]<sup>9</sup>. Наконец, как свидетельствует признанный знаток китайского менталитета В. В. Малявин, «Китай проблемами диалога на евразийской или любой другой платформе несколько не озабочен, вступает в союзы с соседними государствами только для того, чтобы решать собственные проблемы» [Малявин 2007]. Следует признать, что географическая судьба и торгово-экономическая интеграция могут лишь *способствовать* духовному сближению (роль ее, таким образом, вспомогательная и гипотетическая), а не быть провиденциально определяющим и детерминирующим фактором (то есть «судьбой» в собственном смысле слова). Как показывает история, географическая составляющая может выступать также и фактором, *безотносительным* к предполагаемой общности специфических культурных содержаний. Например, у «речных цивилизаций» типологически общая географическая судьба вне зависимости от «соседства». Однако при структурной общности (сходстве) форм жизни они дают, тем не менее, разнообразие духовных (культурных) типов. К подобному выводу приходят и специалисты в области методологии социального познания. Так, Н. М. Смирнова пишет: «Применение неклассических методик к анализу современных цивилизационных процессов показало, что на одном и том же “материале природы” может существовать бесчисленное множество миров человеческой культуры. Культурная морфология современного мира не выводима непосредственно из его параметров» [Смирнова 1995: 166].

Другой аргумент указывает на прямо противоположный эффект. Он связан с беспрецедентным ростом электронных средств коммуникации в современном мире, культурно-цивилизационные последствия которого предвосхитил еще в конце 60-х гг. XX в. Г. М. Маклюэн. С развитием средств массовых коммуникаций он связывал кардинальные изменения самого характера цивилизационных связей, что в ближайшем будущем, прозорливо полагал он, станет следствием как бы «сжатия» мирового пространства/времени и превращения всех людей планеты в «соседей» по «глобальной деревне». Вне зависимости от географически-пространственной близости или удаленности современные средства коммуника-

<sup>9</sup> См. подробнее: Мигунова 2014: 307–315.

ции создают, полагал он, предпосылки унификации и «стереотипизации» культурных миров [Маклюэн 2007]. Сегодня это уже свершившийся факт. Британский философ Зигмунт Бауман считает возможным говорить даже о новом уникальном следствии этих процессов, феномене, неизвестном прежним эпохам, – «гибридной идентичности» постсовременного мира [Бауман 2004: 142]. В этом же русле находятся и рассуждения признанного лидера постнеоконфуцианства, китайско-американского философа Ду Вэймина о «мировой деревне» в эпоху глобализации и становлении новой «диалогической цивилизации» второго осевого времени [Ду Вэймин и др. 2006: 30; Мигунов 2014: 13–15].

Наличие такого рода нестыковок оставляет Жуань Вэя в одиночестве. Пока в Китае он остается пионером идеи геоцивилизации, хотя сама идея «гео» в разных ее частных проекциях (геополитика, геоэкономика и т. п.) в Поднебесной востребована. Более осторожные ученые предпочитают все же размышлять об «азиатском экономическом кольце» (Фан Нин), о «конфуцианском культурном круге» (Ду Вэймин), «китайской духовной цивилизации» (Лю Шусянь, Люсьен Пай), «конфуцианской цивилизации» (Ма Чжэнь Фэн и др.) и т. п. В этом случае ареал существования геоцивилизации и перспективы ее расширения предпочитают связывать не столько с «тесным», то есть пространственным, соседством, сколько со становлением все той же «мировой деревни» (информационно-виртуальной), как раз посягающей на монополию пространственной доминанты во взаимодействии цивилизаций-локусов, понимание которых хотя и связано с географическим контекстом их исторического сосуществования, но не так жестко и провиденциально, как в случае с территориальным соседством и «географической судьбой» у Жуань Вэя.

Давая общую оценку концепции геоцивилизации Жуань Вэя, следует осознать ее значение в общем контексте китайской трансформационной теории современности. Социокультурные трансформации в Китае эта концепция рассматривает в контексте сочетания локальных и глобальных процессов. В китайской древности локальное мыслилось в категориях глобального, универсального и даже абсолютного. Сейчас же *глобальное (глобализация) локализует локальное в его собственном качестве* (обнаруживается, что глобализация обладает способностью актуализировать локальное и привносить в него новые смысловые нагрузки, отсутствовавшие в идентичностях, порожденных прежним переживанием локальности). Именно глобальное придает локальному по-настоящему аутентичное значение как наглядного свидетельства многообразия жизненных и культурных форм, ибо по своей сути осмысление локальности только и возможно в координатах соотношения с масштабом универсального. Поэтому неудивительно, что сама *стратегия* обновления (модернизации) в Китае основывается на сознательном использовании «локальности» китайской культуры, последовательно вписываемой в глобальный контекст мировых трансформаций именно в качестве уникальной.

Собственно, эта тенденция и нашла свое отражение в концепции геоцивилизации Жуань Вэя. Геоцивилизация мыслится им как объективное глобальное явление, но в локальном масштабе. Правда, диалектика китайского мышления («все во всем») делает верным и обратное утверждение – геоцивилизация как локальное явление глобальна. С точки зрения китайского философа, одна из самых значительных трансформаций современности как раз и связана с тем, что традицион-

ные «локальные» цивилизации «перерастают» свою локальность и превращаются в *геоцивилизации*, активно взаимодействующие друг с другом в глобальном пространстве человеческой истории. «В этой книге, – пишет он о своем труде, – исследуются и обсуждаются *настоящее положение и тенденции будущего геоцивилизаций с точки зрения взаимного геоцивилизационного движения*, а не с точки зрения культурной формы или международной политики (курсив наш. – Авт.)» [Жуань Вэй 2006а: 12]. Под понятие «культурной формы» подпадают общественно-экономические образования («формации»), которые оказываются слишком частными для цивилизационного дискурса, пришедшего на смену долго идеологически доминировавшему формационному.

Но сам цивилизационный дискурс оказался чрезмерно абстрактным для описания реально функционирующих в истории целостностей и не вполне им адекватным. Фундаментальная трансформация современности, как можно понять Жуань Вэй, состоит в *становлении принципиально нового типа целостностей*, порожденного процессами глобализации, а именно – геоцивилизаций. Геоцивилизация «перерастает» автаркию эпохи локальных цивилизаций и самим фактом своего формирования обнажает *новую логику исторического процесса*, новую историческую тенденцию. Цивилизационной трансформации, что было бы логично, должна соответствовать и трансформация нашего сознания, на пороге которой мы стоим. Это должно быть геоцивилизационное сознание, формирующее новую геоцивилизационную идентичность. Геоцивилизационная идентичность, в свою очередь, активизирует у китайцев сознание себя «историческим народом», а Китай – даже не локальной, а *мировой* цивилизацией.

Вместе с тем вывод, к которому приходит Жуань Вэй, в своем прикладном – геокультурном и геополитическом – значении интересен Китаю тем, что «конфуцианская цивилизация», традиционно ассоциируемая с Поднебесной, становится благодаря предложенной им идее географической судьбы легитимно *транслокальной* и *трансграничной*. Причем легитимность такой трансформации (георасширения) фундируется объективностью логики исторического процесса, а не логикой китайского геоцивилизационного экспансионизма.

### Литература

Ахутин А. В. Поворотные времена. Статьи и наброски. СПб., 2005.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004.

Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 54–67.

Валлерстайн И. М. Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной миросистемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/transform/antagonisms/> (дата обращения: 15.09.10).

Ван Хуншэн. Дунбэйя вэньмин юй жусюэ – дили – чжэнчжи – вэньхуа чжицзянь гуаньси (Цивилизация и конфуцианство в Северо-Восточной Азии – география – политика – отношения между культурами) // Чжунго жэньмин дасюэ сюэбао. 2006. № 1.

Васильев Л. С. Комплекс «свои-чужие» как историко-культурный и социально-политический феномен // Мы и Они. Конформизм и образ другого: сб. ст. / под ред. Л. С. Васильева. М., 2007.

Гране М. Китайская цивилизация. М. : Алгоритм, 2008.

Ду Вэймин. Сяньдайсин юй доюаньсин (Модернизация и разнообразие). Вэньмин дуйхуа (Диалог цивилизаций: сб. статей) / под ред. Цай Дэлиня, Цзин Хайфэна. Пекин : Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2006.

Ду Вэймин и др. Вэньмин дуйхуа юй дандай сюэшу дэ фачжань (Диалог цивилизаций и развитие современной академической науки. Дискуссия). Вэньмин дуйхуа (Диалог цивилизаций: сб. статей) / под ред. Цай Дэлиня, Цзин Хайфэна. Пекин : Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2006.

Жуань Вэй. Диюань вэньмин (Геоцивилизация). Шанхай : Шанхай саньялян шудянь, 2006а.

Жуань Вэй. Диюань вэньмин (Геоцивилизация). Вэньмин дуйхуа (Диалог цивилизаций: сб. статей) / под ред. Цай Дэлиня, Цзин Хайфэна. Пекин : Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2006б.

Киндж Дж. Китай, который потряс мир. М. : АСТ, 2008.

Ли Ли. Диюань хуаньцзин юй гудай дунсифан жэнь беньсысян чэнин таньси (Географическая среда и анализ мышления людей Древнего Востока и Древнего Запада) // Бэйхуа дасюэ сюэбао (Социальные науки). 2003. Т. 114. № 12.

Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М. : Вост. лит-ра, 2002.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2007.

Малявин В. В. Цивилизация, диалоги и миссия интеллектуалов // Русский журнал. 2007. 22 октября.

Мигунов Н. И. Геостратегия в контексте китайского геокультурного дискурса // Геополитика и безопасность. 2011. № 3 (15). С. 50–54.

Мигунов Н. И. Конфуцианский путь Ду Вэймина // Век глобализации. 2014. № 1. С. 13–15.

Мигунова О. В. Чжан Вэньму: философия на острие ножа // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIV. Ч. 1. М. : Институт востоковедения РАН, 2014. С. 307–315.

Мэн Лян. Даго цэ: тунсян даго чжилу дэ жуань шили (Стратегия великого государства: через мягкую силу к великому государству). Пекин, 2008.

Мэн-цзы (Избранные места) // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. Т. 1 / под ред. Л. В. Литвиновой. М. : Мысль, 1972.

Панарин И. Н. Дипломатия и геополитика [Электронный ресурс]. URL: [www.panagin.com](http://www.panagin.com) (дата обращения: 25.11.2004).

Смирнова Н. М. Исторические типы рациональности в социальном познании // Исторические типы рациональности / под ред. В. А. Лекторского. М., 1995.

Сюнь-цзы // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. Т. 2 / под ред. Л. В. Литвиновой. М. : Мысль, 1973.

Тан Шипин (ред.) Чжунго дэ лисян аньцюань хуаньцзин (Создание идеального безопасного окружения Китая). Пекин, 2003.

Фан Нин. Три крупнейших течения общественной мысли, имеющих влияние в современном Китае. Ч. 2. Национализм: встречая вызов глобализации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=313> (дата обращения: 17.09.2010).

«Цзоучущой» кайфан чжаньлюэ юй аньлэ яньцзю (Изучение открытой стратегии и проектов «выхода вовне») / под ред. Ли Гана. Пекин, 2009.

Чжан Вэньму. Шицзе диюань чжэнчжи чжун дэ Чжунго гоцзя аньцюань лии фэньси (Анализ безопасности национальных интересов Китая в контексте мировой геополитики). Цзинань : Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2004.

Чжао Ютянь. Цзунхэ голи цзинчжэн юй вэньхуа чунту (Конкурентоспособность совокупной мощи государства и культурные конфликты). Чаньчунь, 2004.

Чжуан-цзы // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. Т. 1 / под ред. Л. В. Литвиновой. М. : Мысль, 1972.

Чэнь Дайгуан. Чжунго лиши дили (История и география Китая). Гуанчжоу : Гуандун гаодэн цзяюй, 1997.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

Юнг К.-Г. Феномен духа в искусстве и науке. М. : Ренессанс, 1992.

Qiang Naishe. Historic-Geographical Materialism and its Implications // Modern Philosophy. 2011. No. 3.

---

## О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ МАКРОСТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Думнов А. Д., Борискин Д. А., Рыбальский Н. Г.\*

*В статье анализируется ряд международных рекомендаций в области Системы природно-ресурсного и экономического учета (СПЭУ), то есть совокупности счетов, имеющих вспомогательный (спутниковый) характер по отношению к общей системе национальных счетов (СНС). Основное внимание уделено приложениям и развернутым дополнениям к СПЭУ, в частности построению показателей природоемкости и природоотдачи в различных модификациях. Кроме того, рассмотрены алгоритмы так называемых декаплинг-анализа и декомпозиционного анализа. Даны оценки использования этих методов в ряде отечественных материалов.*

**Ключевые слова:** СНС-2008, СПЭУ, Базовая схема СПЭУ-2012, внедрение международных стандартов, показатели природоемкости и природоотдачи, декаплинг, индекс декаплинг-фактора, декомпозиционный анализ.

*The article analyzes a number of international recommendations in the field of the System of Environmental and Economic Accounting (SEEA), i.e. a set of accounts with a subsidiary (the satellite) character in relation to the overall system of national accounts (SNA). The focus is on the SEEA Extensions and Applications, which deal with methods of analysis of statistical information, which should be obtained from the SNA-SEEA accounts. The priority is given to the construction and use of environmental intensity and productivity figures in various modifications. Furthermore, the article considers the so-called decoupling analysis and decomposition analysis as well as estimates the use of these methods in a number of Russian works.*

**Keywords:** SNA 2008, SEEA, SEEA Central Framework 2012, the introduction of international standards, indicators of the environmental intensity and productivity, decoupling, decoupling index-factor, decomposition analysis.

В настоящее время не требует доказательства необходимость реализации государственной политики в области охраны окружающей природной среды и рационализации природопользования на основе всесторонне продуманных долго-, средне- и краткосрочных планов и программ, включающих конкретные числовые параметры. Точно так же не вызывает сомнения то, что сформировать имеющие реальное обоснование задания на всех уровнях управления можно исключительно

---

\* Думнов Александр Дмитриевич – д. э. н., главный научный сотрудник Национального информационного агентства «Природные ресурсы» (НИА-Природа).

Борискин Дмитрий Анатольевич – старший научный сотрудник НИА-Природа.

Рыбальский Николай Григорьевич – д. б. н., профессор, директор НИА-Природа, первый вице-президент Российской экологической академии. E-mail: nia\_priroda@mail.ru.

на базе: а) всесторонней и достоверной исходной информации, основу которой составляют статистические данные; б) развернутого сводного анализа этой информации. В данной связи предлагается рассмотреть некоторые инструменты и современные приемы профильного макростатистического анализа.

Следует отметить, что на сегодняшний день в мире наиболее авторитетным и продуманным набором инструментов в области макростатистических исследований признана система национальных счетов (СНС). Как известно, эта система описывает методологию и конкретные приемы расчета важнейших экономических агрегатов на основе последовательного построения специальных счетов-таблиц, а также взаимосвязи и трансформации одних макропоказателей в другие агрегаты. При этом центральное место во всем наборе рассматриваемых характеристик занимают валовой внутренний продукт (ВВП), валовой национальный доход (ВНД), конечное потребление, валовые сбережения и ряд других макропоказателей. Несмотря на определенные недостатки, СНС остается главным инструментом макростатистического анализа, признанным подавляющим большинством стран.

Среди недостатков СНС специалисты неоднократно отмечали отсутствие адекватного отражения природных ресурсов, природопользования, негативного воздействия на окружающую природную среду и мероприятий по ее охране, с одной стороны, и их влияния на главные агрегаты СНС – с другой. В частности, в систему расчетов ВВП пока не попадает значительная часть природоохранных и природосберегающих издержек, имеющих характер внутривозвращаемого (по терминологии СНС – вспомогательного) производства, поскольку соответствующие мероприятия включаются в промежуточное потребление. Много неясного остается и в области макростатистической характеристики налогов и субсидий, имеющих природоохранную и природосберегающую направленность, без чего также невозможно осуществить необходимые макрооценки. Эти и ряд иных проблем препятствуют расчету, например, такого основополагающего показателя, как доля ВВП, направленная на охрану окружающей среды и рационализацию природопользования.

*Примечание.* Следует отметить, что оценки, все чаще включаемые в различные государственные документы Российской Федерации и отражающие долю затрат на охрану окружающей природной среды в ВВП, остаются некорректными из-за непонимания составителями различий в методологии счета числителя и знаменателя соответствующей дроби. Пока можно говорить лишь об *отношении* соответствующих затрат к ВВП, поскольку они во многом *не являются долевыми частями* валового внутреннего продукта.

В целях преодоления этих и иных недостатков в последнюю версию СНС, принятую Статистической комиссией ООН в качестве международного стандарта в 2008 г., были включены основополагающие элементы, позволяющие отразить большинство вышеперечисленных аспектов. Параллельно с этим осуществлялось уточнение вспомогательных (сателлитных) счетов, которые должны более подробно отражать соответствующие вопросы, в рамках небезызвестной Системы комплексного природно-ресурсного и экономического учета – СПЭУ (System of Environmental-Economic Accounting, SEEA). Становление и развитие указанной системы имело длительный характер и сопровождалось принятием ряда промежуточных документов. В 2012 г. Статистической комиссией ООН в качестве

международного стандарта, дополняющего СНС-2008, была принята адаптированная версия СПЭУ в виде ее Базовой схемы – БС СПЭУ-2012 [System... 2014a].

В Российской Федерации более-менее упорядоченное освоение СНС-2008 и дополняющей ее БС СПЭУ-2012 в части инновационного отражения проблем, связанных с природопользованием, началось с задержкой. В настоящее время данная работа проводится не только в Росстате, но и в профильных министерствах и ведомствах природно-ресурсного блока (в первую очередь – в системе Минприроды России).

В 2013–2014 гг. к Базовой схеме СПЭУ в версии 2012 г. добавилось еще два руководства, подготовленных международными организациями. Первое из них – «Экспериментальный экосистемный учет СПЭУ», иногда называемый также «Экспериментальные экосистемные счета СПЭУ» (SEEA Experimental Ecosystem Accounts) [Думнов, Рыбальский 2015]. Указанный документ предназначен для более подробного раскрытия триады «экосистемные активы – экосистемные услуги – экосистемные выгоды», а также для выявления взаимосвязей этой триады с экономической деятельностью не только на основе СНС-2008 и с использованием уточняющих принципов БС СПЭУ-2012, но и исходя из более широкой трактовки таких фундаментальных для национального счетоводства понятий, как «активы», «производство», «оказание услуг», «выгоды» и т. д. Иначе говоря, разработка и практическая реализация положений экспериментального экосистемного учета призваны отразить комплекс не столько природно-ресурсных, сколько *экологических проблем* как таковых в их увязке с макроэкономическими вопросами.

Второе из названных дополнительных руководств – это Приложения и развернутые дополнения к СПЭУ (ПРД СПЭУ) – SEEA Extensions and Applications [System... 2014b]. Этот документ, так же как и «Экспериментальный экосистемный учет СПЭУ», не имеет пока статуса международного статистического стандарта. Он представляет собой набор факультативных рекомендаций по проведению детализированных расчетов и итогового анализа на основе макростатистической информации, полученной из счетов БС СПЭУ-2012. «В конкретные цели и задачи данного документа входят ответы на вопрос: каким именно образом может быть практически использована соответствующая информация в процессе подготовки и принятия решений, при формировании обзоров, характеризующих результаты проводимой политики, при разработке различных предложений, а также в ходе разнообразного по целям и задачам анализа?» [*Idem*].

Основной проблемой текущего периода в области комплексного природно-ресурсного и экономического учета в российской статистике природопользования, безусловно, остается освоение соответствующих положений СНС-2008 и БС СПЭУ-2012. Вопрос, связанный с прикладным использованием положений Экспериментального экосистемного учета, имеет гораздо более сложный характер, и решать его можно только после того, как удастся разобраться с применением в отечественной практике двух вышеназванных международных стандартов.

Что же касается ПРД СПЭУ, то их анализ был бы весьма полезным уже на нынешнем этапе. Соответствующее прикладное изучение должно помочь в определении векторов дальнейшей аналитической работы в нашей стране по мере получения конкретных данных по вновь формируемым счетам. Одновременно такое

исследование должно быть направлено на проверку уже опубликованных расчетов, проведенных отечественными и/или зарубежными специалистами.

### **Прикладной анализ статистических показателей природоёмкости и природоотдачи**

В ПРД СПЭУ рассматривается несколько групп показателей с рекомендациями по получению и анализу сводных данных, а также по интерпретации и использованию результатов этого анализа. Центральное место занимают показатели, характеризующие *удельную природоёмкость (environmental intensity) и удельную природоотдачу (ресурсоотдачу; resource productivity)*<sup>1</sup>. При расчете этих показателей в соответствии с рекомендациями ПРД СПЭУ могут использоваться такие макроагрегаты, как валовое потребление энергии (валовые затраты энергии), чистое внутреннее энергопотребление, конечное использование воды, а также показатели для различных потоков в области окружающей природной среды – в виде сбросов загрязняющих веществ в гидросферу, выбросов диоксида углерода в атмосферу, образования и размещения на поверхности Земли твердых отходов и др. При этом в ПРД СПЭУ рассмотрение предлагается вести как с позиции производства, так и с точки зрения конечного использования.

По нашему мнению, показатели природоёмкости и такой же природоотдачи, представленные в натуральных измерителях, вряд ли могут быть выражены в виде каких-либо интегральных индикаторов. Это практически невозможно из-за комплексного и многокомпонентного характера понятий «природные ресурсы», «природопользование» и т. д. Одновременно очевидно, что разработка каких-либо интегральных (унитарных) агрегатов в стоимостном выражении с использованием принципов СНС-2008 и БС СПЭУ-2012 потребует масштабных исследований и значительных усилий. Иначе говоря, сколько-нибудь надежные данные могут быть получены лишь в перспективе.

В этой связи целесообразно пока ограничиться расчетами частных относительных индикаторов (своего рода «индивидуальных индексов»), отражающих удельные значения по конкретным элементам природных ресурсов, негативного воздействия на окружающую природную среду и мероприятий по ее охране.

Среди таких удельных показателей наибольший прикладной интерес представляет группа индикаторов, расчет которых или уже сравнительно давно осуществляется в нашей стране (причем независимо от международных рекомендаций), или их получение потребует относительно небольших методологических уточнений и организационно-статистических изменений в отечественной практике. В частности, к таковым характеристикам относятся показатели *водоёмкости (водоотдачи), выбросоёмкости (выбросоотдачи), сбросоёмкости (сбросоотдачи), отходоёмкости (отходоотдачи)*.

1. *Показатели водоёмкости или водоотдачи* – суть индикаторы, которые характеризуют удельное водопользование в увязке с показателями хозяйственной деятельности. Иначе говоря, водоёмкость рассчитывается как отношение какой-либо величины, отражающей конкретные виды водопользования в натуральном измерении, к объёму полученного хозяйственного результата в стоимостном вы-

---

<sup>1</sup> При переводе на русский язык приведенных и ряда других терминов (см. далее) за основу были взяты такие близкие по существу, устоявшиеся в отечественной экономической статистике и противоположные друг другу понятия, как фондоемкость и фондоотдача, энергоёмкость и энергоотдача и т. п.

ражении. Водоотдача рассчитывается в обратном порядке, то есть с получением величины какого-либо результата хозяйственной деятельности, приходящегося на единицу водопользования, представленной в натуральном выражении. Рассматриваемые показатели могут быть получены на агрегированном уровне как в целом для всей экономики, так и для отдельных видов экономической деятельности, а также применительно к домохозяйствам, в территориальном разрезе, по бассейнам конкретных морей и рек и т. д.

Применительно к забору воды из природных водных объектов показатель водоемкости в целом по стране может быть рассчитан как отношение соответствующего водоизъятия в млн куб. м в год к величине ВВП за соответствующий год. Оценки целесообразно производить в расчете на 1 тыс. руб. (или на 1 млн руб.) ВВП для получения значащих цифр до запятой, то есть для большей наглядности.

Однако даже в этом относительно простом случае возникает ряд проблем, не описываемых в ПРД СПЭУ и связанных с правильным пониманием исходных данных и получаемых результатов. В частности, в соответствии со статистическими вопросниками ООН и ОЭСР/Евростата отражению подлежит изъятие из природных водоемов только пресной воды. Причиной этого служит то, что такая вода является ограниченным природным ресурсом в отличие, например, от морской воды, где ограниченность имеет условный характер. Однако во многих странах мира параллельно с изъятием из водных источников пресной воды осуществляются забор и использование морской, минеральной, термальной и иной непресной воды. Например, в Российской Федерации в 2015 г. суммарный объем водозабора непресной – главным образом морской – воды составил 6,5 млрд куб. м, или 9,4 % от общего водоизъятия из природных объектов.

При заборе и использовании как пресной, так и непресной воды формируется валовая добавленная стоимость. Поэтому очевидно, что расчеты водоемкости/водоотдачи с отражением только части такого водопользования являются некорректными<sup>2</sup>. Более того, игнорирование данного факта приводит к ошибочным результатам и неверным выводам при международных сопоставлениях. Например, по имеющимся сравнительным данным, водоемкость экономики Дании, рассчитанная по пресной воде, более чем в 10 раз (!) ниже, чем в России. Однако эти оценки не учитывают весьма значительные объемы забора и использования морской воды, существующие в Дании, при сравнительно небольших величинах аналогичного российского водопользования<sup>3</sup>.

Водоемкость может рассчитываться не только применительно к водозабору из природных источников, но и к объему фактического использования воды. Такой подход представляется особо актуальным по видам экономической деятельности, хозяйственные единицы которых во многих случаях не осуществляют самостоятельный забор воды из природных объектов, а используют другие источники водоснабжения, например коммунальный водопровод. В частности, по виду деятельности «Производство пищевых продуктов, включая напитки и табак» в 2015 г. водозабор из природных объектов составил 245 млн куб. м, а фактическое использование воды – 355 млн куб. м, или примерно в 1,5 раза больше.

<sup>2</sup> Проводить оценки по хозяйственным объектам, использующим только пресную воду, малореально из-за трудоемкости расчетов валовой добавленной стоимости применительно к таким водопользователям.

<sup>3</sup> «В Дании морской воды используется в 6 раз больше, чем пресной, в Швеции – в 3,4 раза, Финляндии – в 2,5 раза. В этом кроется ответ на вопрос: почему так низки удельные показатели водоемкости (пресной воды) в некоторых странах Европы?» [Демин 2012].

*Примечание.* По сути аналогичная ситуация имеет место по ряду субъектов Российской Федерации: фактическое использование воды здесь значительно превышает водозабор на территории данного региона за счет поступления воды из других субъектов Федерации (например, в г. Москве за счет поступления из Московской области, в Республике Калмыкия – за счет Ставропольского края и др.).

Отсутствие оценок водоемкости/водоотдачи, рассчитанной на основе величин фактического использования воды и валовой добавленной стоимости, ВДС (валового регионального продукта, ВРП), неизбежно приводит к неверным результатам и таким же ошибочным выводам.

2. *Показатели выбросоемкости и/или выбросоотдачи* – удельные характеристики выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Они представляют собой отношение количественной эмиссии в воздушный бассейн парниковых газов или типовых вредных веществ к каким-либо показателям, интегрально отражающим экономическую деятельность, например тонн этих выбросов на единицу ВВП (выбросоемкость) или в виде обратной величины (выбросоотдача). В зависимости от конкретных источников загрязнения рассматриваемые индикаторы могут быть рассчитаны по соответствующим видам (подвидам) деятельности, например по обрабатывающим производствам; добыче полезных ископаемых; производству и распределению электро- и теплэнергии, транспорту и др. с использованием показателей ВДС.

3. *Показатели сбросоемкости и/или сбросоотдачи* – эти индикаторы во многом являются аналогами показателей выбросоемкости/выбросоотдачи, представленных выше. Основное отличие состоит в том, что в данном случае расчеты ведутся с использованием показателей сброса загрязненных сточных вод в природные водные объекты, выраженных в куб. м, и каких-либо макроэкономических агрегатов. Показатели, отражающие суммарную величину сброса загрязняющих веществ в тоннах в гидросферу, в российской статистике не используются, поскольку однозначная и четкая методология их расчета до сих пор не выработана<sup>4</sup>.

Так же как в случае с расчетом водоемкости и/или водоотдачи по видам экономической деятельности, при оценках относительных величин сбросоемкости/сбросоотдачи необходимо учитывать факт межотраслевой передачи воды. Например, значительная часть хозяйственных объектов не имеет своих источников непосредственного водоотведения в природные объекты, а передает стоки в коммунальную канализацию. Сброс сточных вод в этом случае отражается по объектам, которые фактически осуществляют указанное водоотведение в водоемы, то есть преимущественно по видам деятельности «Сбор, очистка и распределение воды», «Удаление сточных вод, отходов и аналогичная деятельность» и др. Игнорирование этого факта неизбежно даст некорректные статистические результаты отраслевой группировки рассматриваемых удельных характеристик.

4. *Показатели отходоемкости и/или отходоотдачи* – относительные показатели, отражающие удельное количество отходов, приходящихся на какие-либо экономические агрегаты или наоборот – в виде обратного отношения. Специфика этих показателей состоит в возможности использования в качестве натурального показателя как общего количества образовавшихся отходов производства и потребления, так и количества отходов по классам опасности, размещенных в окру-

<sup>4</sup> Этот вопрос не был решен в советской статистике и остается практически открытым четверть века спустя. Для его решения необходимо активное участие гидрохимиков и ряда других специалистов.

жающей природной среде – на свалках, полигонах, в местах временного хранения и т. д. – в течение отчетного года.

При проведении отраслевых расчетов следует учитывать, что значительный объем отходов, образовавшихся на объектах одних видов экономической деятельности, передается объектам других видов деятельности, в том числе для размещения в окружающей природной среде (см. приведенные выше замечания по расчету индикаторов сбросоемкости/сбросоотдачи).

Кроме того, образование и/или размещение твердых бытовых отходов, ТБО (или твердых коммунальных отходов, ТКО, в соответствии с недавно измененной терминологией), логичнее соотносить не с ВВП, ВДС или ВРП, а с макропоказателями, отражающими в СНС конечное потребление.

Следует еще раз подчеркнуть, что практически все вышеизложенное не является чем-то принципиально новым как для природоохранной деятельности, так и для статистики окружающей природной среды и макроэкономической статистики в России. Оценки, близкие по используемым показателям и формам их представления, в целом по стране и по отдельным видам природопользования уже сравнительно давно публикуются в официальных изданиях [см., например: Водные... 2010; Охрана... 2012 и др.]. Результаты соответствующих расчетов также были включены – к сожалению, с рядом определенных ошибок (см. о них далее) – в государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации» как за 2014 г., так и за 2015 г. [Государственные...].

Одновременно полностью новационными следует считать расчеты приведенных удельных агрегатов с использованием методологии СНС-2008 и БС СПЭУ-2012, прежде всего с применением данных, полученных на основе баланса активов соответствующих природных ресурсов или величины ВВП, использованных на природоохранные/природосберегающие нужды. Иначе говоря, высокий потенциальный интерес должны иметь показатели природоемкости/природоотдачи, основывающиеся на чистом приросте (чистой убыли) конкретных видов природных активов в стоимостном выражении, или показатели снижения конкретных вредных воздействий на природу с их отнесением к каким-либо макроэкономическим агрегатам, в том числе к природоохранной/природосберегающей части ВВП. В этой связи получение исходной информации на базе оперативного освоения норм СНС-2008 и БС СПЭУ-2012, о чем говорилось в начале статьи, приобретает дополнительную актуальность.

### **Декаплинг-анализ**

Определенный интерес представляют расчеты в рамках так называемого декаплинг-анализа, то есть статистического анализа расхождений. По мнению разработчиков ПРД СПЭУ, указанные расхождения имеют место в тех случаях, когда темпы роста или снижения какого-либо воздействия на окружающую природную среду (в частности, в виде эмиссии вредных веществ, забора воды, образования различных отходов и т. д.) не совпадают с темпами роста/снижения экономических показателей (например, с темпами изменения реальной величины ВВП) за определенный период времени. Иначе говоря, показатели декаплинга-расхождения в какой-то мере характеризуют наличие и уровень связи между экономическими процессами и воздействием на окружающую природную среду.

Данные о величине декаплинга могут быть абсолютными, относительными и нулевыми. Согласно ПРД СПЭУ, *абсолютный* декаплинг возникает тогда, когда объем нагрузки на окружающую природную среду является стабильным или снижается, в то время как экономическая активность растет. *Относительным* декаплинг называется в случае, когда темпы роста соответствующих природопотребляющих/природовоздействующих показателей имеют положительное значение, однако меньшее, нежели темпы роста выбранных макроэкономических агрегатов. *Нулевой* декаплинг свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь существенных расхождений между приведенными векторами [System... 2014b].

Это утверждение, по нашему мнению, представляется несколько упрощенным; на практике векторы расхождений могут иметь иную конфигурацию (см., например, рис. 1–2; приведенные здесь данные получены на основе официальных статистических сведений). В частности, в России абсолютный декаплинг – кроме «классического» тренда полного расхождения, представленного на рис. 1 в 2011–2014 гг., – также имел место, когда величина выбранного макростатистического агрегата уменьшалась, а объемы природопользования/негативного воздействия на природу возрастали или оставались практически стабильными (см. динамику в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на рис. 1).

Относительный декаплинг, кроме соотношений, описанных в ПРД СПЭУ, наблюдается в случаях, когда темпы роста природопользования/вредного воздействия на природу превышают (опережают) темпы роста выбранного макроагрегата. В частности, из рис. 2 следует, что в 2012 г. по сравнению с 2011 г. и в 2014 г. по сравнению с 2013 г. увеличились как объем потребленного ВВП, так и вывоз ТБО из селитебных зон. Однако темпы роста вывоза ТБО за эти периоды оказались выше, нежели темпы роста ВВП, использованного на конечное потребление домашних хозяйств.



Рис. 1. Изменения объема выбросов вредных веществ в атмосферный воздух и величины ВВП в России



Рис. 2. Изменение объема вывезенных из селитебных зон ТБО и величины ВВП, использованной на конечное потребление домашних хозяйств в России

Очевидно, что размеры декаплинга могут быть представлены в первую очередь в графическом виде или в форме простого соотношения темпов роста/снижения какого-либо натурального показателя природопользования (включая индикатор негативного воздействия на окружающую природную среду) и темпов роста/снижения отобранного макроэкономического агрегата в *постоянных ценах*. При этом в цифровом виде данное расхождение, по нашему мнению, статистически корректно показывать в процентных пунктах, п. п. (то есть разницей между процентами). В случае относительного декаплинга при одновременном снижении темпов двух рассматриваемых векторов процентные пункты целесообразно давать с отрицательными знаками. При наличии абсолютного декаплинга результаты могут приводиться по модулю разницы для показателей с положительным и отрицательным знаками.

Следует отметить, что осознание показателей декаплинга – то есть расхождения как такового – со стороны отдельных ученых и специалистов в России серьезно задержалось. Это привело к ряду отрицательных результатов. В частности, в последнем издании Большой российской энциклопедии в обзорном томе «Россия» приведены данные, игнорирующие официальную статистическую информацию и «досчитанные» с учетом начавшегося во втором десятилетии XXI в. экономического роста в России. «После 2000 г. с ростом производства в условиях ослабления государственной природоохранной системы негативное воздействие на окружающую среду превысило уровень 1987 г.» [Большая... 2004]. Это утверждение некорректно как по форме, так и по существу: фактические данные во многом давали иную картину. Точно так же было ошибочным следующее предположение: «Экономисты говорят, что теневая экономика в нашем обществе занимает около 40 %. Вот и давайте прибавим к тем выбросам (вредных веществ в окружающую природную среду. – *Аем.*), которые статистически отражены, еще 40 %» [Грязь... 2001].

Неадекватность подобных подходов была подробно проанализирована, в частности, в [Думнов 2005]. Можно лишь отметить: налицо весьма смутное понимание сущности и методологии расчета ВВП плюс игнорирование многофакторных и достаточно сложных – во многих случаях вероятностных – зависимостей между макро- и микроэкономикой, с одной стороны, и конкретными видами природопользования и негативного воздействия на окружающую природную среду – с другой.

Рекомендации в области определения декаплинга, включенные в ПРД СПЭУ, не ограничиваются лишь вышеизложенными положениями. В этом документе и в публикациях других международных органов величину декаплинга предлагается исчислять следующим образом:

*Показатель декаплинга* = ВОПС/ДС в отчетном периоде : ВОПС/ДС в базовом периоде, (1)  
где ВОПС – показатель воздействия («давления») на ОПС, например объем забора воды из водных объектов, количество выброшенных вредных веществ и др.; ДС – показатель «движущей силы», которая приводит к вышеуказанному воздействию, то есть отражающий какие-либо макроэкономические агрегаты (в частности, объем ВВП, ВДС, ВРП и др.).

Иначе говоря, показатель декаплинга в данном случае представляет собой отношение между двумя удельными показателями, характеризующими какой-либо вид природоемкости/природовоздействия за различные периоды времени.

Логика подсказывает, что если в формуле (1) величина декаплинга меньше или больше 1, то соответствующее расхождение в рассматриваемом периоде наблюдается в явном, то есть ненулевом виде. Однако при этом невозможно определить, какую именно форму имеет данное расхождение: абсолютную или относительную. Точно так же при использовании указанной формулы при международных сопоставлениях невозможно оценить, в какой стране масштабы того или иного декаплинга больше (или меньше) в абсолютном выражении.

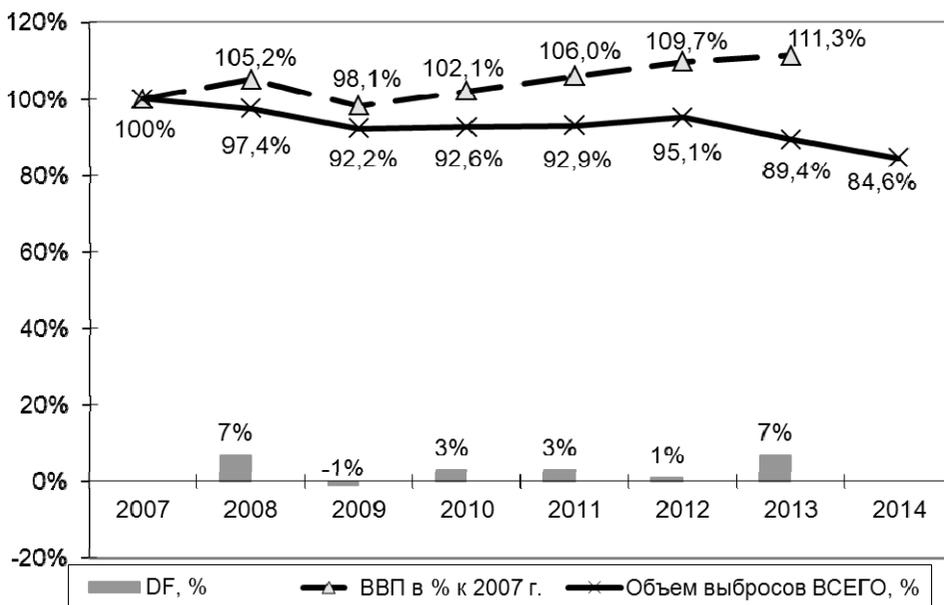
По мнению разработчиков ПРД СПЭУ, а также исходя из рекомендаций ряда других международных организаций, может осуществляться расчет так называемого *индекса декаплинг-фактора*, исчисляемого по формуле:

$$\text{Индекс декаплинг-фактора (DF)} = 1 - \text{показатель декаплинга.} \quad (2)$$

В соответствии со статистической логикой индекс декаплинг-фактора равен нулю при отсутствии самого расхождения. При положительном значении разницы в формуле (2) чем выше итоговая величина, тем выше рассматриваемый индекс и меньше удельные значения природопользования/вредного воздействия на природу по отношению к выбранному макроагрегату. И наоборот – при отрицательном значении разницы чем больше отрицательная величина, тем индекс декаплинг-фактора выше, но с обратным знаком. В частности, если сравнивать эти индексы за два каких-либо периода, то в последнем случае на единицу макропоказателя в отчетном периоде стало изыматься больше природных ресурсов и/или в окружающую природную среду стало поступать больше различных вредных веществ, нежели в базовом периоде.

Характерно, что, как и в случае с формулой (1), оперирование формулой (2) не дает возможности определить характер – абсолютный или относительный – декаплинга. Более того, на наш взгляд, формула (2) не имеет практически никаких реальных преимуществ по сравнению с формулой (1), а лишь неоправданно

усложняет аналитическую работу<sup>5</sup>. В качестве доказательства можно привести неудачное применение декаплинг-фактора в материалах Государственных докладов «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации» в 2013 и 2014 гг. В частности, на рис. 3, представленном в полном соответствии с оригиналом в Госдокладе-2014 и являющемся образцом целого ряда других аналогичных рисунков, по оси абсцисс отражены результаты расчета индекса декаплинг-фактора. При этом: а) соответствующие цифры приведены в процентах, хотя формула (2) по определению не предусматривает этого. Индекс декаплинг-фактора в ней должен выражаться абстрактной величиной, обратной относительно показателю и не имеющей единицы измерения; б) рассматриваемые данные приведены без указания периода, за который сделаны оценки. Иначе говоря, весьма сложно понять, соотносятся ли «процентные» величины по оси абсцисс с базовым периодом, то есть с 2007 г., или эти оценки проведены путем сравнения каждого года с предшествующим.



**Рис. 3.** Динамика изменения показателей «движущих сил» (ВВП) и «давления» (объем всех выбросов от стационарных источников) по РФ в целом

Более того, сам механизм получения и трактовки приведенных данных остается весьма невнятным (по сути, если бы на рис. 3 не были приведены графические линии, отражающие динамику выбросов в атмосферу, и ВВП в сопоставимых ценах, то понять, что такое DF и как его трактовать, было бы абсолютно невозможно). Но самое главное – на основе такого рода данных о декаплинге нельзя сделать сколько-нибудь значимые практические выводы, не говоря уже о поста-

<sup>5</sup> Авторы статьи признают, что корректное и внятное отражение декаплинга с использованием только одной цифры – с учетом вышеописанной многовариантности рассматриваемых расхождений – пока остается спорным вопросом, требующим серьезных исследований (то есть фактически разработки теории декаплинг-анализа).

новке задач на перспективу и формировании каких-либо конкретных планово-прогнозных заданий.

Приведенный пример свидетельствует, на наш взгляд, о следующем: 1) степени профессионализма при подготовке материалов для важных государственных документов, а также об уровне их проверки и реальной востребованности; 2) продолжающемся в нашей стране некритическом, калькированном использовании различных международных рекомендаций (а нередко в их навязывании) без четкого понимания сущности, особенностей, возможностей применения на практике, а также содержащихся в них спорных моментов и/или неясностей.

### Декомпозиционный (факторный) анализ

Как можно видеть из приведенных выше алгоритмов расчета декаплинга или индекса декаплинг-фактора, они не являются универсальными инструментами макроанализа в области природопользования и охраны окружающей природной среды. Кроме отмеченных выше недостатков, проблема состоит отнюдь не только в определении: «Что именно произошло?», но и в выяснении: «Почему это произошло?», то есть в исследовании причинно-следственных связей.

В соответствии с рекомендациями ПРД СПЭУ для решения указанных задач необходимо проведение так называемого декомпозиционного анализа (*decomposition analysis*). По нашему мнению, его сущность и главные принципы давно известны. Они представляют систему оценки факторов, в той или иной степени влияющих на описанные выше декаплинг-расхождения, и определения роли каждого из них. По мнению разработчиков ПРД СПЭУ, в рассматриваемом случае наиболее важными факторами являются: а) изменения объема выпуска в государстве-резиденте, в том числе за счет переноса ряда производств из одной страны в другую (то есть соответствующих территориальных сдвигов); б) изменения в структуре потребляемых ресурсов, включая переход с одного на другой вид топлива, изменения в структуре выпускаемой продукции, в том числе переход от производства товаров к оказанию услуг и т. д. (то есть внутриэкономические структурные сдвиги); в) изменения внешнеэкономической конъюнктуры и связей и, следовательно, состава и объема экспорта и импорта (то есть внешнеэкономические структурные сдвиги); г) изменения в результате совершенствования технологических процессов, в том числе путем уменьшения энергоемкости, материалоемкости и др.

Однако этот перечень факторов, на наш взгляд, представляется далеко не полным – определенное воздействие может оказывать ряд других аспектов.

Прежде всего следует оценивать статистическую достоверность сравниваемых статистических рядов. Собственно говоря, с этого надо начинать любой декомпозиционный анализ.

Что же касается факторов, которые могут оказывать существенное влияние на величины декаплинга и динамику показателей природоемкости/природоотдачи, то сюда необходимо добавить, в частности, степень эффективности эксплуатации водоочистных сооружений и газопылеулавливающих установок, наличие или отсутствие их своевременного текущего и капитального ремонта. Огромное значение также имеют уровни физического и/или морального износа основных производственных фондов и масштабы их обновления. Значительное воздействие могут оказывать факторы природного характера, например серия маловодных или мно-

годовых лет, ограничивающих объемы водопользования или уменьшающих эти объемы по естественным причинам (из-за сокращения поливов сельхозкультур в дождливые годы) и др.

Особую роль, в принципе, должен играть так называемый «эколого-экономический механизм», включающий в том числе систему налогов и платежей (с целевыми льготами). Такие выплаты призваны быть не столько фискальными инструментами, сколько стимулами для природопользователей к проведению ими природоохранных/природосберегающих мероприятий<sup>6</sup>.

В числе немаловажных особенностей воздействия различных факторов не следует также забывать о наличии лаг-периода между длительным процессом проведения природоохранных мероприятий (прежде всего осуществляемых инвестиций) и получением конкретных результатов (от конечной реализации этих мероприятий) в области охраны окружающей природной среды.

Несомненно, существуют и иные факторные причины, определяющие в той или иной степени динамику изменения соотношений макроэкономических показателей и индикаторов различных видов природопользования.

Конкретные алгоритмы разложения результирующего показателя на факторные показатели в ПРД СПЭУ, к сожалению, практически не приводятся или даются в малоинформативном виде. Поэтому предстоит значительная исследовательская работа по определению того, в какой мере целесообразно использовать индексный метод, в какой – применять корреляционный или кластерный анализ, а в каких случаях – проводить факторные исследования с применением других аналитических инструментов.

Следует также отметить, что в соответствии с ПРД СПЭУ декомпозиционный анализ, как правило, должен осуществляться в рамках пресловутой модели «Движущие силы – Давление – Состояние – Воздействие – Реакция (ДСДСВР)» (Driving force – Pressure – State – Impact – Response, DPSIR). «Такого рода модели обеспечивают уверенность в том, что при разработке системы показателей не были упущены наиболее важные аспекты» [System... 2014b]. Однако, на наш взгляд, вопрос заключается отнюдь не в подобных сложно-словесных конструкциях, а в осуществлении конкретного и системного факторного анализа, в получении его внятных результатов, в формулировании на их основе объективных выводов и прогнозных оценок и в формировании реальных плановых заданий, хотя бы на «индикативной» основе.

### **Краткие выводы и предложения**

1. Одним из основных препятствий к освоению и практическому внедрению положений СНС-2008, Базовой схемы СПЭУ-2012 и ПРД СПЭУ является недостаточная заинтересованность в этом со стороны как общегосударственных органов и экономических структур страны, так и министерств и ведомств природно-ресурсного и природоохранного блоков. Внедрение принципов СНС-СПЭУ в Российской Федерации, в принципе, постепенно происходит, однако ведется оно, к сожалению, медленно и дифференцированно, при фактическом отсутствии контроля за осуществлением этой работы со стороны руководящих органов из-за

---

<sup>6</sup> Масштабы и уровень влияния данного фактора на осуществление рассматриваемых мероприятий хотя бы в виде приблизительных цифр в нашей стране практически неизвестны. Более того, отсутствовали и продолжают отсутствовать развернутые исследования в этом направлении.

смутного понимания ее целей, а также возможностей прикладного использования результатов.

2. Практически аналогичное недопонимание со стороны общеуправленческих, экономических, природно-ресурсных и природоохранных органов имеет место в области выявления зависимостей между различными факторными индикаторами социально-экономического развития и динамикой результирующих показателей природопользования, состояния и охраны окружающей природной среды. Как правило, имеющаяся информация фиксирует и отражает лишь «*что* именно происходит» (в виде уменьшения нагрузки на природу и т. п.), но не дает ответа, «*почему* это произошло». Поэтому в данных условиях зачастую непонятно, каким образом формируются соответствующие планово-прогнозные задания по профильным показателям и насколько серьезное значение они в принципе способны оказывать на соответствующую политику.

3. Без устранения приведенных недостатков любые попытки совершенствования государственного управления в сфере природных ресурсов, природопользования и охраны окружающей природной среды будут иметь достаточно проблемный характер, не говоря уже о каком-либо реальном «индикативном» планировании природоохранной деятельности в стране.

### *Литература*

Большая российская энциклопедия: в 30 т. Т. Россия / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов, отв. ред. С. Л. Кравец. М. : БРЭ, 2004.

Водные ресурсы и водное хозяйство России в 2009 году (Статистический сборник) / под ред. Н. Г. Рыбальского, А. Д. Думнова. М. : НИИ-Природа, 2010.

Государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014(2015) году» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1101>.

Грязь, которую мы вдыхаем, едим и пьем: интервью с чл.-корр. РАН, президентом Центра экологической политики А. Яблоковым // Аргументы и факты. 2001. № 39.

Демин А. П. Современная водоемкость экономик стран мира // Известия РАН. Серия «География». 2012. № 5. С. 71–81.

Думнов А. Д. Тенденции вредного антропогенного воздействия на окружающую природную среду (статистические аспекты) // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 5. С. 100–108.

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г. Макроэкономические оценки на основе экосистемного учета как важнейшая международная задача // Век глобализации. 2015. № 2. С. 73–89.

Охрана окружающей среды в России: 2012: стат. сб. Федеральной службы гос. статистики. М. : Росстат, 2012.

System of Environmental-Economic Accounting 2012: Central Framework/United Nations, European Union, FAO, IMF, OECD, World Bank (ST/ESA/STAT/Ser.F/109). New York : United Nations, 2014a.

System of Environmental-Economic Accounting 2012: Applications and Extensions (White cover publication, pre-edited text subject to official editing). European Commission, FAO, OECD, United Nations, World Bank, 2014b.

---

---

# ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

---

---

## О ПОЛЬЗЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ, ИЛИ ОТЧЕГО ЖЕ ВЫМЕРЛА МЕГАФАУНА ПЛЕЙСТОЦЕНА?

Назаретян А. П. \*

*Решающим фактором гибели до 90 % мегафауны плейстоцена стала человеческая деятельность. В поддержку этого вывода автор приводит эмпирические аргументы, расчеты, а также концептуальные соображения. Катастрофы внешнего происхождения способны вызвать восстановительную активность, но не качественное развитие системы (какое в данном случае достаточно очевидно). Чтобы исследовать механизм последовательных прогрессивных изменений на всех стадиях эволюции биосферы и антропосферы, разрабатывается междисциплинарная синергетическая модель, построенная на понятиях устойчивого неравновесия, антиэнтропийной активности и эндо-экзогенного кризиса. В статье изложены ключевые положения модели. По мнению автора, сравнительно с классическими версиями она не только более правдоподобна, но, более того, предпочтительна с нравственной и прагматической точек зрения.*

**Ключевые слова:** устойчивое неравновесие, энтропия, кризис, плейстоцен, палеолит, технология.

*Human activity was the decisive factor in the extinction of up to 90 percent of the Pleistocene megafauna. To argue this conclusion, the author brings empirical arguments, calculations, and conceptual considerations. The catastrophes triggered by external factors can entail the disaster-recovery activity but not a qualitative development of the system (which is pretty obvious in this case). A cross-disciplinary synergetic (chaos theory) pattern has been developed to explain the mechanism of consecutive progressive changes at all stages of the evolution of biosphere and anthroposphere. The pattern is built on the concepts of sustainable non-equilibrium, anti-entropy activity and endo-exogenous crisis (the one provoked by the system's own activity). The article sets out the key constructs of the pattern. In the author's view, this pattern not only is more verisimilar than the classical versions but is besides preferable within ethical and pragmatic perspectives.*

**Keywords:** sustainable non-equilibrium, entropy, crisis, Pleistocene, Paleolithic, technology.

Дискуссия на страницах журнала «Биосфера» между археологом и историком А. М. Буровским [2010] и рецензентом его статьи биологом В. Б. Сапуновым [2010]

---

\* Назаретян Акоп Погосович – профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный редактор академического журнала «Историческая психология и социология истории». E-mail: anazaret@yandex.ru.

по своему значению выходит далеко за рамки заявленной темы. Поэтому хотелось бы высказать ряд дополнительных комментариев.

Я считаю уместным сомнение рецензента в реальности современного глобального экологического кризиса – это не столько констатация, сколько линейная экстраполяция наблюдаемой тенденции растущего потребления ресурсов на обозримое будущее. Однако отрицание глобальных антропогенных кризисов в прошлом, по-моему, основано на недоразумениях и, в частности, на смешении временных периодов.

Прежде всего теория биосферы В. И. Вернадского, к которой обращается В. Б. Сапунов, не противоречит тому факту, что еще до возникновения человека с лица Земли исчезло более 99 % существовавших видов. В истории фанерозоя зафиксировано по меньшей мере пять массовых вымираний жизненных форм [Аллен, Нельсон 1991; Рауп 1993]. Их причины не всегда бесспорны (см. ниже), но известно, что после каждого из них происходил взрыв видообразования и биосфера восстанавливала устойчивость за счет увеличения внутренней сложности и «интеллектуальности». Прогресс в интеллектуальной сфере демонстрируют такие морфологические изменения, как появление и совершенствование нервной системы, церебрализация, кортикализация, и очень наглядно – сравнительно-эволюционный расчет. Если совокупный коэффициент цефализации современной фауны принять за 1, то в миоцене (25 млн лет назад) он составлял 0,5, а в начале кайнозойской эры (67 млн лет назад) – 0,25. При этом Вернадский [1987: 251] ссылался на открытие американского палеонтолога Д. Дана: в процессе развития нервной системы «иногда наблюдаются геологически длительные остановки, но никогда не наблюдается понижение достигнутого уровня». Наиболее же существенный признак совокупной интеллектуализации биосферы видится в том, что энергетические потоки (в отличие от эквilibросферы безжизненных планет) все более отчетливо направлялись от зон большего равновесия к зонам меньшего равновесия. С усложнением внутренней структуры система эффективнее использовала входящий энергетический ресурс (особенно лучистую энергию Солнца) и таким образом последовательно удалялась от термодинамического равновесия с физическим миром.

Биосфера восстановила устойчивость и в голоцене, и было бы удивительно, если бы А. М. Буровский с этим спорил. Однако на исходе плейстоцена на Земле сложилась во многом беспрецедентная ситуация, которая предварила качественно новый этап в развитии природы и общества.

### Эмпирические соображения

Двумя с половиной миллионами лет ранее в природе образовался странный вид *Homo habilis*, жизнедеятельность которого была связана с регулярным использованием искусственно заостренных галечных отщепов (чопперов). Появление вида, способного производить искусственные орудия, выглядит закономерным этапом интеллектуализации живого вещества. Однако тем самым был нарушен *этологический баланс* между естественной вооруженностью и инстинктивным торможением внутривидовой агрессии – баланс, в целом соблюдающийся при нормальном наполнении экологической ниши и обеспечивающий жизнеспособность природных популяций. Образовавшаяся зоологическая химера («голубь с ястребиным клювом», по выражению одного антрополога) должна была быстро

элиминироваться естественным отбором, поскольку возможность взаимных убийств – все найденные осколки черепов демонстрируют признаки искусственного повреждения – превосходила естественные ограничители. Каким образом хабилисам удалось пережить «экзистенциальный кризис антропогенеза» – самостоятельная тема. Похоже, что выжила популяция, в которой выработались внеприродные тормоза, связанные с невротической боязнью мертвых («стадо невротиков») и ставшие ферментом будущей духовной культуры [Nazaretyan 2005].

Здесь нам важно то, что в последующем гоминиды, сменяя друг друга в межвидовой конкуренции, преодолели и некоторые другие ограничения, налагаемые законами природы, в том числе и вместимость экологической ниши, превращаясь в чужеродный элемент системы. Уже в нижнем палеолите их численность превысила нормальную численность животных, сопоставимых с ними по размерам тела и типу питания [Капица и др. 1997].

В. Б. Сапунов, ссылаясь на «великого антрополога Б. Ф. Поршнева», считает первобытного человека падальщиком. Поршневым действительно был замечательным ученым, однако уже в 1960–1970-е гг., когда создавалась его теория, она в этом пункте контрастировала с данными археологии. Падальщиками, несомненно, были хабилисы Олдовайского ущелья, но о том, как вытеснившие их архантропы (*Homo erectus*) охотились на крупную дичь, рассказано во всех учебниках. Что же касается неантропов верхнего палеолита (о которых, собственно, идет речь), для них характерно бурное развитие приемов и инструментов охоты, включая так называемую охотничью автоматику. Дротики, копья, копьеметалки, коегде луки с отравленными стрелами и т. д. существенно облегчили промысел, к тому же позволяя людям, в отличие от природных хищников, добывать самых здоровых и красивых особей, а также защищаемых стадом детенышей и беременных самок. Охотники научились загонять множество животных в ловчие ямы, обрекая их на гибель, и загонная охота приводила к ежегодному истреблению целых стад [Аникович 1999].

Эти процессы ярко описаны в статье Буровского, но если Сапунов полагает термины «перепромысел» и “*overkill*” изобретением своего оппонента («терминология автора»), то он, конечно, ошибается. Со своей стороны добавим, что необычайная для прежних эпох доступность пищевых ресурсов способствовала ускоренному росту населения.

Сколько же людей жило тогда на Земле? Сапунов называет количество особей в 1 миллион. В книге австралийского историка Г. Снукса сведены в единую историко-демографическую таблицу три наиболее авторитетных источника [Snooks 1996: 49]. Сведения источников по многим другим эпохам противоречивы, но, по их единодушной оценке, такова была численность населения планеты 100 тыс. лет назад. В самом конце апополитейного палеолита она могла стать еще меньше: по некоторым данным, резкое обеднение фауны привело к сокращению населения чуть ли не на порядок, а некоторые заселенные прежде территории обезлюдели [Бибииков 1959]. Иначе обстояло дело на пике верхнего палеолита. Оценка в 10 млн [Арский и др. 1997], скорее всего, завышена. Сводная таблица Снукса в интересующем нас пункте опять-таки дает единодушные оценки: население планеты достигло 4 млн человек 12 тыс. лет назад и 7,5 млн человек – 10 тыс. лет назад.

А теперь давайте посчитаем. Общая площадь суши Земли – около 149 млн кв. км. Природные условия в конце плейстоцена были изменчивы, но, согласно сведениям, полученным мной в личной консультации от доктора биологических наук Н. О. Ковалевой (Институт экологического почвоведения МГУ), даже в наиболее благоприятных периодах от силы половина этой площади была пригодна для человеческого обитания. Для прокорма же одного охотника-собирателя требуется в среднем территория 15–20 кв. км. Следовательно, потолок несущей способности Земли даже чисто арифметически был перекрыт людьми, ведущими исключительно присваивающее хозяйство и незнакомыми с приемами искусственного воспроизводства ресурсов. В таких условиях вакханалия охотничьего перепромысла форсировала необратимое разрушение экосистем.

Как можно понять, В. Б. Сапунов усматривает единственную причину вымирания до 90 % мегафауны плейстоцена в природных и прежде всего климатических изменениях. На это есть простой ответ: вымершие виды успели пережить двадцать глобальных климатических циклов, продемонстрировав способность адаптироваться к ним [Diamond 1999]. Но диапазон их адаптивных возможностей был превышен, когда к природным испытаниям добавился такой привходящий фактор, как сверхъестественно эффективные, многочисленные и не стесненные соразмерными культурными ограничителями охотники верхнего палеолита.

Особенно трудно защищать «климатическую гипотезу» после сенсационного открытия российских ученых [Vartanian *et al.* 1995]: на острове Врангеля мамонты обитали еще 4 тыс. лет назад! Как остроумно замечает А. М. Буровский, «мамонт жил в тундре, когда уже стояли пирамиды, были написаны законы вавилонского царя Хаммурапи, а праотец Авраам “вышел из Ура Халдейского”» [Буровский 2010: 35].

Правда, у изолированной популяции уменьшились размеры тела, что хорошо объясняет современная генетика. Важнее другое. Популяция продолжала существовать до тех пор, пока на острове не появились первые люди. Они успели смастерить из клыков гарпуны, радиоуглеродный анализ которых и позволил определить возраст последних мамонтов Земли – от 4,5 до 3,75 тыс. лет.

Наконец, новейшие исследования показывают, что сокращение численности крупных млекопитающих началось раньше, чем произошли существенные изменения растительности и климата. Поэтому вымирание мамонтов и мастодонтов (по крайней мере, в Северной Америке) было скорее причиной, чем следствием изменения растительности [Gill *et al.* 2009]. В Австралии вымирание мегафауны произошло еще раньше – около 40 тыс. лет назад, когда впервые добравшиеся туда люди принялись, судя по всему, выжигать леса (правда, там так и не произошло изменений неолитического типа) [Prideaux *et al.* 2007]. Известно, что даже в конце плейстоцена климат на этом континенте не претерпел столь радикальных изменений, как в средних широтах.

### Концептуальные аргументы

Приведенные соображения можно считать прямыми аргументами в пользу того, что именно человеческая деятельность послужила решающим фактором исчезновения мегафауны на стыке плейстоцена и голоцена. Не менее существенными мне представляются косвенные – концептуальные аргументы.

Палеонтологи пока в большинстве случаев не готовы определенно указать на причины вымирания того или иного вида; не всегда ясны также факторы массовых вымираний и смены видового состава биосферы. В свою очередь, антропологи испытывают трудности с объяснением последовательного исчезновения гоминоидов, а историки – с объяснением «надлома и распада» процветавших государств и цивилизаций. Еще труднее объяснить образование качественно новых форм в природе и в культуре, а главное – *векторный* характер глобальных изменений. Как отмечено выше, на протяжении миллиардов лет истории природы и затем общества прослеживается прогресс системы по ряду сопряженных параметров, причем интегральный вектор – последовательный переход системы от более вероятных (с термодинамической точки зрения) к менее вероятным состояниям.

Такое направление эволюции угадывалось рядом философов и ученых еще в начале XX в. Советский биофизик Э. С. Бауэр [1935] ввел в науку фундаментальную категорию *устойчивого неравновесия* – такого состояния, сохранение которого обеспечивается постоянной работой, нацеленной против уравнивающего давления среды. Через восемь лет в знаменитых лекциях Э. Шредингера [1972] было подчеркнуто, что жизнь представляет собой крайне маловероятную (*highly improbable*) структурную организацию, поддерживаемую «за счет создания беспорядка в среде» [Murphy, O'Neill 1997: 2]. Прогрессирующее удаление биосферы от равновесного состояния остается парадоксом для классического естествознания. Между тем оно эмпирически настолько неоспоримо, что современным физикам приходится обсуждать зависимости между «термодинамической стрелой времени» и «космологической стрелой времени» [Chaisson 2001], различие между которыми особенно отчетливо выражено в истории биосферы и общества.

Загадка векторности легче всего решается телеологическими моделями типа ортогенеза и номогенеза, имеющими множество аналогов в исторической социологии. Постулировав направленность эволюции природы, а затем и общества к априорно заданной цели («Анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны»), исследователь экономит массу умственных усилий. Но модели такого рода объединяет один маленький недостаток: то, что требует объяснения, просто вводится в набор аксиом, и на горизонте маячит разумный Творец. Поэтому большинство ученых всех специальностей, стремящихся понять механизмы эволюции, отдают предпочтение строго причинным («апостериорным») объяснениям.

Здесь их, однако, подстерегает еще один соблазн. Для объяснения вымираний, разрушений, переломов и обновлений проще всего обратиться к сугубо внешним факторам, а излюбленной палочкой-выручалочкой служат климатические колебания, геологические и космические катаклизмы.

Так, из литературы мы узнаем, что неандертальцы погибли из-за изменений климата, усугубленных падением крупного метеорита [Вонг 2009]. Много ранее то ли столкновение Земли с астероидом [Голицын, Гинзбург 1986], то ли извержение сверхмощного вулкана [Crawford, March 1989] погубило ящеров и т. д. Хотя, вообще-то, неандертальцы превосходили по адаптивным возможностям всех прочих млекопитающих (может быть, за исключением неоантропов), которые в тот период благополучно сохранились. А вымирание ящеров растянулось на полтора-два миллиона лет, тогда как пыль и пепел от взрыва могли держаться в атмосфере несколько месяцев.

Не увенчались успехом попытки напрямую связать с климатическими факторами такие события человеческой предыстории, как начало использования огня, строительство жилищ или появление одежды, хотя такая связь кажется интуитивно очевидной (особенно жителям северных широт). Некоторые антропологи, отчаявшись обнаружить временную зависимость, обратились к пространственному аспекту проблемы и выдвинули забавную гипотезу о «внетропической прародине». По логике ее авторов, использование огня и прочие социальные нововведения в тропическом климате «оказались бы биологической несообразностью», а потому ареалом технологических (а также анатомических) трансформаций могла быть не Африка, а Монголия, север Китая, Казахстан и Сибирь [см. об этом: Лалаянц 1990].

«Климатическая гипотеза» вымирания мегафауны плейстоцена и перехода к производящему хозяйству – типичный образец экзогенного объяснения с его характерными трудностями. Нет сомнения в том, что региональные и глобальные колебания климата, тектонические сдвиги, извержение вулканов и падение небесных тел влияли на ход эволюционных процессов. Однако они не объясняют *прогрессивных* изменений в природе и обществе. В этом плане более продуктивна синергетическая модель, выстроенная на категориях устойчивого неравновесия, антиэнтропийной активности и кризиса.

### Природа кризисов с позиций синергетики

Антиэнтропийная работа – жизнедеятельность – требует регулярного притока свободной энергии извне, а энергия высвобождается при разрушении других систем. То, что устойчивое неравновесие оплачивается ростом энтропии в окружающем мире, служит дополнительным фактором нелинейности. В существовании и развитии неравновесной системы неизбежно наступают фазы опасного снижения устойчивости, когда, в силу изменения внешних или внутренних условий, наработанные ранее шаблоны антиэнтропийной активности оборачиваются противоположными эффектами – опасностью катастрофического роста энтропии; такие фазы называются *кризисами*. За кризисом следует либо катастрофическая фаза, то есть разрушение системы, либо смена среды обитания, либо обновление антиэнтропийных механизмов.

Кроме прочих оснований для классификации кризисов (масштаб, субъект и т. д.) синергетическая модель выделяет их происхождение. По этому основанию различают кризисы экзогенные, эндогенные и эндо-экзогенные. Первые происходят из-за относительно случайных (не зависящих от системы) изменений в среде: колебаний солнечной или геологической активности, спонтанных изменений климата, космических катаклизмов и т. д. Вторые обусловлены сменой периодов генетической программы или ее исчерпанием. Кризисы третьего – смешанного – типа вызваны *изменениями среды, спровоцированными собственной активностью неравновесной системы*. От происхождения кризиса существенно зависят и его последствия.

Экзогенные кризисы приводили к разрушению биоценозов и городов, стимулируя тем самым отбор форм и технологий жизнедеятельности. Но внешне спровоцированные трансформации носили, как правило, восстановительный или чисто адаптивный, но не прогрессивный характер (типа изменения окраски крыла у

лондонских бабочек или смены так называемых клеточных индустрий нижнего палеолита Европы шельскими и наоборот).

Эндогенные кризисы отчетливо фиксируются в эволюции многоклеточного организма, а также психики [Божович 1968]. Их роль в глобальной эволюции трудно поддается определению, если не опираться на телеологическую модель. Поиски аналогии между онто- и филогенезом (доказательства того, что этапы развития, старения и вымирания вида изначально запрограммированы) предпринимались и в XIX, и в XX в. [Федоренко, Реймерс 1981], но, кажется, сегодня они непопулярны среди биологов вообще и генетиков в частности. Восходящее к Н. Я. Данилевскому [1991] и О. Шпенглеру [1993] представление о социальной истории как множестве закономерно замкнутых и лишенных преемственности циклов рождения, расцвета, увядания и смерти региональных цивилизаций вошло в большую моду на Западе в середине прошлого века. Но по мере того как векторный характер человеческой истории и предыстории получал неопровержимые эмпирические доказательства, их вынуждены были признать и многие адепты «цивилизационного» подхода [см. подробнее: Назаретян 2004; 2010; Алаев 2008]. Таким образом, сегодня не видно надежных свидетельств того, что эндогенные кризисы играют самостоятельную роль на какой-либо фазе эволюции.

### **Эндо-экзогенные кризисы как фактор прогрессивной эволюции**

По-настоящему продуктивную творческую роль в ней всегда играли кризисы третьего – эндо-экзогенного – типа, и именно они представляют особый интерес. Монотонное наращивание антиэнтропийной активности (например, увеличение биологической популяции, потребления ресурсов) накапливает разрушительные эффекты в среде, и по закону *отсроченной дисфункции* рано или поздно прежние механизмы жизнеобеспечения становятся контрпродуктивными, то есть чреватые катастрофическим ростом энтропии. Возобновимые ресурсы превращаются в невозобновимые, и дальнейшая судьба неравновесной системы зависит от того, насколько она готова к изменениям. Если при обострении эндо-экзогенного кризиса система не имеет возможности сменить среду обитания, то она либо разрушается, либо вырабатывает антиэнтропийные механизмы с более высокой удельной продуктивностью (величиной полезного эффекта на единицу разрушений). Последнее требует радикального роста организационной сложности и интеллектуальных качеств.

Во всех подобных случаях драматическая коллизия состоит в том, что события являются кризисными или катастрофическими в зависимости от масштаба и предмета (субъекта). Даже при благоприятном развитии событий фазовый переход системы в новое, «прогрессивное» качество сопряжен с разрушением ее элементов и подсистем. Для биосферы расходным материалом становятся организмы, популяции, виды, биоценозы и ландшафты, для общества – локальные и региональные очаги цивилизации, не справившиеся с вызовами собственного развития (о чем будет сказано далее).

Типичным примером глобального эндо-экзогенного кризиса в ранней истории биосферы может служить переломный эпизод, когда в атмосфере планеты накопились отходы жизнедеятельности цианобактерий – молекулы и свободные атомы кислорода. В итоге атмосфера приобрела столь выраженное окислительное свойство, что стала губительной для анаэробных организмов и началось их мас-

совое вымирание. Это способствовало развитию эукариот, которые теперь начали быстро размножаться и приобрели ведущую роль в развитии жизни. Сохранение биосферы было обеспечено радикальным усложнением.

Приведенный эпизод иллюстрирует и известное в синергетике *правило избыточного разнообразия*: шанс на конструктивное преодоление кризиса во многом определяется тем, какой ресурс актуально бесполезного разнообразия система успела накопить в периоде относительно спокойного развития. Если отбор был не настолько жестким, чтобы отбраковывать так называемые *слабовредные мутации*, то в кризисной фазе маргинальные элементы, игравшие прежде периферийную роль, обеспечивают внутренний ресурс, из которого черпаются новые формы, модели и стратегии поведения. Очевидно, что это правило конкретизирует общесистемный закон *необходимого разнообразия* [Эшби 1959]. Кстати, если будет доказано существование на Марсе в далеком прошлом примитивной жизни, то она могла исчезнуть оттого, что не успели сформироваться избыточные элементы, которые послужили бы источником спасительного усложнения.

Как отмечено ранее, при объяснении последующих глобальных переломов аналитики ищут главным образом внешние факторы вроде метеоритов, комет, колебаний солнечной активности, геологических и климатических сдвигов, и в каждом случае такие объяснения оказываются уязвимыми. Мне неизвестны прямые доказательства эндо-экзогенного происхождения массового вымирания видов в фанерозое, хотя гипотетические объяснения такого рода в специальной литературе имеются [Шевкаленко 1992; 1996; Snooks 1996; Назаретян 2004]. С концептуальной точки зрения они предпочтительны постольку, поскольку за глобальными катастрофами следовало каждый раз не просто залечивание биосферой полученных травм (например, воспроизводство прежних или близких по морфологической сложности и интеллектуальным возможностям видов), а достижение устойчивости на более высоком уровне неравновесия с физической средой, организационной сложности и совокупной интеллектуальности.

Специфика эпохи на стыке плейстоцена и голоцена состоит в том, что именно тогда началось превращение биосферы Земли в антропосферу. Присваивающее хозяйство, приемы и технологии которого медленно, но неуклонно развивались на протяжении 2 млн лет, зашло в эволюционный тупик, что повлекло за собой катастрофические последствия для природы и человека. Сверхэксплуатация естественно возобновимых ресурсов превратила их в невозобновимые, и даже вынужденное сокращение населения само по себе не спасало ситуацию. Но после сравнительно недолгой катастрофической фазы появились первые признаки оседлого земледелия и скотоводства: прежде периферийные ритуальные действия (избыточное разнообразие) по приручению животных и закапыванию съедобного зерна в качестве жертвы сделались определяющей хозяйственной практикой. По выражению великого археолога В. Г. Чайлда [1949], люди впервые в истории «вступили в сотрудничество с природой», и с опытом искусственного возобновления ресурсов экологическая ниша человечества стала расширяться и углубляться. Так, примитивное земледелие увеличило вместимость территорий на порядок; в последующем развитые формы земледелия увеличили ее на два, а ирригационное земледелие – на три порядка [Коротаев 1991].

Добавим, что неолит кардинально изменил как социоприродные, так и внутрисоциальные отношения: образовались межплеменные союзы (вождества) со

сложным разделением труда и своего рода «коллективной эксплуатацией». Все это потребовало существенных изменений в мировосприятии и ценностно-нормативной системе, основу которых составил возросший информационный объем индивидуального и коллективного интеллекта [Назаретян 2008].

По сравнению с диким биоценозом антропоценоз представляет собой систему качественно нового типа, с более сложной организационной иерархией, в которой социальная активность и человеческий разум во все большей степени выполняли управляющую роль. И, согласно общесистемному *закону иерархических компенсаций*, рост разнообразия на верхнем уровне иерархии обеспечивался ограничением разнообразия на предыдущих уровнях. Как прежде усложнение биосферы сопровождалось сокращением амплитуды колебаний и относительной унификацией физических условий на планете (температуры, атмосферного давления, радиационного фона и т. д.) под влиянием живого вещества [Арский и др. 1997; Липец 2002], так развитие биосоциальной организации обеспечивалось ограничением разнообразия несущей подсистемы – биоты. В. Б. Сапунов справедливо указывает на то, что поголовье домашних животных на порядки превосходит поголовье их диких предков, но в данном контексте это замечание выглядит странно. Сельское хозяйство предполагает целенаправленное наращивание численности и зон обитания «полезных» видов с параллельным вытеснением огромного множества «вредных» растений и животных – от разного рода сорняков и насекомых до диких хищников. Поэтому долгосрочная тенденция состояла в том, что с распространением антропосферы биоразнообразие ограничивалось, а сложность системы возрастала за счет социокультурного разнообразия.

Еще до неолитической революции, по мере того как усиливалось давление человеческой деятельности на природу, эндо-экзогенные экологические кризисы приобретали преимущественно характер антропогенных. Соответственно возрастало значение дополнительного механизма социоприродной устойчивости, который начал формироваться уже в нижнем палеолите и о котором упомянуто в статье А. М. Буровского.

### **Закон техно-гуманитарного баланса**

Анализ большого числа антропогенных кризисов и катастроф в различных исторических эпохах и на различных континентах позволил выявить системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью общества. Полученная зависимость – *закон техно-гуманитарного баланса* – состоит в том, что *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной системы*.

Формальный аппарат модели демонстрирует, что с технологическим потенциалом растет внешняя устойчивость общества, то есть его независимость от спонтанных природных или геополитических катаклизмов (например, таблицы, отражающие последствия стихийных бедствий в разных регионах Земли, показывают, что в технологически развитых странах экономический ущерб, как правило, значительно меньше, зато число человеческих жертв меньше, чем в странах технологически отсталых [Стихийные... 1978]). Вместе с тем растет уязвимость социальной системы по отношению к колебаниям массовых настроений, опрометчивым решениям авторитетных лидеров и т. д., то есть ее внутренняя устойчивость снижа-

ется, если возросшее инструментальное могущество не уравновешено адекватным совершенствованием ценностей и норм деятельности.

В реальной истории овладение новыми технологиями обычно на первых порах влекло за собой не совершенствование, а, напротив, примитивизацию культурных регуляторов: эйфорическое ощущение всемогущества, вседозволенности и безнаказанности, иррациональное стремление к «маленьким победоносным войнам» против природы или соседних социумов – «массовый комплекс катастрофофилии» [Sloterdijk 1983] – форсировали разрушительные процессы. В целом характерный симптомокомплекс, рождаемый превосходством инструментального интеллекта над гуманитарным и сопровождающий бурное экстенсивное развитие, описан как *синдром Предкризисного человека (Homo prae-crisimos)*.

Рано или поздно общество, пораженное предкризисным синдромом, разрушает природные и/или организационные основы существования. Жертвами собственного могущества пали многие оазисы цивилизации на различных континентах Земли: процветающие общества пережили неожиданный «надлом и распад». Историки [Тойнби 1991: 231, 335; McNeill 1992: 135–136, 148; Christian 2004: 474–475] прослеживают связь между развитием технологий и снижением социальной устойчивости, многократно оборачивавшуюся саморазрушением цивилизаций. Географ А. А. Григорьев [1991] описал множество локальных кризисов и катастроф, развивавшихся по аналогичной каузальной схеме. Ее наглядные иллюстрации из недавнего прошлого изобилуют в этнографической литературе.

Например, в середине 1970-х гг., по окончании Вьетнамской войны, было замечено, что исчезло крупное палеолитическое племя горных кхмеров, традиционно проживавшее на территории Вьетнама. После взаимного обвинения сторон в геноциде удалось сформировать международную научную экспедицию для выяснения обстоятельств. Было доказано, что дело не в геноциде. Первобытные охотники, научившись использовать (и всеми средствами добывать) американские карабины, в считанные годы истребили фауну, на которую охотились тысячелетиями, перестреляли друг друга, а немногие оставшиеся в живых спустились с гор и деградировали.

Многочисленные события подобного рода происходили за последнее столетие в регионах Африки, Азии, Австралии и Америки. Их можно считать артефактами, поскольку технологии были привнесены извне, архаические общества перескочили сразу через несколько ступеней исторической эволюции, оставив глубокую пропасть между инструментальным и гуманитарным интеллектом, а потому события развивались очень быстро и легко реконструировались по свежим следам. В аутентичной истории, когда новые технологии создавались внутри общества, сходные причинно-следственные связи растягивались на десятки и сотни лет.

К счастью, однако, в истории прослеживаются и альтернативные сценарии. Например, когда социум, исчерпав ресурсы родного ландшафта, имел возможность мигрировать на соседние территории (иногда – выдавив оттуда более слабых конкурентов), это позволяло временно сохранить прежние шаблоны жизнедеятельности. В редких случаях устойчивость сохранялась ценой отказа от новых технологий. По-настоящему же существенны для понимания эволюционных механизмов эпизоды «прогрессивного» преодоления антропогенных кризисов. Когда кризис охватывал обширную территорию с высоким уровнем культурного

разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный выход из эволюционного тупика. При этом происходил драматический отбор социумов и ценностно-нормативных комплексов на совместимость с возросшими технологическими возможностями, сопровождавшийся отбраковкой социальных организмов, не обеспечивших культурно-психологический противовес обретенному инструментальному могуществу.

В истории и предыстории человечества зафиксировано не менее семи революционных переломов глобального значения, которые следовали за масштабными кризисами, спровоцированными превосходством инструментальной культуры над гуманитарной. В каждом случае преодоление кризиса было обеспечено сопряженными изменениями в сфере отношений «человек – природа» и «человек – человек». Возрастали удельная продуктивность хозяйственной деятельности, информационный объем коллективного и индивидуального интеллекта и сложность социальной организации, а также совершенствовались регуляторы межгрупповых и внутригрупповых отношений. В результате социоприродные комплексы последовательно удалялись от естественного (дикого) состояния, увеличивался удельный вес антропогенных факторов, что способствовало очередному расширению и углублению экологической ниши человека. В дальнейшем, однако, новые технологии, рост населения, коллективных и индивидуальных потребностей приводили к новым кризисам.

Системная зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества (закон техногуманитарного баланса) выведена из анализа многообразных предметных ситуаций (*case studies*), и ее можно считать эмпирическим обобщением. Согласно же вытекающей гипотезе, благодаря действию этого селективного механизма на всем протяжении истории качество культурных средств ограничения агрессии совершенствовалось в нелинейном (опосредованном антропогенными кризисами) соответствии с технологическим развитием.

Это одно из нетривиальных следствий модели, подвергающихся процедурам эмпирической верификации. В частности, введен сравнительно-социологический показатель – *коэффициент кровопролитности*: отношение среднего числа убийств в единицу времени (включая войны, политические репрессии и бытовое насилие) к численности населения.

Расчеты показали, что в долгосрочной исторической ретроспективе с ростом убойной силы оружия и демографической плотности указанный коэффициент не возрастал, а сокращался. Поскольку тенденция носила сильно нелинейный характер – всплески кровопролитности соответствуют фазам обострения кризисов, – она отчетливо обнаруживается только при достаточно широком временном диапазоне. Мы объясняем последовательное снижение уровня физического насилия не тем, что люди становились «менее агрессивными» (напротив, территориальная концентрация обычно повышает естественный уровень агрессивности как у животных, так и у людей), а тем, что культура, проходя через горнило антропогенных кризисов, умножала и совершенствовала процедуры сублимации и виртуализации агрессии [Назаретян 2009].

При изучении психологического аспекта этой общеисторической тенденции уместно различать понятия *угроза* и *опасность*. Угрозой в психологии называется фактор, способный нанести ущерб интересам субъекта (включая его физическое

состояние). Опасность же – величина, характеризующая отношение угрозы к готовности субъекта ей противостоять. Например, на улице, в транспорте, на производстве и в общественных местах угроз для человека значительно больше, чем в собственной квартире. Между тем несчастные случаи, травмы и убийства чаще происходят в домашних условиях. Выходя из дома и сознавая наличие угроз, взрослый человек мобилизован, сосредоточен и внимателен. Вернувшись домой и ошибочно оценивая сравнительно невеликие угрозы пребывания в квартире (в одиночестве, среди домочадцев или приятелей) как нулевые, он расслабляется и тем самым повышает реальную опасность неприятных событий для себя и своих детей.

Новые технологии обычно несли с собой прямую или косвенную угрозу для общества и в перспективе оборачивались катастрофическими эффектами. Но катастрофическая опасность сохранялась до тех пор, пока не происходила культурно-психологическая *притирка (fitting)*, состоящая в том, что технологии «укрошались» адекватными психологическими установками. По завершении адаптационной фазы в общественном сознании вырабатывалась соразмерная оценка угрозы. Нормы деятельности приходили в соответствие с возросшим инструментальным потенциалом через механизмы *последпроизвольного поведения* (термин Л. И. Божович), ментальные программы которого в «снятом» виде содержат опыт адекватного разрешения прежних мотивационных конфликтов и актуально реализуются как безальтернативные.

Таким образом, *прогресс* трактуется в синергетической модели не как цель или движение к цели, а как *средство сохранения неравновесной системы в фазах неустойчивости*. Последовательность конструктивных ответов на эндо-экзогенные кризисы (перемежающихся с преобладающими деструкциями и катастрофами) выстраивается *a posteriori* в цепь восходящего развития по определенным векторам. Более того, как показали специальные расчеты, на протяжении миллиардов лет временные дистанции между глобальными фазовыми переходами сокращались в соответствии с простой логарифмической формулой [Snooks 1996; Панов 2007; 2008], что является сильным доказательством преемственности в эволюции биосферы и антропосферы.

Люди, последовательно освобождаясь от естественных тормозов и все глубже вторгаясь в природные процессы, до сих пор не уничтожили друг друга и не разрушили среду обитания благодаря способности адаптировать культуру саморегуляции к возрастающей мощи инструментального интеллекта. Это обстоятельство само по себе не гарантирует отсутствие глобальных катастроф в будущем, но изучение исторического опыта преодоления кризисов повышает шансы на конструктивное решение современных проблем.

Археологические данные, изложенные в статье А. М. Буровского, демонстрируют эйфорию вседозволенности и прочую предкризисную симптоматику, характерную для охотников верхнего палеолита. А переход от апополитейного палеолита к неолиту – образцовый сценарий комплексных трансформаций, ставших ответом на масштабный антропогенный кризис. Последовавшее за гибелью мегафауны прогрессивное развитие событий косвенно доказывает, что решающим фактором катастрофы была именно человеческая деятельность.

Я думаю, позиция, представленная Буровским, не только более правдоподобна, чем «климатическая» гипотеза. Она, кроме того, предпочтительна как в нрав-

ственном, так и в прагматическом плане, поскольку способствует пониманию людьми глобальной ответственности за свои действия.

В XX в. человечеству удалось избежать самых худших сценариев ядерной войны и экологической катастрофы, связанной с массированными испытаниями оружия и т. д. По некоторым оценкам, если бы деятельность человечества оставалась такой же «экологически грязной», какой она была в 1950-е гг., то в 1990-х гг. жизнь на планете стала бы невыносимой [Ефремов 2004]. За несколько десятилетий осознание угроз существенно преобразовало мировоззрение и систему ценностей, снизив тем самым опасность «классического» оружия типа межконтинентальных ракет и ядерных боеголовок. Правда, избежать большой войны удалось ценой перевода глобальных противоречий в русло локальных конфликтов, в которых, по нашим расчетам, погибло до 50 млн человек (холодная (!) война).

С небывалым ускорением процессов технологии становятся более изощренными, грань между мирными и военными технологиями размывается, а наиболее грозные средства разрушения становятся дешевле и доступнее, выскальзывая из-под контроля вменяемых государственных организаций и правительств. Снижение внутренней устойчивости выражается ее растущей зависимостью от локальных событий и деятельности индивидов, не обремененных опытом системного анализа последствий и грузом социальной ответственности. Как отметил на стыке тысячелетий американский ученый и программист Б. Джой [Joy 2000], век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения*.

В этих условиях упования на «предельную устойчивость биосферы» (В. Б. Сапунов) ослабляют понимание угрозы и тем повышают опасность антропогенной катастрофы (см. выше о понятиях «угроза» и «опасность»). Дело ведь не только в том, способна ли в принципе человеческая деятельность разрушить биоту до основания, но и в том, останется ли последняя «человекомерной». Вспоминается предупреждение Н. Н. Моисеева: освобождаясь от чрезмерной нагрузки, биосфера может перейти к новому устойчивому состоянию, в котором места для человека не останется...

### *Литература*

Алаев Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 87–112.

Аникович М. В. Восточно-европейские охотники на мамонтов как особый культурно-исторический феномен // SETI: прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. Тезисы конференции. М. : АЦ ФИАН, 1999. С. 6–9.

Арский Ю. М., Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Кондратьев К. Я., Котляков В. М., Лосев К. С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М. : МНЭПУ, 1997.

Бауэр Э. С. Теоретическая биология. М. : ВИЭМ, 1935.

Бибииков С. И. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита // Советская археология. 1959. № 4. С. 5–24.

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Психологическое исследование. М. : Просвещение, 1968.

Буровский А. М. Первая антропогенная перестройка биосферы // Биосфера. 2010. Т. 2. № 1. С. 29–45.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1987.

Вонг К. Закат неандертальцев // В мире науки. 2009. № 10. С. 16–22.

Голицын Г. С., Гинзбург А. С. Атмосферные последствия ядерной катастрофы // Кибернетика, ноосфера и проблемы мира / под ред. В. Д. Пекелиса. М. : Наука, 1986. С. 78–93.

Григорьев А. А. Экологические уроки прошлого и современности. Л. : Наука, 1991.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

Ефремов К. Путешествие по кризисам // Лицейское и гимназическое образование. 2004. № 3. С. 5–6, 68–70.

Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997.

Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: сб. науч. тр. Вып. 1 / под ред. А. В. Коротаева, В. В. Чубарова. М. : ИИ АН СССР, 1991. С. 136–191.

Лалаянц И. Э. Шестой день творения // Мироздание и человек. М. : Политиздат, 1990. С. 243–347.

Липец Ю. Г. Глобальные проблемы: географическая панорама 2002 г. // Глобальные проблемы: географическая панорама 2002. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 8(20). М. : ИМЭМО, ИМ, 2002. С. 4–19.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. 2-е изд. М. : Мир, 2004.

Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. 2-е изд. М. : ЛКИ, 2008.

Назаретян А. П. Виртуализация насилия: знамение эпохи? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 2. С. 150–170.

Назаретян А. П. Заметки о человеческой истории, о «соловьях палеолита» и о «совести питекантропов» // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 1. С. 119–139.

Панов А. Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 25–48.

Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М. : ЛКИ, 2007.

Сапунов В. Б. Рецензия на статью А. М. Буровского «Первая антропогенная перестройка биосферы» // Биосфера. 2010. Т. 2. № 1. С. 182.

Стихийные бедствия: изучение и методы борьбы / под ред. Г. Уайта. М. : Прогресс, 1978.

Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991.

Федоренко Н. П., Реймерс Н. Ф. Стратегия экоразвития. Взаимодействие общества и природы как глобальная проблема современности: тезисы теоретической конференции. М.; Обнинск : ВНИИСИ, 1981. С. 32–43.

- Чайлд Г. В. Прогресс и археология. М. : Гос. изд-во ин. лит-ры, 1949.
- Шевкаленко В. Л. Диалектика геологического развития Земли. Хабаровск : ДНАН, 1992.
- Шевкаленко В. Л. Разум как геологическое явление. Хабаровск : ПГО, 1996.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993.
- Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физика? М. : Атомиздат, 1972.
- Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М. : Изд-во ин. лит-ры, 1959.
- Chaisson E. J. Cosmic Evolution: the Rise of Complexity in Nature. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2001.
- Christian D. Maps of Time: an Introduction to Big History. Berkeley, CA : University of California Press, 2004.
- Crawford M., March D. The Driving Force: Food in Evolution and the Future. London : Mandarin, 1989.
- Diamond J. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. New York, London : W.W. Norton & Company, 1999.
- Gill J. L., Williams J. W., Jackson S. T., Lininger K. B., Robinson G. S. Pleistocene Megafaunal Collapse, Novel Plant Communities, and Enhanced Fire Regimes in North America // Science. 2009. Vol. 26. November 20. Pp. 1100–1103.
- Joy B. Why the Future doesn't Need Us // Wired. 2000. April.
- McNeill W. H. Control and Catastrophe in Human Affairs // The Global Condition: Conquerors, Catastrophes and Community. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1992. Pp. 133–149.
- Murphy M. P., O'Neill L. A. J. What is Life? The Next Fifty Years. An Introduction // What is Life? The Next Fifty Years. Speculations on the Future of Biology. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. Pp. 1–4.
- Nazaretyan A. P. Fear of the Dead as a Factor in Social Self-organization // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2005. Vol. 35. No. 2. Pp. 155–169.
- Prideaux G. J., Long J. A., Ayliffe L. K., Hellstrom J. C., Pillans B., Boles W. E., Hutchinson M. N., Roberts R. G., Cupper M. L., Arnold Lee J., Devine P. D., Warburton N. M. An Arid-adapted Middle Pleistocene Vertebrate Fauna from South-central Australia // Nature. 2007. Vol. 445. Pp. 422–445.
- Raup D. M. Extinction. Bad Genes or Bad Luck? Oxford, etc. : Oxford University Press, 1993.
- Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. 1, 2. Frankfurt a/M. : Edition Suhrkamp, 1983.
- Snooks G. D. The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change. London; New York : Routledge, 1996.
- Vartanian S. R., Arslanov Kh. A., Tertychnaia T. V., Chernov S. B. Radiocarbon Dating Evidence for Mammoths on Wrangell Island, Arctic Ocean, until 2000 BC // Radiocarbon. 1995. Vol. 37. No. 1. Pp. 1–6.

---

## НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Гобозов И. А.\*

*Статья посвящена актуальным проблемам глобализации и неолиберализма. Автор подчеркивает, что либеральные теории сыграли важную роль в истории человечества. Они обосновали необходимость капиталистического способа производства, его прогрессивный характер в движении общества по восходящей линии. Но в настоящее время они являются идеологической базой глобализации, тормозящей развитие человечества и создающей угрозу его существованию.*

**Ключевые слова:** либерализм, неолиберализм, глобализация, капитализм, прогресс, регресс, необходимость, рационализм, иррационализм, деинтеллектуализация, унификация, стандартизация.

*The article is devoted to the topical problems of globalization and neoliberalism. The author stresses that the liberal theories played an important role in the history of mankind. They justified the need of the capitalist mode of production, its progressive nature in society movement on the uplink. But nowadays these theories are the ideological basis of globalization, hindering the development of mankind and creating a threat to its existence.*

**Keywords:** liberalism, neoliberalism, globalization, capitalism, progress, regress, necessity, rationality, irrationality, deintellectualization, unification, standardization.

Противники и сторонники либерализма неверно интерпретируют данное сложное и важнейшее понятие в общественном сознании. Противники его все беды современного социального мира приписывают либеральным взглядам на общество, а сторонники интерпретируют либерализм как единственно возможный путь социального прогресса. Обе точки зрения нарушают важнейший принцип диалектики – принцип историзма. Он предполагает рассмотрение любого явления, любой идеи в становлении и развитии.

### Либерализм – прогресс общества

Идеи либерализма возникли уже в эпоху позднего Возрождения, когда происходило становление буржуазного способа производства. Ф. Энгельс писал, что «это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или ме-

---

\* Гобозов Иван Аршакович – д. ф. н., профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАЕН.

нее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений» [Энгельс 1950: 4].

В новое время восходящая буржуазия нуждалась в свободе действий в рамках юридических норм и законов. Ее идеологи выдвинули теорию естественного права, согласно которой все люди от рождения имеют одинаковые права на обладание теми или иными предметами и вещами. Это была по своей сути революционная теория, если вспомнить, что феодальная аристократия считала, что она от природы превосходит всех остальных людей.

Вольтер замечает, что вопрос о свободе – довольно простой, но тем не менее люди постоянно спорят о нем, в результате все запутались. Сам французский философ определяет свободу так: «Свобода – это исключительная возможность действовать» [Вольтер 1988: 258].

Соотечественник Вольтера П. А. Гольбах немало страниц посвятил проблемам свободы. «Любовь к свободе, – пишет французский мыслитель, – самая сильная из страстей человека; она вызвана его стремлением к самосохранению и беспрепятственному использованию личных способностей для того, чтобы сделать свою жизнь счастливой» [Гольбах 1963, т. 2: 337]. Стремление к свободе Гольбах объясняет природными факторами. Природа пожелала, чтобы любовь к свободе люди носили в своих сердцах, и никакое насилие, никакое невежество и религиозные предрассудки не могут уничтожить чувство свободы.

Но человек во всех случаях, в том числе в стремлении к свободе, должен руководствоваться только разумом, благодаря которому любовь к свободе приводит к добродетели. Кроме того, человек должен подчиняться установленным в обществе законам. Он должен понимать, что свобода имеет свои границы и их нельзя нарушать, чтобы не ущемлять свободу других. Поэтому «свобода – это возможность делать ради своего счастья все, что не вредит счастью других членов общества» [Там же, т. 1: 173]. А мерилom «свободы членов общества должно быть благо общества в целом» [Там же, т. 2: 339].

Великая французская буржуазная революция XVIII в. совершилась под лозунгом *Liberté, fraternité, égalité* («Свобода, равенство, братство»). Феодализм сковывал личную инициативу человека. Последний был закабален государством, которое не давало ему развиваться, быть деятельным социальным существом. Поэтому К. Маркс с полным основанием подчеркивал, что «буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия повсюду, где достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли» [Маркс, Энгельс 1955: 426].

Руководствуясь либеральными идеями, буржуазия коренным образом изменила социальный статус работников умственного труда, она просто-напросто

превратила их в наемных работников. Она провела качественные изменения в семейных отношениях: брак по расчету стал общим правилом для всех людей.

При капитализме постоянно совершенствуются производительные силы, благодаря которым правящий класс, то есть буржуазия, смог получать баснословные доходы. В считанные десятилетия буржуазия «создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения» [Маркс, Энгельс 1955: 429]. Она создала всемирный рынок и тем самым резко расширила границы экономического пространства.

Таким образом, с конца XVI и до конца XIX в. буржуазный способ производства стремительно развивался, и надо признать, что за эти триста с небольшим лет в социальном мире произошли такие огромные изменения, которые нельзя не оценить исключительно позитивно. И здесь решающую роль играли либеральные идеи, освободившие человека от феодальных оков.

### Неолиберализм – регресс общества

В конце XIX в. капитализм оказался в точке бифуркации, и с тех пор он переживает глубокий системный кризис. Этот кризис привел ко многим локальным конфликтам и двум мировым войнам, принесшим всему человечеству неисчислимы бедствия.

После окончания Второй мировой войны, решающую роль в которой в победе над фашизмом сыграл Советский Союз, возникло два полюса социального мира. Во главе одного полюса находился СССР со своими союзниками, а другого полюса – США также со своими союзниками. В самостоятельный блок входили развивающиеся страны. Интересы этих двух полюсов, естественно, не совпадали, но у них была общая цель – недопущение третьей мировой войны.

Все государства сотрудничали между собой, но защищали в первую очередь свои национальные интересы во всех сферах общественной жизни. В экономической сфере каждое государство развивало свою экономику, в политической – на первом месте была защита территориальной целостности и сохранение национального суверенитета. В духовной сфере большое внимание уделялось развитию национальной культуры.

Известно, что Запад всегда враждебно относился к дореволюционной России<sup>1</sup>. Он продолжал так же враждебно относиться и к Советскому Союзу, но был вынужден с ним считаться как со сверхдержавой. Поэтому Запад стремился найти внутри страны руководителей прозападной ориентации [см.: Бешлосс, Тэлботт 2012]. И такие руководители появились с приходом к власти М. С. Горбачева. Началась так называемая перестройка, приведшая к развалу великой державы.

Мечта Запада сбылась. Глобализация началась после **умышленного развала Советского Союза**. Подчеркиваю – умышленного, потому что не было никаких **объективных причин** исчезновения супердержавы с исторической сцены. Темпы роста экономики Советского Союза были гораздо выше, чем темпы роста экономики западных стран, включая США. Постоянно повышался уровень жизни советских людей, фонды общественного потребления давали возможность каждому гражданину пользоваться всеми социальными благами: всем предоставлялись

---

<sup>1</sup> Очень интересную книгу «Россия и Европа» написал об этом выдающийся русский мыслитель XIX в. Н. Я. Данилевский.

бесплатное образование, медицина, жилье и другие социальные льготы. Не было и **субъективных причин**, которые могли привести к распаду СССР. Все народы Советского Союза пользовались одинаковыми политическими и иными правами. В высших органах власти были представлены все народы многонационального государства. Так, в Совете Национальностей от каждой союзной республики независимо от численности ее населения были представлены 25 депутатов, от автономной республики – 11, автономной области – 5, автономного округа – 1. Само собой разумеется, что все союзные и автономные республики, автономные области и национальные округа в рамках своих полномочий действовали самостоятельно. И вообще надо сказать, что благодаря советской власти все народы Советского Союза вышли на уровень мировых культурных ценностей.

Но было бы абсурдным утверждать, что в советском обществе не было никаких проблем и вообще все шло гладко и, как говорится, прекрасно. Конечно, проблем экономического, политического, этнического, культурного характера и т. д. было достаточно много. Однако их можно было разрешить без особых трудностей.

**Началась глобализация.** Она была насильственно навязана после умышленного развала Советского Союза Западом во главе с Соединенными Штатами Америки всему остальному миру. Американский исследователь Н. Хомский отмечает: «Глобализация – это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок и прочих соглашений, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций» [Хомский 2002: 19]. А вот что пишет его английский коллега З. Бауман: «...концепция “глобализация” была создана для того, чтобы заменить прежнюю концепцию “универсализации”, когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью, подразумевающимися ею. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей, сидящих за пультом управления, занимающихся планированием и тем более принимающих на себя ответственность за конечные результаты. Без большого преувеличения можно сказать, что это понятие отражает беспорядочный характер процессов, происходящих на уровне, оторванном от той в “основном скоординированной” территории, которая управляется законной “высшей властью”, то есть от суверенных государств» [Бауман 2002: 43]. По существу, от национальных государств ничего не зависит.

Таким образом, объективная интернационализация, которая исходит из единства и многообразия исторического процесса, была заменена субъективной глобализацией<sup>2</sup>, исчез биполярный мир и вместо него появился однополярный мир во главе с США. Коренным образом изменилось экономическое, политическое, правовое и духовное пространство социального мира. Запад навязывает всему остальному миру свою модель развития общества, транснациональные корпорации (ТНК) размывают национальные границы, экономики слаборазвитых стран топчутся на месте, игнорируется суверенитет национальных государств, им пред-

<sup>2</sup> Более подробно об этом см.: Гобзов 2012.

писываются определенные правила поведения, и в случае сопротивления этим правилам их руководители объявляются диктаторами, заслуживающими сурового наказания, в том числе смертной казни.

В отечественной литературе обычно утверждается, что истоки глобализации якобы уходят в далекое прошлое. Авторы такого рода утверждений путают интернационализацию с глобализацией. Под глобализацией они понимают сотрудничество разных государств и народов. Конечно, народы во все времена сотрудничали между собой. Но это не есть глобализация, это **интернационализация**.

Как уже отмечалось выше, глобализация началась после развала СССР. Теоретически она была обоснована неолиберализмом, главными представителями которого являются М. Фридмен и Ф. Хайек. Они выступают за резкое сокращение функций государства. Они считают, что рынок решит все проблемы, стоящие перед обществом, и никакого государственного регулирования экономики не требуется. Государство также не должно вмешиваться в духовную и социальную сферы жизни людей. Все нужно приватизировать, все нужно передать в частные руки. Образование, медицина, наука, культура и другие области общественной жизни должны находиться в частных руках. Везде рынок решит все проблемы. Задача государства заключается лишь в том, чтобы контролировать соблюдение общих правил поведения людей и защищать права личности. При этом неолиберальное понимание свободы не означает произвола. Свободы заслуживает лишь тот, кто действует в рамках общепринятых законов и кто чувствует свою ответственность. Иначе говоря, за государством сохраняются одни лишь полицейские функции. «От регулярных вооруженных сил и полиции любой страны требуется ограждать членов общества от принуждения и насилия, исходящего как извне, так и внутри общества» [Фридмен 2003: 58].

Свою лепту в оправдание неолиберализма внес и американский социолог Ф. Фукуяма. После уничтожения Советского Союза он разразился статьей «Конец истории?», в которой «похоронил» марксизм и заявил, что либерализм стал теперь единственной господствующей социальной теорией, способной разрешить все противоречия современной эпохи. Причем К. Марксу он приписывает идею конца истории. Маркс якобы полагал, «что историческое развитие, определяемое взаимодействием материальных сил, имеет целенаправленный характер и закончится, лишь достигнув коммунистической утопии, которая и разрешит все противоречия» [Фукуяма 1995: 291]. Во-первых, реалии жизни свидетельствуют, что либерализм не в состоянии решить накопившиеся в современном мире противоречия. Если либерализм представляет собой эффективный механизм преодоления трудностей, то почему большая часть человечества влачит жалкое существование? Причем происходит не только относительное, но и абсолютное обнищание большинства населения мира. История вообще не имеет конца в социальном смысле слова, то есть нельзя сказать, что вот это конечная остановка истории, а дальше ехать запрещено. Исторический процесс – это бесконечный процесс-континуум. Во-вторых, Фукуяма либо не понял Маркса, либо извращает его, так как тот никогда не писал о конце истории. Маркс утверждал, что «буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества

производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [Маркс 1959: 7–8]. С точки зрения Маркса, коммунизм есть не конец истории, а ее подлинное начало, потому что история до наступления коммунизма есть предыстория общества, в котором человек не мог раскрыть все свои физические и духовные потенции. Поэтому только с коммунизма начинается подлинная история человечества и соответственно человека.

Неолиберальные теории игнорируют национальные традиции разных народов и цивилизаций. Западные и восточные традиции отличаются друг от друга. На Востоке, например, государство всегда играло важную роль во всей жизни общества. В восточных странах, в том числе в России, больше верят не правовым законам и нормам, а правителям, выступающим от имени государства. Неолибералы также абстрагируются от современной западной реальной действительности. Во всех западных странах правительства не выступают в роли пассивных наблюдателей за всем тем, что происходит в обществе. Они, когда надо, вмешиваются не только в экономическую жизнь, но и в духовную, и в социальную. Это особенно наглядно проявляется в эпоху глобализации. Кроме того, мы живем в условиях техногенной цивилизации, чреватой различного рода катастрофами. И в это время требуется мобилизация всех ресурсов и сил, что подвластно только государству. Поэтому роль государства нужно усиливать, а не ослаблять.

Здесь нельзя не отметить, что после Первой мировой войны, принесшей человечеству невиданные жертвы и неисчислимые бедствия, резко возросла роль государства в подъеме национальной экономики, защите национальных культурных ценностей и в формировании патриотизма. Вплоть до глобализации роль государства в национальной жизни не ставилась под сомнение. Теперь государство сняло с себя обязанности заботиться о человеке, о его здоровье, безопасности, образовании, жилье и т. д. и т. п. Сегодня процветает культ индивида, а не коллектива или общества. Во время «арабских революций» их участники требовали смещения руководителей государств, но они, видимо, не имели представления о том, что дело не в руководителях, а в глобализации, лишившей их страны независимости и суверенитета. В мире появились такие правила игры, которые могут изменить только те, кто их устанавливал, то есть развитые государства. Нетрудно догадаться, что они на это никогда не пойдут.

Следует подчеркнуть, что глобализация привела к сильным изменениям в психологии людей. В массе своей они стали безразличны к тому, что происходит в обществе, снизился интерес к общим делам. Они превращаются в безликие существа, интересующиеся лишь собственными проблемами. Этому способствует и политика современного государства, абсолютизирующего права отдельного человека и игнорирующего общие проблемы граждан. Иначе говоря, в современном мире часть (индивид) победила целое (общество).

Нельзя не отметить и то, что, как пишет З. Бауман, у людей пропал интерес к большой политике, то есть к политическим партиям и движениям, они даже не интересуются программами политических партий, их предвыборными проектами. Этим, между прочим, умело пользуются современные политики, обещающие электорату золотые горы. Электорат, превратившись в толпу, голосует за тех, кто больше обещает.

В эпоху *интернационализации*, несмотря на рост интеграционных процессов, на интенсивные контакты между государствами и народами, несмотря на войны и конфликты, принципы национального суверенитета признавались всеми государствами. И если какое-либо государство вмешивалось во внутренние дела другого государства, то оно осуждалось всем международным сообществом. Здесь особенно велика была роль бывшего Советского Союза, всегда выступавшего в защиту тех, кто отстаивал свой национальный суверенитет. Кроме того, в эпоху интернационализации главное внимание уделялось развитию национальных экономик, национальных культур, национальной политики и т. д., что не мешало взаимному сотрудничеству и обмену материальными и духовными ценностями. Нельзя не заметить и то, что в эпоху интернационализации ценностные ориентации людей не сводились лишь к деньгам и развлечениям. Люди понимали, где позитив, а где негатив. Правда, нужно сказать, что это происходило под мощным влиянием СССР, где на первое место ставили не деньги и развлечения, а труд, уважение к человеку труда, к таланту, где высоко ценили героизм, самоотверженность, патриотизм, романтику и другие великие ценности, где осуждались не только юридически, но и морально бандитизм, наркомания, хамство, грубость и прочий негатив.

В отличие от интернационализма глобализация унифицирует, стандартизирует и примитивизирует социальный мир.

Глобализация формирует рыночное человечество, в котором господствует гоббсовский принцип «война всех против всех». Глобализация – это индивидуализм, а не коллективизм. Она привела к появлению наднациональных экономических, финансовых, политических, юридических и иных структур, предписывающих всем народам и государствам правила поведения и даже образ жизни. Глобализация – это своего рода «плавильная печь», куда брошено более семи миллиардов населения земного шара. Из этих семи миллиардов людей только «золотой миллиард» более или менее удовлетворяет свои общественно необходимые потребности.

Глобализация *деинтеллектуализирует* людей. Не требует доказательств, что интеллектуальное развитие общества связано с **Разумом, Рационализмом**. История европейской теоретической мысли свидетельствует о том, что наука и философия добиваются больших успехов лишь тогда, когда они руководствуются рационалистическими формами познания. И как пишет Ф. Х. Кессиди, «деление философии на рационализм и иррационализм – не случайность и не “каприз” философов. Истоки этого деления имеют метафизический (онтологический) характер; они коренятся в самом фундаменте бытия, который представляет собой единство логического и алогичного, сознательного (идеального) и бессознательного (материального).

На высших уровнях действительности – в человеческом обществе – противоположности рационального и иррационального имеют своей корреляцией (соотношением, взаимосвязью) должное и сущее, идеал и действительность. Рационалистическое познание (особенно наука) ориентировано на сущее, на действительность. Иррационализм же (особенно в его романтическом варианте) – преимущественно на должное. Отсюда приоритет, отдаваемый рационалистами познанию бытия, а иррационалистами – постижению этических, эстетических и подобных проблем» [Кессиди 2003: 79–80].

Античная философия – это рационалистическая философия. Именно на базе рационализма формируются научные теории. Вот что писал по этому поводу М. Вебер: «Только на Западе существует наука на той стадии развития, “значимость” которой мы признаем в настоящее время. Эмпирические знания, размышления о проблемах жизни и мироздания, философская, а также глубоко теологическая мудрость жизни, познание и наблюдения поразительной тонкости – все это существовало и в других странах, прежде всего в Индии, Китае, Вавилоне и Египте... Однако ни вавилонская, ни какая-либо иная культура не знали математического обоснования астрономии, его дали лишь эллины... В индийской геометрии отсутствовало рациональное “доказательство” – оно также является продуктом эллинского духа, как, впрочем, и механика, и физика. Естественным наукам Индии, чрезвычайно развитым с точки зрения эмпирического знания, не известны ни рациональный эксперимент (начатки его относятся к античности, а полное развитие – к эпохе Возрождения), ни современные лаборатории, поэтому в высокоразвитой по своим эмпирическим наблюдениям и техническим методам медицине Индии отсутствует биологическая, и прежде всего биохимическая, основа. Ни одна культура, кроме западной, не знает рациональной химии. Высокоразвитая китайская историография лишена прагматизма, укоренившегося на Западе со времен Фукидида. У Макиавелли есть предшественники в Индии. Однако ни в одном учении о государстве, возникшем в странах Азии, нет ни систематики, подобной Аристотелевой, ни рациональных понятий вообще. Несмотря на все то, что сделано в области права в Индии (школа мимансы), несмотря на ряд обширных кодификаций, созданных преимущественно в Передней Азии, и на появившиеся в Индии и других странах сборники обычного права, здесь нет того, что позволило бы говорить о рациональной теории права, нет строго юридических схем и форм юридического мышления, присущих римскому и сложившемуся на его основе западному праву. Феномен, подобный каноническому праву, – также порождение Запада» [Вебер 1990: 44–45].

В конце XIX в. на философскую сцену врывается иррационализм, яркими представителями которого были Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель, А. Бергсон. Наиболее известной фигурой является Ницше – крайний нигилист и иррационалист, о котором Н. К. Михайловский писал, что ему «претит все, в чем он усматривает преобладание “разумности”» [Михайловский 1995: 390]. Вот что пишет Ф. Ницше о своем соотечественнике и великом рационалисте Г. В. Ф. Гегеле: «Я думаю, что в истории немецкой образованности за последнее столетие мы не найдем ни одного опасного колебания или уклонения, которое не стало еще опаснее благодаря громадному и продолжающемуся до настоящей минуты влиянию этой философии, именно гегелевской. Поистине парализует и удручает вера в то, что ты последыш времен, но ужасной и разрушительной представляется эта вера, когда в один прекрасный день она путем дерзкого поворота мыслей начинает обоготворять этого последыша как истинную цель и смысл всего предшествовавшего развития, а в ученом убожестве его видит завершение всемирной истории. Такой способ мышления приучил немцев говорить о “мировом процессе” и оправдывать свою эпоху как необходимый результат всемирного процесса; эта точка зрения поставила историю на место других духовных сил, искусства и религии, как единственную верховную силу, поскольку она является “реализующим самое себя понятием”, “диалектикой духа народов” и “мировым судом» [Ницше 1990: 209–210].

В настоящее время со всех сторон идут атаки на классический рационализм, на возможности Разума познать объективную действительность, на науку. И здесь особая «заслуга» принадлежит **постмодернизму**. «Первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодернизма» [Бек 2001: 21].

Усиление иррационализма в современном обществе сопровождается **деинтеллектуализацией** общества в целом. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно молодежь, не желают заниматься интенсивной умственной деятельностью. Многие школьники не знают таблицу умножения и ничего плохого в этом не видят. Крайне редко стали обращаться к классикам мировой литературы. Прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются.

Факты истории свидетельствуют о том, что великие достижения науки и культуры связаны с именами великих **интеллектуалов**, оставивших после себя огромное духовное наследие, которое было изучено и освоено последующими поколениями. Возьмем, например, философию. Платон, Аристотель, Декарт, Локк, Кант, Гегель, Маркс – интеллектуалы планетарного масштаба, их духовное наследие служило и служит до сих пор для многих поколений своего рода парадигмой для дальнейших философских исследований. Сегодня нет ни одного философа, чьим учением могли бы вдохновляться молодые исследователи. Поэтому сегодня о философии как любви к мудрости не приходится говорить. Кстати, в классической философии легко можно определить вклад того или иного ученого в мировую философию. И можно наблюдать приращение философских знаний, в целом философский прогресс, чего нельзя сказать о современной философии. Постмодернизм, например, есть шаг назад, а не вперед. Его негативное отношение к классической философии, классическим философским категориям, Разуму, его бессмысленные дискурсы никакого приращения знаний не дают. То, что он предлагает, можно воспроизводить сколько угодно раз, и нет движения вперед. И его виднейшие представители – Ж. Делёз, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр и другие – не внесли в философию никакого вклада. Их учение не может быть парадигмой для последующих философских изысканий.

Не лучше обстоят дела и в других гуманитарных дисциплинах. Например, в исторической науке нет ни одного историка калибра Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Тацита, Гизо, Ключевского, Февра, Броделя, написавших фундаментальные труды по европейской истории.

Многие сторонники глобализации ратуют за создание мирового правительства. Однако понятие мирового правительства есть абстракция и не более того. Это пустая абстракция, лишенная всякого смысла. О таких писал еще Гегель: «Возможно, что сегодня вечером упадет луна на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан делается папой, ибо он человек и может как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д. В этих разговорах о возможности преимущественно используется закон достаточного основания, применяемый вышеуказанным нами способом, – утверждают: возможно то, в пользу чего можно найти основание. Чем необразованнее человек, тем менее известны ему определенные отношения предметов,

которые он намерен рассматривать, тем больше он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных» [Гегель 1974: 316].

Никакое мировое правительство невозможно в условиях глобализации, предполагающей острейшую конкуренцию за рынки сбыта. И если бы даже было сформировано такое правительство, оно никогда не защищало бы интересы всех народов и государств. Оно было бы правительством самых богатых стран.

**Подведем некоторые итоги.** Либерализм подготовил идеологическую почву для капиталистического способа производства, являющегося необходимым звеном в длинной цепи развития человечества. Как неоднократно отмечали Маркс и Энгельс, буржуазия совершила качественный скачок в развитии человеческого общества, и этого никто не может отрицать. Но со временем она из революционного класса превращается в реакционный класс, особенно в эпоху глобализации. А либерализм, в свою очередь, из передовой теории превращается в реакционную теорию и тем самым тормозит прогресс социального мира. Более того, если глобализация, идеологией которой является неолиберализм, будет продолжаться длительное время, **то нельзя исключить апокалипсис.**

Есть ли выход из нынешнего крайне критического положения? Есть. Надо отказать от насильственной (субъективной) глобализации и вернуться к интернационализации, то есть к объективной логике истории. Теоретически это вполне возможно. Воспользуемся в этой связи философскими категориями «возможность» и «действительность». Категория возможности предполагает переход из одного состояния в другое, а категория действительности отражает совершившийся факт перехода. Мир социальный, как в целом вообще мир, детерминирован. Это значит, что все феномены и процессы причинно обусловлены. Поэтому возможен переход того или иного социального феномена от одного состояния к другому. Эта возможность подготавливается постепенно, путем количественных накоплений. Так, возможность перехода от одной стадии развития общества к другой – длительный процесс. Во всех сферах общественной жизни происходят изменения, трансформации, преобразования, и все это в конечном итоге приводит к тому, что совершается качественный скачок к другой стадии общественного развития. Возможность превращается в действительность.

При этом следует различать абстрактную и конкретную возможность. Абстрактно можно рассуждать о чем угодно, а конкретная возможность зависит от конкретных исторических условий. Как писал Г. В. Ф. Гегель, «возможно ли нечто или невозможно, это зависит от содержания, то есть от тотальности моментов действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя как необходимость» [Гегель 1974: 317]. Возможность – это потенциальная действительность. А действительность – реализованная возможность. И если бы не было возможности, то не было бы и действительности.

Возможность и действительность, как и все философские категории, отражают объективный мир, частью которого является социальный мир, возникший на определенном этапе эволюции природы. Социальный мир – это общество, в котором живут и действуют разумные существа, то есть люди. Из их многообразной деятельности образуется вся история человечества.

Исторический процесс – это единство объективного и субъективного. Объективное – имманентная логика развития общества. Субъективное – деятельность

людей. Примат принадлежит объективному. Нельзя игнорировать естественно-историческое развитие человечества, нельзя нарушать объективные законы общества. Но абсолютизация объективного приводит к фатализму, а абсолютизация субъективного – к волюнтаризму. Объективное и субъективное диалектически взаимосвязаны. Эту взаимосвязь гениально раскрыл К. Маркс: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [Маркс 1957: 119].

Раз люди сами делают свою историю, то они могут ее корректировать в ходе этого делания. И это происходит ежедневно, если не ежеминутно. В целях улучшения своей жизни люди совершают революции, проводят экономические, политические, культурные и иные реформы. Исторический процесс объективен, но не фатален. Поэтому вполне возможна деглобализация. Для этого требуется лишь политическая воля правящих классов всех государств мира. Необходимо защищать не свои эгоистические интересы, а интересы всего человечества. Это означает возврат к естественной, то есть объективной, логике развития общества. Либо деглобализация, либо апокалипсис. **У человечества другой альтернативы нет.**

### *Литература*

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
- Бешлосс М., Тэлботт С. Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачёва с американцами. М., 2012.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974.
- Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность. Глобализация или интернационализация? М., 2012.
- Гольбах П. А. Избр. произв.: в 2 т. М., 1963.
- Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб., 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 419–459.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1957. С. 115–217.
- Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 1–167.
- Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995.
- Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990.
- Фридмен М. Могучая рука рынка / М. Фридмен, Ф. Хайек // О свободе. М., 2003.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории: Антология. М., 1995.
- Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1950.

---

---

# ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

---

---

## РАЗВИТИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И СТРАНАМИ РЕГИОНА МЕТОДОМ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Састрохандой В.\*

*В статье анализируется региональная политическая ситуация в Юго-Восточной Азии. Автор на примере взаимоотношений Индонезии и Китая рассматривает различные варианты достижения мира и установления стабильных, взаимовыгодных отношений между странами данного региона. Особое внимание уделяется политике «мягкой силы», которая, по мнению автора, должна стать основным инструментом решения проблем в условиях глобализации и всеобщей взаимозависимости.*

**Ключевые слова:** регион, политика, Южно-Китайское море, партнерские отношения, Индонезия, Китай, «мягкая сила».

*The article analyzes the regional political situation in South-East Asia and, in particular, the relationship between Indonesia and China. The author considers various options to achieve peace and establish stable and mutually beneficial relations between the countries of this region. Special attention is paid to the policy of soft power, which, in the opinion of the author, should become the main tool for solving problems in the context of globalization and global interdependence.*

**Keywords:** region, politics, South China sea, partnerships, Indonesia, China, soft power.

В Восточной Азии рождается новый вид межгосударственных отношений «больших» и «маленьких» стран. Две страны, на которых можно наглядно это наблюдать, – усиливающийся Китай и укрепившие власть Соединенные Штаты. Эти две мировые державы должны найти способ согласовать стремления друг друга и урегулировать текущие напряженные отношения. В противном случае может произойти разрушение существующего относительного мира в регионе.

Если конфликт действительно вспыхнет, должны быть приняты безошибочные дипломатические меры урегулирования с обеих сторон; если не урегулировать конфликт или не принять своевременных мер, это может привести к пожару, который охватит малые страны в данном регионе. До недавнего времени недружелюбная риторика с обеих сторон только усиливалась, и разумно прийти к заключению, что Азиатско-Тихоокеанский регион действительно находится в опасности.

---

\* Састрохандой Вирьёно – с. н. с. Центра стратегических и международных исследований (Индонезия), бывший индонезийский посол в Австралии и Франции. E-mail: utusan\_ugm@yahoo.com.

Таким образом, сегодняшняя ситуация вынуждает все региональные страны сотрудничать через диалог и дипломатию, чтобы разработать «дорожную карту» и прийти к соглашению, которое будет гарантировать долгосрочный мир и стабильность в регионе.

Эта региональная ситуация, по крайней мере частично, является результатом новых глобальных факторов, к которым привели два чрезвычайных события. Первым был рост международного терроризма, который достиг своей самой высокой точки при нападении 11 сентября на башни-близнецы Всемирного торгового центра в 2001 г.; вторым – глобальный финансовый и экономический кризис, разрушивший в 1998 г. западные экономические системы и значительно затронувший все остальные.

Эти два события в совокупности вызвали изменение в геополитическом центре тяжести, переместив его с западного мира в Восточную Азию и с глобального Севера на глобальный Юг. Новая международная политическая и экономическая архитектура отражает это изменение: например, G20 вытеснила G8 как главный форум для международного экономического принятия решений. Влияние БРИКС также возросло, так как эта организация является новым звеном в развивающейся экономике стран. Все это происходит вследствие усиливающегося финансового контроля экономик, возможности выявления их собственных природных ресурсов, расширяющейся базы знаний значительной части населения и растущего доверия потребителей. В итоге сегодня мы имеем многополюсный рыночный пейзаж.

В данной ситуации развивающиеся страны находятся в сложном положении. Они не могут быть уверенными, что доступность ресурсов позволит им поддерживать темпы развития в долгосрочном периоде. К таким ресурсам относятся финансирование, продовольствие, сырье и различные виды энергии. Обычно в подобных случаях одна из нуждающихся стран пытается хотя бы частично лишиться другую этих ресурсов в свою пользу. Следовательно, доступ и контроль над ресурсами из Арктического региона, Южно-Китайского или Восточно-Китайского морей продолжают служить камнем преткновения в международных отношениях. При таких обстоятельствах быстрый экономический рост был достигнут странами Восточной Азии, среди которых Китай, Южная Корея, 10 стран АСЕАН и Индия. Япония относится к части региона, но не является региональным лидером, хотя обладает устойчивой развитой экономикой. Данный регион начал менять конъюнктуру современной геополитической стратегии многих стран.

Возрастание экономической силы совпало с ростом военной мощи стран региона. Это изменило взаимоотношения не только между региональными соседями, но и между Западной и Восточной Азией. Подобные глобальные и региональные сдвиги заставляют Индонезию адаптироваться. Раньше главной геополитической стратегией этой страны были свобода и безопасность Малаккского и Сингапурского проливов, так как через них проходит около 40 % глобальной торговли и 25 % торговли энергоресурсами, а Индонезия – это прибрежное государство.

Однако сегодня, с учетом неоднозначной ситуации в мире и новой стратегии США относительно балансировки сил, озабоченность Индонезии по поводу проливов переросла в обеспокоенность относительно всего Южно-Китайского моря и возрастающей конкурентоспособности стран региона Восточно-Китайского моря.

Хотя Индонезия не претендует на острова в Южно-Китайском море, она все равно чувствует, что вносит большой вклад в поддержание мира и стабильности в данной области, где противоречивые процессы сегодня набирают все более мощные обороты. Обеспокоенность Индонезии проблемами Восточно-Китайского моря возникла в результате территориальных споров по нескольким островам в данном регионе между Китаем и Японией.

В связи с этим положительным является то, что Китай, несмотря на нарастающее напряжение в Южно-Китайском море, подписал соглашение об открытии всех путей сообщения. Относительно особой китайской границы, сохранение и поддержание которой является одним из главных геополитических интересов КНР в данном регионе, Индонезия принципиально не возражает, поскольку также считает ее очень важной частью своей экономической зоны. Правительство Индонезии полагает, что со стороны Китая не наблюдается никакого экспансионизма, так как последний заверил, что между странами не будет никаких противоречий по этому поводу.

До тех пор, пока такие страны, как Китай и другие государства Южно-Китайского региона, будут практиковать методы разрешения этой проблемы с помощью открытия путей сообщения и т. д., существует большая вероятность разрешить сложившуюся ситуацию мирно. На мой взгляд, сейчас самое время заняться именно этим – укреплением уверенности в правильности свершаемого. Мы нуждаемся в проявлении «мягкой силы» как в политике, так и в дипломатии, поскольку это повлечет за собой не только уважение среди стран региона, но и дальнейшее желание сотрудничать и разделять ответственность за происходящее. Метод «большой дубинки», или, как его еще называют, «обращение к жесткой силе», уже показал свою несостоятельность и непродуктивность.

Римский историк Корнелий Непот сказал одну очень известную фразу, будоражившую умы великих на протяжении веков: «Хочешь мира – готовься к войне». Хотя с тех пор прошло более двух тысячелетий, но, кажется, его высказывание снискало популярность среди известных политиков. Приверженность этому устоявшемуся заблуждению можно увидеть на ярком примере того, как страны Южно-Китайского региона все увеличивают военные расходы. Это, на мой взгляд, не тот путь, которым надо следовать.

Мы должны перефразировать эту цитату: «Если хочешь мира – готовься к миру». Здесь имеются в виду сотрудничество и диалог между странами. Надо не только открыть, но и активизировать пути сообщения, экстенсивно и интенсивно осуществлять меры по укреплению доверия.

Одной из таких мер является ежегодная спонсируемая Индонезией программа «Управление и разрешение потенциальных конфликтов в Южно-Китайском море». Программа должна быть поддержана не только региональными государствами, но также всем международным сообществом, заинтересованным в поддержании мира и считающим, что дестабилизация приведет к дальнейшей потере спокойствия повсеместно. Я помню, как после освещения этой программы была принята декларация о «Кодексе поведения в Южно-Китайском море».

Возможно, одна из самых серьезных форм укрепления доверия – это установление всестороннего стратегического партнерства между странами, которое было

закреплено, например, между Китаем и Индонезией. Обе страны заключили соглашение о партнерстве вследствие взаимной необходимости адаптации к происходящим изменениям, а также к переменам, ожидающимся в ближайшие десять лет в Китае, Индонезии, Восточной Азии и мире в целом. Отмечая все более крепкую связь людей и институтов, обе страны ожидают усиления влияния глобализации на все сферы их общественной жизни, включая внутреннюю политику и безопасность. В то же время они рассчитывают играть далеко не последнюю роль в Восточной Азии и во всем мире, учитывая их экономический динамизм.

Таким образом, китайско-индонезийское партнерство стало важным двусторонним соглашением в системе международных отношений. Китай является самой населенной страной в мире, а Индонезия занимает четвертое место в этом списке. Учитывая их суммарное население и выдающиеся темпы экономического роста, достигнутые обеими странами за последние годы, их отношения становятся важным этапом на пути к мирной и процветающей Восточной Азии и миру в целом. Реально осуществляемый, последовательно реализуемый договор о партнерстве может вызвать новую волну динамизма в обеих странах. Но для того чтобы это осуществилось, необходимы длительные мир и стабильность в Восточной Азии и соседних государствах. В то же время они должны быть способны эффективно решать внутренние проблемы. Китай и Индонезия знают, что должны «подтянуть» низы своих «социальных пирамид». Если это не удастся осуществить, то Индонезия, например, может распрощаться со своей надеждой обладать одной из главных экономик мира к 2030 г.

Это именно то, в чем нуждаются остальные страны региона: рост внутренней экономической стабильности и внешней безопасности. Именно поэтому Индонезия и разделяющие ее убеждения страны нацелены на создание регионального партнерства, управляемого государствами, равными по силе, чтобы ни один из соседних народов не был обделен, равно как и не узурпировал всю власть. Такое положение дел лежит в основе понятия динамического равновесия. Оно заключается в создании и поддержании аппарата взаимоотношений, который вызывает доверие и создает желание работать на общее благо, чтобы укрепление и возвышение одной страны воспринималось не как растрата общих ресурсов, а как сила, которая поможет другим сделать то же самое для общего благополучия.

Центральными силами этой региональной конструкции «динамического равновесия» являются расширенные институты АСЕАН, в том числе расширенный Восточно-Азиатский саммит, который теперь включает в себя Россию и США, встреча министров обороны АСЕАН и Морской форум АСЕАН [Global... 2014: 282–285]. Эти институты должны быть укреплены, для того чтобы стать более эффективными инструментами в поддержании мира и служить «полигонами» для дальнейшей отработки методов «мягкой силы» и демонстрации сотрудничества и открытости.

В нашем мире всегда было сложно достичь спокойствия, особенно учитывая то время, в котором мы живем. Есть одна интересная точка зрения, которая высказывается «классическими» историками относительно вопроса о причинах войн, приносящих гибель и ненависть всем народам, и ситуации, когда один центр силы хочет сохранить статус-кво, а появившийся новый центр – наоборот,

его приобрести. По сценарию, составленному этими историками и большим количеством международных наблюдателей, установившимся центром силы является США, а недавно появившимся – Китай, и они будут неумолимо двигаться в направлении вооруженного конфликта [The Center... 2014]. Установившийся центр силы будет всячески защищать свой статус, в то время как появившийся центр будет также стараться его получить всеми способами, хотя это идет вразрез с реальным положением вещей, поскольку США и Китай стараются поддерживать дружеские отношения и между ними имеет место диалог.

Этот конфликт не должен произойти, нельзя этого допустить. Но что же могут сделать Индонезия или страны АСЕАН, чтобы не допустить войны? Со стороны Индонезии может быть создан новый набор основных ориентиров государственной политики, который может помочь вдохновить США и Китай к укреплению мира и доверия как друг к другу, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Помимо всего прочего, Индонезия оказывает сильное дипломатическое влияние на Китай с помощью всестороннего и стратегического партнерства и на США через значительное количество соглашений и договоров.

Со стороны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии страны-участницы не должны принимать центральность своего положения как само собой разумеющееся. Они должны понимать, что следует постоянно прилагать усилия для поддержания такого статуса. Один из способов обеспечить сохранение своей центральности – это организовать страны данного региона так, чтобы оперативно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию в регионе, принимать согласованные меры и «говорить одним голосом». К сожалению, Ассоциация не дала адекватного дипломатического ответа на нынешнюю ситуацию в Южно-Китайском море. Также она не сформулировала своей позиции по ситуации в Таиланде, хотя должна усердно защищать ценности, закрепленные в ее собственном уставе, поддерживать мир в регионе.

Мне кажется, то же самое можно сказать обо всех странах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США должны сместить акцент с военной политики дестабилизации на собственные экономические и социально-культурные обязательства. Это же можно сказать о Китае: он должен использовать свой огромный потенциал «мягкой силы» путем увеличения и без того широко распространенного культурного влияния на страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

В заключение следует отметить, что Индонезия предложила Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве. Это была попытка расширить сферу действия Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии для охвата большей части Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время этот договор направлен на то, чтобы заключить политические соглашения по вопросам взаимовыгодных отношений на очередном Южно-Китайском саммите. Во время предыдущего саммита Ассоциации председатель этой организации и несколько других участников высказались в пользу индонезийского предложения. В то же время Индонезия должна конкретизировать его и предоставить убедительную, хорошо обдуманную аргументацию такого долгосрочного договора. По моему мнению, это является очередным тестом дееспособности Ассоциации, а именно того, сможет ли она развиваться в сторону заключения такого договора. Решение

этой задачи могло бы стать переломным моментом в истории Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку с подписанием подобного договора военный конфликт между странами стал бы невозможным и было бы вполне реально достичь динамического равновесия в региональной архитектонике. При этом в Азиатско-Тихоокеанском регионе «мягкая сила» стала бы основным средством решения проблем. Действительно ли АСЕАН способна достичь такого великого успеха – покажет время.

*Перевод с английского В. Ольховской*

### *Литература*

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014.

The Center of Heaven and Earth: Songshan Forum on Chinese and World Civilizations 2014. Academic Forum Collected Papers. Beijing : Institute for Advanced Humanistic Studies, PKU, 2014.

---

## ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Нуруллин Р. А.\*

*В статье показан сложный и противоречивый характер процессов интеграции человечества в глобальном масштабе, который сопровождается структурными изменениями в системе общества. Целостность общества обусловлена взаимодействием двух систем – культуры и цивилизации, которые по-разному реагируют на вызовы современного мира. С масштабными интеграционными процессами в мире приобретают глобальный характер и проблемы человечества. Решение этих проблем лежит в области создания наднациональной системы ценностей. Качественные сдвиги в развитии на уровне всего человечества требуют формирования нового типа личности, что ставит систему образования в особое положение. Сутью современного образования должно быть воспитание на новых телеологических установках, которые позволили бы человеку и человечеству выйти к осознанию смысла своего существования в мире.*

**Ключевые слова:** культура, наука, цивилизация, интеграция, человечество, общество, система образования, безопасность, телеология, личность.

*The paper shows a complex and contradictory nature of human integrative processes on a global scale, which is accompanied by structural changes in the system of society. The integrity of the society is caused by the interaction between two systems – culture and civilization, which react differently to the challenges of the modern world. The problems of the humankind are becoming globalized due to the large-scale integration processes in the world. The solution of these problems lies in the creation of a supranational system of values. The qualitative changes in the development at the level of the whole humankind require the formation of a new-type individual and this puts the educational system in a special position. The essence of modern education should be teaching based on new teleological ideals, which would allow an individual and humanity to realize the meaning of the existence in the world.*

**Keywords:** culture, science, civilization, integration, humanity, society, educational system, security, teleology, personality.

Актуальность темы продиктована необходимостью решения глобальных проблем на современном этапе развития человечества. Если цивилизационное развитие субъектов человечества определяют центростремительные силы, которые пытаются «стянуть» человечество в целое, то разнообразие культур определяют центробежные тенденции, которые пытаются «расташить» человечество по отдель-

---

\* Нуруллин Рафаиль Асгатович – д. ф. н., профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук Казанского (Приволжского) федерального университета.

ным субъектам. На заре становления цивилизационного развития на Земле интеграция племен вокруг полисов привела когда-то к необходимости переосмысления проблем определения начала бытия (архэ), что в дальнейшем легло в основу возникновения философии. В конце цивилизации интеграция народов приобрела глобальный характер, что вновь на новом витке развития человечества актуализировало проблему необходимости синхронизации различных культур, но только на основе переосмысления не проблем начала бытия, а проблем, связанных с осознанием конечности существования человечества (эсхато).

Кризис современного общества во многом обусловлен процессами, происходящими на метачелостном уровне развития систем более высокого порядка – культуры и цивилизации человечества, которые по-разному отвечают на вызовы современного мира. Целостность человечества исходно определена конечным существованием качественной определенности планеты. Как самая большая социальная система на Земле человечество только недавно подошло к осознанию своего взаимосвязанного существования, что создает реальную возможность для приобретения человечеством необходимых для дальнейшего развития эмерджентных качеств. Как известно, качественная определенность любой системы складывается действием двух механизмов формирования целостных свойств, первый из которых связан с суммативными свойствами частей системы, а второй – с эмерджентными. Если механицистские свойства системы определяются свойствами частей этой системы, то эмерджентные свойства обусловлены структурной организацией рассматриваемой системы. Эмерджентные свойства системы возникают и начинают определять ее целостность лишь при достижении границ меры, за рамками которой количественные изменения свойств частей системы приводят к качественным изменениям в судьбе всей системы. Для самоорганизующихся систем точка бифуркации является еще точкой невозврата системы в предшествующее состояние, но в то же время это состояние способно угрожать всей системе в целом тотальным возвращением к своему началу, что равносильно физической гибели всей системы в целом. Для человечества такой границей количественного (экстенсивного) развития общественных отношений, способной привести к интенсивному развитию цивилизации в глобальном масштабе, явилось изобретение Интернета. Как известно из теории систем, характер эмерджентных свойств системы обусловлен спецификой строения ее структуры, то есть характером взаимосвязей всех ее элементов и подсистем. Интернет своим существованием создал для субъектов человечества всех уровней возможность радикально влиять на свои структуры и, как следствие, на целостность всего человечества.

Современное человечество еще далеко отстоит от своего завершения и сегодня разделено на множество общественных объединений, которые различаются между собой по разным признакам: территориальным, национальным, политическим, религиозным, языковым и т. д. Металогически общество можно представить единством двух дополняющих друг друга взаимосвязанных систем: взаимодействием, с одной стороны, культуры и цивилизации, а с другой – человечества и природы. Эти подсистемы по-разному реагируют на интеграционные процессы, происходящие в мире. Если культура определяется как совокупность духовных ценностей, накопленных обществом за всю историю его существования, то цивилизация во многом является интегральным результатом общественных отношений, уровень развития которых определяет динамику и объем материального

производства и потребления в обществе. Цивилизация, как и культура, участвует в формировании в настоящем общественного сознания. Под общественным сознанием понимается система значимых (в смысле актуальных в настоящем) ценностей, которыми люди руководствуются в жизнедеятельности в том или ином аспекте своего исторического развития. Общественное сознание неоднородно и представляет собой систему различных своих форм. В разные периоды истории общества в качестве системообразующей структуры (идеологии) всегда выступала та или иная определяющая на тот момент времени форма общественного сознания, по отношению к которой все другие формы рассматривались производными. В различные периоды истории в качестве идеологии, в зависимости от мировоззрения и соотношения политических сил в обществе, выдвигались различные системы ценностей (миф, философия, религия, искусство, политика, наука и т. д.). Идеологией, направленной на значимость (актуализацию) в сознании людей цивилизационных ценностей (благ), выступает такой феномен культуры, как постмодерн.

С изобретением Интернета в поликультурном поле открытого информационного общества все существующие модернистские идеологические системы в масштабах всей планеты вдруг оказываются в положении провинциальных. В условиях конкуренции различных идеологий и недостаточной развитости наднациональной системы ценностей в социуме влияние частных культур на своих агентов элиминируется, что создает благоприятные условия для установления в общественном сознании приоритета материальных ценностей над духовными. Социальная жизнь, движимая доминирующим значением благ цивилизации, превращается в «массовое общество потребления», которое, возможно, и делает на принципах гедонизма жизнь отдельных субъектов (человека, региона или даже страны) комфортной на ограниченное время, но угрожает физическому существованию жизни на Земле в целом.

Используя принцип дополнительности Д. Бора [Розов 1995: 208–227], который на сегодня претендует на статус общенаучного принципа, и экстраполируя его на социальные системы, можно утверждать, что формирование в сознании человека ценностной установки на ограничение материальных потребностей возможно лишь через систему культивирования в обществе в качестве значимых (высших) духовных ценностей. Исходно феномен культуры в общине возникает в виде табу и действует как ограничивающий (нормирующий) фактор биологических потребностей людей, составляющих данное объединение. Современный человек оказывается не под доминирующим влиянием духовной культуры, а все больше попадает под действие институтов цивилизации. Цивилизация определяет реальный мир производства и потребления вещей и услуг, которые всегда имеют количественный эквивалент своих качественных форм – деньги. Это позволяет институтам цивилизации в отличие от культуры относительно легко интегрироваться на основе общности получения взаимной выгоды своими субъектами. Объединяющие факторы культуры в отличие от цивилизации ограничены национальными и другими рамками. Данные современного международного положения дел в странах Европы и других регионов планеты показывают, что взаимное отношение различных культур не тяготеет к быстрому синтетическому единству и образованию общей мировой духовной системы. Жизнь отдельных культур более напоминает совокупность автономных образований в духе концепций «циви-

лизационных типов» Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера [Лосский 1994: 78–80]. Об этом же свидетельствует В. Г. Торосян в статье «Культурная капитуляция как симптом/причина/следствие заката Европы» [Торосян 2016]. Конечно, в условиях высокой миграционной активности людей – носителей различных культур происходит диффузия народов, которая ничего общего с синтезом духовных ценностей не имеет. Связано это с тем, что развитие культуры подчинено динамике смены поколений людей, которая сегодня явно отстает от динамики смены поколений технологий, определяющих развитие цивилизации.

С середины XX в., после Второй мировой войны, динамика развития цивилизации явно стала доминировать над динамикой развития культуры. В этих условиях возникает понимание необходимости становления новой универсальной культуры, которая через новую систему ценностей смогла бы духовно объединить все человечество. Постмодерн претендовать на эту роль глобального духовного интегратора не может, так как идеология ценностей вещей, услуг и денег цивилизации противоречит традиционному пониманию культуры и более соотносится с контркультурой [Кадыров 2011: 212–218]. Тогда что может претендовать на роль глобальной наднациональной системы ценностей для будущего целостного развития человечества, в которой так нуждаются его институты, а также организации, которые ответственны за формирование современной личности?

Цивилизация в целом развивается нелинейно. Сегодня скорость смены поколений технологий явно опережает скорость смены поколений людей. Но примат материальных ценностей над духовными в общественном сознании не способствует воспитанию истинной высокодуховной личности, способной нести глобальную ответственность. В условиях культа «золотого тельца» вместо нелинейно мыслящей творческой личности мы имеем суетливого функционера, сосредоточенного на материальном интересе, который отказывается понимать свою зависимость. Для этого цивилизация через своих идеологов при помощи СМИ сознательно или бессознательно часто подменяет понятия, называя обучение грамотности образованием, «офисного планктона» – креативной личностью и т. п. По сути, образы, создаваемые идеологией денег и гламура, плодят исполнителей чужой воли, ничего не значащих по своему внутреннему духовному содержанию людей-функционеров, зараженных «комплексом своей полнотности».

Нелинейный характер развития цивилизации обусловлен превращением открытий культуры (прежде всего достижений фундаментальной науки и искусства) в технологии. Цивилизация для своего воспроизводства в идеале требует личности изобретателя с рациональным, линейным, последовательным мышлением. Такое мышление может иногда приводить к нелинейным креативным находкам в решении прежних задач новыми способами. Другими словами, личность, которая позиционирует себя с развитием цивилизации, в идеале должна быть сосредоточена на инновации. В этом нет ничего предосудительного, но необходимо помнить, что инновации базируются на новациях. Новации, в свою очередь, связаны с открытиями, которые являются прерогативой культуры, а не цивилизации. Новации соотносятся с инновациями так, что на базе лишь одного открытия у человека может возникать возможность для создания множества изобретений. Как инновации, так и новации требуют разных типов личности, которые для творчества используют разные типы разума. Если личность изобретателя требует разума на основе «знания человеком своего знания», то разум личности открывателя формируется на основе «знания человеком своего незнания» [Нуруллин 2012: 69–74].

Общество, которое видит свое будущее в приоритетном решении лишь практических задач на базе инновационного развития и которое не уделяет должного внимания фундаментальным исследованиям, обрекает себя на кризис в будущем. Но сама цивилизация, по определению построенная на культе денег, воспитать необходимую личность не может. Культура, в отличие от цивилизации, развивается линейно, несмотря на то что связана с открытием чего-то принципиально нового. Количество открытий, приходящихся на количество людей, живущих в определенное время, есть величина постоянная [Капица 2008: 128–143]. В этом смысле можно говорить о линейном характере развития культуры в целом, так как она связана с динамикой смены поколений людей, но для своего воспроизводства требует личности открывателя с творческим нелинейным мышлением. Однако личность открывателя часто оказывается в роли маргинала, так как она плохо социализируется со средним большинством.

Характер развития культуры и характер развития цивилизации различаются, но их не следует резко противопоставлять друг к другу, а необходимо рассматривать в диалектическом единстве на основе принципа дополнительности. Это требует создания в обществе такой самоорганизующейся структуры (системы связи), в которой изменения культуры и цивилизации составляли бы по отношению друг к другу петли отрицательной обратной связи, не позволяющие ни одной из дополнительных сторон целого взять верх. По нашему мнению, эту обратную связь можно реализовать через систему образования. Дело в том, что феномен организации образования по отношению к обществу в целом неоднозначен, что и дает повод причислять образование то к институтам культуры, то к цивилизации. С одной стороны, систему образования по форме организации можно соотнести со структурой цивилизации, так как она, подобно поточной линии, тиражирует и производит количество, но только не вещей, а определенного типа потенциально значимых творческих личностей, которые должны отвечать требованиям современного общества. С другой стороны, система образования по информационному содержанию призвана обеспечивать трансляцию из поколения в поколение смыслов и ценностей культуры (идеи, знания, нормы, традиции и т. п.). Кроме того, система образования должна создавать условия для самореализации личности в обществе. Но культура и цивилизация, определяя целостность существования общества как подсистем человечества и человечества в целом, находятся в отношениях дополнительности друг к другу. Культура, осуществляя функции социальной памяти, направлена на консервацию накопленных за всю историю существования общества духовных (вневременных) ценностей. Поэтому культура обращена к прошлому опыту, в то время как цивилизация направлена на будущее и изменение настоящего. Культура консервативна, а цивилизация – мобильна. Сегодня система образования в России оказывается в положении каната, который тянут в разные стороны. Если культура пытается свести образование к воспитанию личности на основе эталонов, вынесенных из истории своего развития, то цивилизация пытается свести образование к обучению грамотности и перманентному переобучению для достижения своих целей.

Современное состояние информационной цивилизации обслуживает культура постмодернизма. Она может называться культурой лишь условно. Это мировоззрение переходного периода, которое затянулось на несколько поколений людей по той причине, что характеризует переходный процесс не маленькой Европы,

как это имело место в прошлом ее истории при переходе от одной системы ценностей к другой, а планеты в целом. Земля, какой бы большой ни была, представляет собой относительно ограниченную в пространстве и времени систему, и цивилизация человечества рано или поздно с необходимостью должна в пределах планеты выйти к своему аттрактору. Выход на качественно новый уровень стабильного развития общества и человечества в целом всегда происходит через диалектическое отрицание (переосмысление) прошлого. Это отрицание может быть как физическим, так и духовным. В зависимости от того, по какому пути пойдет человечество, у цивилизации есть два сценария возможного будущего: первый – это физически исчезнуть с лица Земли и вернуться к своему исходному состоянию, второй – выйти на качественно более высокий духовный уровень своего планетарного бытия. Именно в эпоху культуры постмодерна и информационной цивилизации разворачивается борьба культур и экономических систем между собой, в процессе которой должны определиться те общественные силы и отношения, которые работают на выживание человечества в целом. Отсюда можно прийти к необходимости перехода к новым ценностям и идеалам, которые не имели бы национальной или какой-либо другой окраски, а носили бы универсальный характер.

Воспитание нового типа личности – задача системы образования, но сегодня под давлением институтов цивилизации (экономики) все больше голосов звучит в пользу коммерциализации образования. Сутью коммерческого образования является не воспитание, а постоянное обучение человека в течение всей жизни. Экономическое развитие общества создает определенный спрос на те или иные необходимые профессиональные компетентности, в соответствии с которыми отдельный человек, используя институты обучения, вынужден все время подстраивать свою жизнь. Такая система реанимирует идеалы личности, сложившейся в эпоху Просвещения, суть которых заключается в социализации индивида в человека вообще, воплощающего собой усредненного гражданина мира [Гайденко 2011: 262–264]. Но формирование личности не исчерпывается лишь социализацией человека. В таком одностороннем смысле оно противоречит формированию творческой личности. В интересах цивилизационного понимания личности имеем то, что современный человек должен уметь растворять себя в интересах корпорации, а в пределе – глобальной корпорации Интернета, и тем самым способствовать становлению глобальной цивилизации на Земле, ложно понимаемой исключительно как прогрессивный акт.

Истинная личность – это тот, кто управляет собственной жизнью. Сегодня производство товаров становится автоматическим, его поддержание требует лишь малой части ученых, изобретателей и рабочих из общего числа работоспособного населения. Большая часть людей активно выводится из сферы производства товаров в область продаж и оказания услуг [Мировая... 2003: 161; Иноземцев 1997: 59–68]. Все эти факторы позволяют свести образование в пределе лишь к достижению всеобщей грамотности функционера на рынке товаров, а не к формированию мировоззрения личности. Культура и цивилизация существуют путем воспроизводства, поэтому в обществе необходимы двигатели как цивилизации, так и культуры. Весь вопрос заключается не в абсолютизации крайностей, а в достижении гармонии между ними, где системе организации образования принадлежит исключительное значение для выживания человечества.

Первым вопросом для понимания человеком своего места в мире является понимание того, что он должен сам сделать осознанный выбор своего пути в жизни. Это актуализирует телеологические проблемы современного общества, решение которых необходимо искать в системе образования. «Телеология (от греч. *telos (teleos)* – результат, цель и *logos* – слово, учение) – философское учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин. В современной методологии рассматривается как принцип объяснения, дополняющий традиционную причинность причинами-целями» [Философия... 2004: 854–855]. В психологии телеологическая точка зрения была отражена в гормической психологии У. Мак-Дугалла, а также в учении Э. Толмена и представляла собой одно из главных направлений в изучении мотивации поведения, противостоящих его стохастическому пониманию [Немов 2007: 426].

Развитие общества, стимулируемое только практическими целями, направленными на удовлетворение телесных (вещественно-энергетических) потребностей, возможно, и ведет человечество к какому-то развитию в стратегическом плане, но этот путь лежит через периодическую физическую гибель подсистем цивилизации. Здесь прослеживается явная аналогия с механизмами развития в животном мире. Так, животный мир, движимый законами самосохранения индивида и вида (лишь телесными, по определению ограниченными желаниями питания и размножения) в изменяющихся условиях окружающей среды, способен выйти на новый уровень относительной стабильности (аттрактор) своего видового развития лишь через физическую смерть и рождение индивидов, составляющих данный вид. Для человека и общества такой путь развития человечества является тупиковым и погружает человека в суетный вещественный мир с конечной угрозой ликвидации как самого человека, так и человечества в целом. Цивилизацию должен двигать не материальный интерес, а дух культуры. Последний реализуется через общественное сознание, представляющее систему значимых ценностей для настоящего, которая формируется посредством забывания (умирания) изживших себя ценностей и актуализации (возрождения) необходимых. Человечество, движимое лишь ценностями цивилизации, ориентированное на потребление материальных благ и денег, оказывается не выше животного суперорганизма типа «человеяника».

Отказ цивилизации от ценностей традиционной культуры нарушал бы принцип преемственности. Игнорирование принципа соответствия нового старому в обществе угрожает частной культуре гибелью. Хотя все это, конечно, может выглядеть на фоне достижений цивилизации как удобная картинка движения человечества к унификации и однородности, которая в рамках протестантской этики (лежащей в основе этоса капитализма) кажется движением к всеобщей справедливости. Опасные тенденции унифицирования мира, угрожающего превращением индивидуальности в «одномерного человека», убедительно показал Г. Маркузе [2002: 72–109]. Цивилизация, по своей сути, нацелена на количественное умножение благ. В абсолютном значении однородность и одинаковость – это антиподы системности. Становление современного массового общества стали определять не идеи (в платоновском смысле), а симулякры [Делёз 1998: 329–347]. Ж. Делёз попытался связать представления о виртуальных частицах в физике, нереально существующих в интервале неопределенности В. Гейзенберга [Готт 1972: 63] или физического вакуума в духе представлений о хаосе И. Пригожина [При-

гожин, Стенгерс 1986: 162], с нарастающим господством виртуальных объектов в социуме и пришел к выводу, что это состояние общества угрожает миру становлением хаосмоса [Делёз, Гваттари 1998: 111].

Традиционные культуры видят в становлении глобальной цивилизации угрозу для своего существования, в то же время новая универсальная культура, способная обеспечить глобальный ценностно-духовный порядок на планете, на сегодняшний день еще не получила окончательного оформления. Потеря частных ценностей, связанных с масштабами интеграции в разные периоды развития человечества, всегда приводила к необходимости поиска новых идейных оснований. Новое, как правило, возникает как возврат к старому. Требуется новый ренессанс. В связи с этим возникает вопрос: «На возврат каких ценностей (конечно, на качественно новом уровне) может рассчитывать человечество в условиях глобальной интеграции цивилизации – на культ природы, Бога, личности, общества? Сегодня на Земле существует множество систем верований, что уже одно это не позволяет выделить какую-то одну религиозную систему в качестве доминирующей. Это резко привело бы к увеличению степени противостояния между народами. Культ личности тоже фактор, плохо способствующий объединению людей, и чреват лицемерием рабского большинства перед лидером (с демонстративным ритуальным изображением преклонения перед ним) и не имеет ничего общего с истинным сплочением людей. Среднему большинству часто бывает комфортнее жить под покровительством одного харизматичного лидера, так как рабство, как и свобода, может составлять ценность общества. Человек массы вовсе не тяготеет к свободе. Экзистенциально (психологически) ему уютнее, когда его жизнью, его волей и разумом распоряжается тоталитарный лидер» [Гуревич 2001: 135]. Но в наше энергонасыщенное время это содержало бы в себе большую опасность от случайности, вызванной субъективными решениями и действиями одного человека. Ценности конкретного общества сами за себя говорят о неспособности к объединению в общечеловеческом масштабе в силу множественности различных политических систем и государств. Это потребовало бы выделения одного государства в качестве мирового жандарма, что привело бы к увеличению градуса противостояния в мире. Данная ситуация опасна реализацией принципа «Один за всех и все против одного» или «Война всех против всех». Таким образом, получается, что на объединяющую роль в новых условиях может претендовать лишь культ природы. Видимо, закат цивилизации в традиционном ее понимании требует возврата к исходным основаниям, но на каком-то качественно ином, более высоком уровне существования.

Исторически культ природы связан со становлением мифического мировоззрения, в основе которого лежит абсолютизация различных природных стихий. Связано это с пониманием человека на заре истории своей слабости и зависимости от сил природы. Труды П. Тейяра де Шардена [1987: 155–171] и В. И. Вернадского [1988: 196–210] показывают, что 30-е гг. XX в. ознаменовались вступлением человечества в эпоху становления ноосферы. Сегодня разумная деятельность человека по своим масштабам энергетического влияния становится соизмеримой с силами природы на Земле и угрожает существованию самой природы как базовой системы для существования цивилизации.

В формировании нового сознания огромная роль принадлежит системе образования, от которого зависит дальнейшее безопасное существование не только

России, но и всего человечества. Идеологическую или воспитательную функцию в системе эгалитарного светского рационального образования, которая является господствующей сегодня, осуществляет наука, но она не способна дать человеку смысл его бытия в мире. Смысл бытия заключен в преодолении пространственно-временной ограниченности (отчужденности) человека. В принципе наука не отрицает возможности достижения вечного бытия человека в будущем, в котором человек настоящего вряд ли будет жить. Наука видит достижение вечности жизни души через создание совершенного искусственного тела. Сегодня необходима новая система образования, которая осуществляла бы воспитание современной личности на идеологии культа природы. Для этого идеология, опираясь на представления о ноосфере и современного космизма, должна открыть человеку путь к новому неотчужденному пониманию себя в мире. Только на основе веры человека в свое космическое бессмертие человечеству можно выйти к эффективному преодолению своих глобальных проблем (устранение угрозы мировой войны, ликвидация энергетического и сырьевого кризисов, голода, экологических проблем, демографического кризиса в развитых странах и демографического взрыва в развивающихся странах, терроризма, СПИДа, алкоголизма, наркомании и т. д.).

Итак, качество целостности человечества определяется характером дополнительных друг к другу взаимоотношений культуры и цивилизации. Сегодня в мире влияние ценностей цивилизации (благ) явно превалирует над ценностями культуры. Преодоление перекоса в отношениях ценностей, который не позволяет человечеству выйти к решению своих глобальных проблем, требует создания наднациональной идеологии (системы универсальных ценностей) в мире на основе новых телеологических установок. Это позволило бы на основе общих интересов гармонично объединить разные культуры между собой. Новое – это всегда ренессанс прошлого в новых условиях. На это общее ценностное основание сегодня может претендовать возрождение культа природы. В реализации этого гуманистического проекта исключительное значение принадлежит системе образования, которая способствовала бы формированию современной личности, способной взять на себя глобальную ответственность на основе осознания смысла своего бытия в мире.

### *Литература*

- Вернадский В. И. *Философские мысли натуралиста*. М. : Наука, 1988.
- Гайденко П. П. *История новоевропейской философии в ее связи с наукой*. 3-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
- Готт В. С. *Философские вопросы современной физики*. 3-е изд. М. : Высшая школа, 1988.
- Гуревич П. С. *Философия культуры: учебник для высшей школы*. М. : NOTA BENE, 2001.
- Делёз Ж. *Логика смысла*. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М. : Раритет; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998.
- Иноземцев В. Структурирование общественного производства в системе постиндустриальных координат (методолого-теоретические аспекты) // *Российский экономический журнал*. 1997. № 11–12. С. 59–68.

Кадыров А. М. Культурология. Мировая и отечественная культура: уч. пособ. Уфа : УГАТУ, 2011.

Капица С. П. Демографическая революция в России // Век глобализации. 2008. № 1. С. 128–143.

Лосский Н. О. История русской философии. М. : Прогресс, 1994.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ, 2002.

Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Юристъ, 2003.

Немов Р. С. Психологический словарь. М. : ВЛАДОС, 2007.

Нуруллин Р. А. Философия профессионального образования: монография. Казань : Данис, 2012.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.

Розов М. А. Явление дополнительности в гуманитарных науках / М. А. Розов // Теория познания: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1995. С. 208–227.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987.

Торосян В. Г. Культурная капитуляция как симптом/причина/следствие заката Европы // Век глобализации. 2016. № 3(19). С. 110–120.

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.

---

---

# ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

---

---

## ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА

### Борьба двух исторических проектов объединения человечества

Кацура А. В.\*

*В статье обсуждается концепция двух противостоящих друг другу мировых проектов объединения человечества в некую единую глобальную семью. Первый проект, базирующийся на коммунистических идеях, с 1917 г. в течение 70 лет настойчиво продвигала Россия (под именем СССР). Второй проект исторически возник раньше, но на мировую арену вышел позже, после Второй мировой войны. Речь идет об американской демократии и попытках предложить ее всему миру в качестве оптимальной модели общественного развития. Живая и причудливая история конца XX – начала XXI в. внезапно бросила Россию в «объятия» капитализма, а Соединенные Штаты стала продвигать к чему-то, напоминающему социализм. Возникла парадоксальная ситуация, одним из выходов из которой может явиться сближение и даже глобальное сотрудничество проектов, которые в прошлом веке считались непримиримыми. Впрочем, говорить нужно не просто о сближении, а об исторической попытке нащупать правильные пути для дальнейшего развития человечества, которое по ряду параметров приближается к глобальному кризису небывалого масштаба.*

**Ключевые слова:** генный сбор, бессознательный глобализм, целевая причинность, историческое насилие, социализм, демократизация, суверенная личность, глобальный кризис.

*The article considers the concept of two opposing world projects of uniting the humankind into a certain global family. The first project based on the communist ideas for seventy years starting from 1917 was persistently developed in Russia (in the USSR). The second project had emerged earlier but came to the world arena later, after the World War II. We mean American democracy and attempt to promote it in the whole world as an optimal pattern of societal development. The lively and curious history of the late-twentieth and early twenty-first centuries has suddenly thrown Russia to the grasp of capitalism while the USA started to move to something resembling communism. There emerged a paradoxical situation from which a way out may be the convergence and even global cooperation of the two projects which used to be irreconcilable. Yet, one can speak not only about a convergence but about a historical attempt to find the right patterns of further human development which in certain respects approaches a global crisis of the unprecedented scale.*

**Keywords:** genetic collection, unconscious globalism, task causality, historical violence, socialism, democratization, sovereign identity, global crisis.

---

\* Кацура Александр Васильевич – к. ф. н., член Союза российских писателей. E-mail: akar36@yandex.ru.

## Генный сбор

Коммунистическое правление в течение трех четвертей века причинило беспрецедентный биологический ущерб российскому народу.

З. Бжезинский

У писателя и литературоведа Виктора Шкловского есть забавное размышление. Представьте, говорит он, что когда-то в прошлом наши мудрецы задумались: что бы такое сделать, дабы в России появился гениальный поэт необыкновенной силы? Они бы обсудили и предложили множество мер из области семьи, воспитания и образования. Единственное, чего бы им не пришло в голову, – что надо выписать прадедушку из Африки.

Марина Цветаева затронула этот немаловажный для нашей культуры мотив в стихотворении «Петр и Пушкин»:

Сего афричонка в науку  
Взяв, всем россиянам носы  
Утер и наставил. От внука-  
то негрского – свет на Руси!

Свет на Руси – что это? Откуда? Как?

В том-то и дело, что, обладая собственной волшебной природой, это сияющее свечение не чуждалось помощи всего мира. Великая Русь принимала эту помощь благосклонно.

М. Ю. Лермонтов – потомок прославленного шотландского барда XIII в. Томаса Лермонта, в легендах о котором говорится, что был он непревзойденный поэт и музыкант, наделенный даром провидца. Подобным даром обладал и Михаил Юрьевич. Ему было всего шестнадцать, когда он написал:

Настанет год, России черный год,  
Когда царей корона упадет;  
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,  
И пища многих будет смерть и кровь...

Василий Жуковский был рожден пленной турчанкой.

Александр Суворов по родословной легенде – из древней шведской благородной фамилии. Его предок Сувор выехал в Россию в 1622 г. при царе Михаиле Федоровиче и принял российское подданство. Мать полководца Авдотья Манукова была армянского происхождения.

Князь Петр Иванович Багратион – из ветви грузинского царского дома Багратионов. Ветвь картлийских князей Багратионов была внесена в число российско-княжеских родов при утверждении Александром I седьмой части «Общего гербовника».

Н. В. Гоголь украинско-польских кровей. Польская кровь бродила в жилах Чайковского, Циолковского, Сикорского, Стравинского, Малевича, Шостаковича.

Создатель грандиозного *Словаря живого великорусского языка* Владимир Иванович Даль – датчанин.

Великий русский лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ – отпрыск старинного французского рода.

Александр Иванович Герцен по матери – немец.

Иван Айвазовский – армянин.

Еврейская кровь была у Левитана, Антона и Николая Рубинштейнов, Фета, Надсона, Саши Черного, скульптора Антокольского, Репина, Валентина Серова, Бакста, Шагала, Мечникова, Гершензона.

Последние русские цари по крови были немцами, и Россия при них развивалась не просто успешно, но с особым блеском культуры.

Сергей Рахманинов носил в себе толику татарской крови. Этот список можно продолжать бесконечно.

А если бы Россия предпочла национальную изоляцию? Что стало бы с ее великой культурой?

Но история распорядилась иначе. Русская земля оказалась великой генной собирательницей. Точнее, когда-то была таковой на протяжении столетий. В древности это были торговые связи, но также и бесчисленные военные столкновения славян, половцев, хазар, татар, германцев, угро-финнов. На новом, ярком витке страна невольно, но плодотворно этим занималась, по меньшей мере, со времен Немецкой слободы в Московии (XVI в.). Слово «собирательница» так и следует понимать – как открытое движение в сторону смешения в национальном котле иноплеменных генов, смешения благотворного, потому что оно несомненно способствует рождению пассионарных и талантливых людей и в заметном количестве гениев – и все это в благодатном поле русского языка и русской образности.

В какой-то момент мы в России этот волшебный процесс трагически оборвали. Последняя вспышка была в начале XX в., столь фантастическая по накалу и результатам, что «лампа» не выдержала и сгорела. Началось сползание, которое докатилось ныне до жалких, скомканных идеологических обрывков типа «национальной обособленности», «патриотизма», до нового витка культурного мракобесия, до варварского озлобления по отношению к людям умным и независимым, до заполошного вопля «Кругом враги!» (пути мрачного и, очевидно, тупикового).

Возникла в новой истории вторая великая генная собирательница – Америка. В сем немаловажном деле ей помогали не только свободолюбивый дух, но и сама история и география, поскольку обширные земли за океаном служили магнитом для предприимчивых людей со всего света. На протяжении трех столетий закипал новый необыкновенный многонациональный котел под умелым руководством англосаксонских отцов-основателей. В силу определенных причин Соединенные Штаты Америки этого удивительного процесса не прекратили по сию пору (хотя совсем недавно обозначились трудности). Результаты проявились в самых разных сферах, в том числе и в развитии наук. Например, Нобелевскую премию и в недавнем прошлом, и в наши дни во множестве получают американские евреи, русские, японцы, немцы, поляки, англичане, бельгийцы, шведы, финны... Надо было уметь собрать такой компот! (По совпадению я пишу эти строки в тот момент, когда радио сообщает: Нобелевская премия по экономике за этот год [2016] присуждена профессору Массачусетского технологического института Бенгту Хольмстрёму, выходцу из Финляндии, по физике – работающим в США англичанину Дункану Холдейну и шотландцу Майклу Костерлицу, а по литературе – знаменитому рок-музыканту и поэту Бобу Дилану – Роберту Циммерману, чьи предки из Одессы). Мы эти премии, увы, получать перестали вовсе, хотя и раньше их было немного. И едва ли при нынешней культурной политике эту печальную тенден-

цию переломим. Выращивать собственных гениев мы почему-то не торопимся, а приглашать в Россию «новых Эйлеров» разучились. Точнее, как-то вяло пытаемся, но не выходит. Социальная среда в стране нынче не та, не принимает она талантливых людей. Зато выталкивает охотно, ибо в обстановке, когда правда и ложь странным образом перепутаны, заниматься честной наукой (а другой науки не бывает) крайне трудно. А ведь когда в начале прошлого века нобелевская история только возгоралась, царская Россия (про которую до сих пор врут, что она была только «с сохой») сразу была отмечена двумя яркими премиями – Ивану Павлову и Илье Мечникову. Ничто, казалось, не препятствовало дальнейшему мировому признанию нашей тогда быстро поднимающейся науки, да и всей культуры, порывистой и блестящей. Между прочим, не так уж трудно назвать некоторых реальных претендентов на Нобелевскую премию той поры – Николай Кольцов (репликация наследственности, прообраз ДНК-РНК, 1918), Александр Фридман (на «кончике пера» открыл расширение Вселенной, 1922), Александр Чижевский (создатель гелиобиологии, автор «Земного эха солнечных бурь», 1918–1924), Георгий Гамов (туннельный эффект в квантовой механике, 1929), Николай Кондратьев (большие волны в экономике, 1925), Николай Вавилов (гомологические ряды – своего рода периодический закон в биологии, начало 1930-х), Матвей Бронштейн (квантовая гравитация, 1935), Эрвин Бауэр (автор фундаментального труда «Теоретическая биология» и принципа устойчивого неравновесия, 1935). Это далеко не полный список. Почему эти несравненные творцы остались без великой премии? А просто случился исторический обрыв, произошла страшная беда со всей огромной страной, с ее культурой, с ее разумом... Подлинное начало этой беды не столько октябрь 1917-го (насильственная смена правительства), сколько январь 1918-го – разгон Учредительного собрания. Именно это трагическое событие стремительно привело почти парламентскую страну (с ее надеждами на вменяемую демократическую политику) к жестокой и безумной тоталитарной диктатуре (которая выдавала себя за марксизм и социализм).

Что касается упомянутых гениев, то нелишне напомнить их «советскую судьбу»: Николай Кольцов затуркан, освистан неучами как «буржуазный спец», отстранен от работы и вскоре умер; Александр Фридман ушел в «возрасте гения», в 37 лет, от голода и тифа в 1925-м; Александр Чижевский надолго отправлен в ГУЛАГ; Георгий Гамов в 1932-м с трудом выбрался за рубеж, в сталинскую Россию не вернулся и был объявлен предателем (на Западе он продолжил совершать великие открытия); Николай Вавилов погиб от голода в тюрьме в 1943-м; Матвей Бронштейн – расстрелян в 1938-м, в возрасте 31 года (за что убили молодого гениального физика? В материалах короткого следствия сказано: «За создание фашистской террористической организации»). Подобные признания из арестованных обычно выбивали зверскими пытками. Но если люди и под пытками не оговаривали себя, следователи все равно вносили абсурдные обвинения в протокол). Николай Кондратьев по ложному доносу арестован в 1930-м, расстрелян в 1938-м (ему было 46 лет). Великому биотеоретику Эрвину Бауэру стукнуло 47, когда в 1937-м он был расстрелян в один день со своей женой, венгерской коммунисткой Стефанией Силард. Такова планида великих умов в большевистской России. Между прочим, за принцип устойчивого неравновесия (легшего в основу синергетики) Нобелевская премия была все же вручена – в 1977 г. ее получил бель-

гийский (!) ученый, уроженец России Илья Пригожин. Останься он в СССР, едва ли бы уцелел.

Что касается «генного собирательства» как принципа, то следует заметить, что, с одной стороны, это достаточно давняя практика, с другой – это один из отчетливых механизмов будущего глобализма.

### **«Проклятый Запад»**

Путем катастроф и падений... «уголь превращается в алмаз», Россия – в Америку; в новую, а не старую Америку.

*А. Блок*

(из предисловия к поэме «Возмездие»)

Мы «новой Америкой» не стали. «Старой», впрочем, тоже. Зато мы и сегодня продолжаем облагораживать мир, щедро расточая свой генофонд по многим странам, но особенно в сторону «проклятого Запада». Распространенное у нас это проклятье на самом деле – нелепость. Ибо Россия – не Восток. Она тоже Запад. Или, если хотите, восточный край западной христианской культуры. Другими словами, культуры европейской (духовная форма которой отлита по матрице иудеохристианского фермента). Именно в силу этого могучего влияния Европа породила (особенно за последнюю тысячу лет) великую науку, великое искусство и великий корпус гуманистических идей. Россия и Америка оказались в поле этого влияния, и это принципиально сказалось на их развитии за последние три столетия. Если хотите, Америка – это далекий западный край все той же христианской культуры (при таком широком взгляде конфессиональные различия в христианском учении принципиального значения иметь не могут). Сан-Франциско – в той же степени город европейской культуры, как и Владивосток, причем оба города спокойно взирают друг на друга прямо через океан. Здесь можно прибегнуть и к такой метафоре: Россия и Америка – это два могучих пространственных крыла старушки-Европы, которая, таким образом, словно птица, обняла все Северное полушарие планеты.

Более четверти века прошло с той поры, когда Америка на протяжении десятилетий считалась нашим (то есть СССР) главным стратегическим противником – «капиталисты», «империалисты», «поджигатели войны», «военные базы», «Карибский кризис», «звездные войны», «агрессивный блок НАТО» и прочая риторика. В те времена в нашем общественном сознании господствовала не только идея паритета, экономического и военного (на самом деле иллюзорного), но и – того хуже и страшнее – жила мысль (ложная, но кем-то мощно навязанная) о том, что трудности наши временные, что «социалистический» путь наш велик и праведен, что вот-вот мы нашу «плановую» экономику еще выше поднимем, через горную кручу переползем, Америку и империалистов в мирном соревновании пересилим и весь мир убедим (заставим?) жить нашими коммунистическими ценностями и по правилам нашего общежития. В лице Америки мы – социалисты-коммунисты-интернационалисты – бросали в ту пору вызов всему миру.

Через три десятилетия странным образом круг замкнулся.

Мы, исторически плутая и спотыкаясь на протяжении последней четверти века, странным образом вернулись к этой дерзкой и одновременно вздорной идее, но в гораздо более слабой позиции – и в геополитическом, и в экономическом,

и в интеллектуальном смысле, – заменив «социализм» и «интернационал» на «оскорбленные чувства верующих» и «патриотизм» (слово неоднозначное и в своем грубо-воспитательном смысле близкое душе какого-нибудь Угрюм-Бурчева). Оказалось, что в сознании еще очень многих людей продолжается фантомный бой с Америкой, якобы главной силой «проклятого Запада» (целая армия пропагандистов брошена на бой с этой «проклятой силой»). Но старые основания для подобного боя размыты, а новые – нелогичны, противоречивы и во многом иррациональны. Прежде «социализм» сражался с «капитализмом», утверждая, что именно он – будущее человечества. И это – пусть и в рамках искаженной идеологии – еще как-то можно было понять. Но сегодня и мы – «капиталисты», мы охотно сверкаем новоявленными олигархами с их дворцами и яхтами, причем иные покруче американских. Более того, «счастливого будущего» для всех земель в обязательном порядке мы уже не предлагаем. Мы и свое-то видим в тумане. Так о чем же спор?

О «суверенной демократии»? Об откате назад, в «национальные квартиры»? Или о новых союзах и блоках? Об условиях торговли? О глобальном потеплении? О противоречиях и минусах плохо продуманной глобализации? О кровоточащих язвах на внутренних границах бывшего СССР? Надо сказать, что язвы эти практически неизбежны, поскольку границы проводились большевистскими властями не просто «от фонаря», но со злодейским умыслом, когда часть этноса специально приписывалась соседней республике (дабы их «крепче сшить»). Увы, эти очаги напряжения сохранились и время от времени кровоточат – Карабах, Приднестровье, Осетия, Абхазия, Восточная Украина, Крым, Северный Казахстан, узбекский город Ош, прирезанный к Киргизии, и т. д. ... Так о чем, повторяю, спор?

Или – в старо-новой стилистике – воскресает, словно из пепла, «тактическое хвастовство», граничащее с наглостью – наподобие цирковых силачей, – чьи нервы и «термоядерные мышцы» крепче?

Я пишу эти строки, но современные ветры врываются в окно. Еще вчера мы носили «жуткую» Америку Обамы. Но вот сегодня президентом неожиданно избран Дональд Трамп – наша Дума аплодирует (почти по-лакейски), но чему? Ведь скоро наступит отрезвление. И Конгресс не ослеп внезапно, да и сам Трамп – отнюдь не «добренький дурачок», а деятель, сосредоточенный на американских интересах. Что касается нашей политики, то она почти целиком построена на «большом внешнем враге». Кроме Америки здесь придумать практически некого, поэтому есть опасность, что все вернется на круги своя. Но ради будущего хотелось бы этого возврата (к некоей «малой холодной войне») избежать. И возможности такие открываются. Надо проявить ум и волю, чтобы ими воспользоваться.

Но есть и второй, более глубокий, уровень ответа. Во имя чего разыгрывается это фантомное сражение? Каковы здесь ставки и цели? Казалось бы, мы, россияне, как вменяемые и здравомыслящие люди должны относиться к Штатам пусть и критично, но вполне на уровне здравомыслия и даже благожелательно. Почему бы нет? В конце концов, это самая старая и деятельная демократия, которая, пусть не без ошибок и серьезных просчетов во внешней политике, все же стремится к некоему разумному мироустройству. Ведь всякому здравомыслящему человеку понятно, что идея о том, будто Америка хочет захватить или подмять под себя весь мир, лжива и пуста. Ибо желание предложить миру свою модель

(успешную на протяжении двух с половиной столетий) не совпадает с формулой «захватить и подмять».

Впрочем, это не отменяет того, что ныне Америка очевидным образом заплутала, наломала дров, испытывает серьезные политические и финансовые затруднения и сама нуждается в помощи (прежде всего моральной). Хуже того, зашатался образ «американской модели», принципы «либеральной демократии», еще вчера казавшиеся эталоном, сегодня уже не выглядят единственным для всего мира образцом устройства национального дома. Примерно две трети человечества то ли не готовы, то ли не хотят, то ли исторически не предназначены для подобного политического режима. У них стойкая аллергия на «поборников свободы». Иные американские миссионеры демократии с удивлением и даже недоумением на это смотрят. Но ответа пока найти не могут. Впрочем, весь мир ответа на этот вопрос дать не в состоянии. А в самой Америке уже многие ведущие политики громко высказываются против навязывания демократии другим странам и народам.

Заметим, что мы с Америкой никогда не воевали, в двух мировых войнах США были нашим военным союзником, сражались храбро и беззаветно (а их помощь в рамках ленд-лиза вообще трудно переоценить). К тому же Америка совсем не так далека от нас ментально, как это иногда пытаются представить. Есть немало общих черт между нашими народами (у них, так же как у нас, широта просторов сочетается с душевным размахом). Более того, есть, например, свидетельства, что великая американская литература XX в. в духовном плане во многом является наследницей великой русской литературы (что не раз отмечали видные американские писатели). Но, если глянуть глубже, взаимные токи текли в обе стороны. Например, философская проза Ральфа Эмерсона благотворно повлияла на мировоззрение и творчество Льва Толстого.

И в планетарном смысле у нас много общих целей с Америкой. Однако толерантная благожелательность к заокеанской стране гнездится лишь в верхних слоях сознания нашего общества – там, где имеет место влияние воспитания и образования, где существуют некий набор общедемократических представлений и склонность к элементарному анализу. Копни же чуть глубже – в личное подсознание, в коллективное бессознательное – там все наоборот, там этот бой идет не прекращаясь. Там многое рассыпается в прах – и демократические навыки, и поверхностные принципы благовоспитанности. А порою там оскаливаются такие звериные рожи! Но кем и с какой целью навязаны нам эти первобытные инстинкты, эти пещерные тени?

### Русский проект

Коммунизм – это маскировочная шкура, наброшенная на имперские аппетиты России.

*Х. Ортега-и-Гассет*

Россия, провозгласив себя в начале XVIII в. империей, продолжила расширение и без того гигантской своей территории. В начале XX в. это расширение внешне и круто изменило свою идеологию. За одну историческую секунду (в течение нескольких месяцев) царизм сменили на «коммунизм». Мистически одаренный философ и поэт Даниил Андреев, отнюдь не сочувствовавший коммунизму,

тем не менее не мог не отметить глобальных по замыслу и масштабу претензий этой доктрины («Пролетарии всех стран...»): «Россия стала первой страной, вооруженной такой идеологией, какая могла бы, в принципе, распространиться на все страны земного шара. Даже больше того: в Доктрине был заложен такой импульс к расширению, который предполагал своим пределом именно только границы планеты. Когда мы говорим о мировых империях или мировых претензиях великих завоевателей прошлого, от Чингисхана до Наполеона и Британской империи, мы употребляем слово “мировой” в значении условном. Революционная Россия с ее Доктриной была первой в истории носительницей мировой тенденции в совершенно безусловном смысле. Секрет же заключался в том, что вместо мечты о всемирной гегемонии какого-либо отдельного народа (мечты утопической, ибо ни один народ не достаточно многочислен для этого) теперь прокламировалась идея всемирного содружества народов, объединенных новым социальным строем, который должен был возникнуть везде в результате революционных взрывов» [Андреев 1993: 232].

Что касается слов испанского философа о «маскировочной шкуре», то полностью с ними соглашаться не следует. Не слишком вдаваясь в историю русской культуры, он не обратил внимания на связь (отчасти загадочную) одного из архетипов русского подсознания с идеей «всемирного братства». Истоки этой глубокой установки безусловно читаются в словах Апостола Павла из Послания к Колоссянам: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11). Распространению этого принципа в глубоких слоях коллективного бессознательного способствовало удивительное учение, которое серьезные богословы определяют как тайное ядро православного мироощущения. Речь идет о редко упоминаемой в поверхностных слоях культуры православной мистике, сконцентрированной в традиции исихазма (от греч. *исихия* – спокойствие, тишина), об *аскетической и монашеской практике, направленной на «богопознание» и «обожение»* (последнее слово не обязательно трактовать сугубо церковно, его можно понимать как искреннее стремление внутренне приблизиться к высокому и светлому идеалу). Исихазм позволяет уходить от внешнего мира сколь угодно глубоко, но при этом парадоксальным образом в главной точке погружения сила и острота зрения и мысли не исчезают, но, наоборот, нарастают. Это «безмолвие деятельное», это «трезвение и подготовка к борьбе». При этом словно какие-то незримые лучи освещают саму преисподнюю сознания. И лучи эти предельно добры, они накрепко связаны с идеей Блага. В полной мере дано это, разумеется, немногим (наиболее звучные имена очень хорошо известны – Сергей Радонежский, Андрей Рублев, Нил Сорский, Серафим Саровский...). Это трудный путь и рискованный, что, однако, не помешало ему утвердиться в национальном бессознательном. Этим, по-видимому, и объясняется та легкость и даже восторженность, с какой российские массы приняли марксистскую доктрину (даже в ее псевдомарксистских одеждах) – ведь речь шла о стремлении к идеалу, причем эмоциональный экстаз здесь заметно преобладал над рациональным анализом.

Ошибка была в другом. Ставка была сделана на насилие. Владимир Ульянов-Ленин и его последователи стали трагическими заложниками сильных, но опасных и исторически ошибочных заключительных слов «Коммунистического манифеста»: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и

намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией». Во что эта революция обойдется самим пролетариям, авторы этих слов вообразить себе не могли.

Была и вторая ошибка, не менее существенная. Несмотря на постоянные заклинания, почти мантру о «живом творчестве масс», в попытке переделать и мир, и человека усилия большевиков были направлены не на развитие личностного начала в каждом участнике сего грандиозного процесса, а на управляемую вождями и даже манипулируемую ими толпу. Подобный путь изначально был обречен на поражение.

Да, нередко коллективное подсознательное работает жестко. В данном случае оно обреченно идет по пути давно проложенной исторической колеи, первые промоинки которой заметил Алексис де Токвиль еще в первой трети XIX в. Не он ли прозорливо написал, что в предстоящем XX столетии одной половиной мира будут командовать русские, а другой – американцы? На фоне просвещенной Европы, писал он, эти два народа пока не слишком заметны, но они столь быстро и уверенно шагают, что именно им предстоит в будущем делить между собою мир. Что ж, француз оказался прав – в середине прошлого столетия так и оказалось. С 1950 по 1990 г. две атомные супердержавы оспаривали господство над миром, каждая предлагая свою жизненную модель. Американцы – либеральную демократию, Россия – коммунизм (но уже не Марксов, а «марксистско-ленинский»). Это были два великих проекта. Никто из народов ничего подобного ранее не выдвигал.

На протяжении полувека обстоятельства радикально изменились. Советской супердержавы нет. Принцип независимой личности оказался сильнее принципа коллектива, в котором личность растворена. Но национальное подсознание инерционно. В России оно по-прежнему не слишком готово к рациональному анализу. Веруя старым пещерным теням и особому своему мессианскому предназначению, массы, исповедующие древний принцип *вождь и коллектив*, продолжают сражаться с ветряными мельницами и способны загнать страну в исторический тупик.

Но если вопрос о «проекте для всего мира» поставить конкретно, в плоскости реальной геополитики, то уместно спросить: сколько еще стран сознательно или бессознательно готовы выдвинуть подобный проект (другими словами, желают навязать миру свои ценности и свою модель жизнеустройства)? Таких претендентов, «глобальных игроков», кроме США и России (недавнего Советского Союза), сегодня немного. А может, и вообще нет.

Объединенная Европа? Это безусловный полюс силы (мощная экономика, выстраданная на протяжении столетий либеральная идеология, высокоразвитая культура), при этом он представляет собой новейший опыт мирного объединения стран в единый союз. Но одновременно это лоскутное одеяло и, как оказалось, не очень прочное. Исторически совсем молодой союз основательно поглощен своими внутренними проблемами, к которым добавились беспокойные внешние. Уже оформившийся выход Великобритании усилил эти страхи. Иные поговаривают уже о признаках возможного распада. Возникает впечатление, что старушка-

Европа большую часть своих творческих и геополитических сил отдала своим крыльям – западному и восточному.

Считается, что к концу XX в. восточное крыло проиграло великую войну (уже в ее холодном варианте). Однако допустима другая формулировка с довольно внятной исторической логикой: во-первых, войну проиграла не Россия, а коммунистическая империя, а во-вторых, не столько уступила противнику, сколько сама развалилась в силу предельной неэффективности системы. Историческая Россия от этого только выиграла: сбросив псевдокоммунистическую шкуру, она приобрела невиданную прежде свободу. Выход, правда, оказался трудным и противоречивым. Вот почему вопрос о здоровом использовании этой свалившейся свободы населением страны на время повис в воздухе.

Предлагают ли мировой проект страны ислама? Это внушительная часть политической карты мира, более 50 государств. У них грандиозные аппетиты (при необузданной воинственности с заметным средневековым ощущением мира), но им крайне сложно объединиться – не только экономически и этнически, но и религиозно. Более того, у них непрерывные духовные распри, порождающие конфликты и локальные войны, сопровождающиеся выплеском во внешнее пространство энергии террора. К тому же традиционная исламская культура последних столетий не создает питательной почвы для развития наук и технологий, ввиду чего все это необходимо ввозить из развитых стран. Частичный выход из тупика они почти инстинктивно нащупали в виде беспорядочной слепой миграции, своеобразного захвата мира методом «беженцев». Именно это мы сегодня наблюдаем. Это плохо контролируемый, наполовину хаотический процесс. Европе и еще нескольким соседним странам он доставит немало хлопот. Однако это не позволяет сделать вывод о реальном весе исламского полюса силы. Речь идет скорее о необычном и далеком от позитива варианте сетевого процесса. Но главное здесь в ином: ислам (кроме безумного лозунга «уничтожить неверных») не предлагает внятной мировой модели жизнеустройства. Шариат по очевидным причинам такой моделью являться не может.

Нет, не когортой боевой  
На сей раз шло завоеванье,  
А диких беженцев толпой  
Шел Халифат на мирозданье.  
Как слепотой поражены,  
Их всех без боя пропускают.  
Колонны вражеской орды  
Собой Европу заселяют.  
Горит земля от них кругом,  
Стенают местные: доколе?!  
Что заработали трудом,  
Отдать заставят поневоле.  
Все мертво посреди степей,  
Теперь в Германию скорей,  
Да к Скандинавии бескрайней.  
Тут стоны жен, и плач детей,  
И муэдзина крик печальный.

А можно ли как новый полюс силы и как автора новой мировой модели рассматривать огромный Китай, внушительный уже сегодня и продолжающий крепнуть? С одной стороны, высказываются опасения о возможном китайском натиске на прилегающие земли, да и на весь мир, с другой – историки знают, что на протяжении тысячелетий это замкнутая самодостаточная страна, которой всегда хватало собственных пространств. Нынешний Китай отчетливо понимает свое величие, но это не подвигает его к воинственной риторике, более того, его внешняя политика дышит спокойствием, благоразумием и даже осторожностью. Слоном в посудной лавке эту страну никак не назовешь. Впрочем, это не мешает китайцам размещать в нужных им точках полигоны ракет с ядерными боеголовками, причем о целях для этих ракет не говорится ни слова. Есть еще и третий момент: уже давно имеют место стихийная миграция, неспешное просачивание китайцев сквозь границы самых разных стран, многочисленные китайские колонии во многих крупных городах мира и т. п. Если все это системно взвесить, то станет ясно, что в целом картина далека от простоты. Здесь есть над чем поразмыслить. Тем не менее о единой «китайской модели» для всего мира речи нет и в помине.

Возникает серьезный вопрос: возникшая новая Россия (формально демократическая и рыночная) освободилась ли от вековечного стремления не просто ощущать себя мировым полюсом силы, но и – якобы во имя защиты суверенитета – демонстрировать это доступными ей способами (иные из которых как раз напоминают слона в лавке)? Готова ли она отказаться от бряцания оружием, от воинственной риторики, от военных авантур как на собственных границах, так и в иных точках планеты? О, как хотелось бы о подобной готовности думать «цивилизованному Западу», то есть той Атлантической, Белой, христианской цивилизации, к которой Россия принадлежит и в историческом, и в расовом, и в культурном отношении. Разве не настало время эту «возмутительницу спокойствия», эту лохматую, норовистую страну причесать, принарядить и указать ей почетное, но соответствующее ее реальному весу место в ряду цивилизованных стран? Но такое, к вящему огорчению стран Атлантики, еще не стало реальным фактом.

Есть очаги напряжения в мире, есть... Есть весьма тяжелые проблемы типа радикального исламского терроризма. Но все они – даже в наиболее жутких вариантах, когда кровавое безумство помножено на средневековую дикость – не грозят планете мировым пожаром. Не совсем так с Россией – с ее тысячами ядерных боеголовок и фантомными имперскими болями. Вот где требуется политика крайне взвешенная и осторожная. Однако вставшая в некий новый авторитаризм страна, опираясь не то на концепции надуманного неоевразийства, не то на отдающую национализмом идею «русского мира», не то на мутную идею «суверенной демократии», а на деле ради возврата хотя бы малой части прежних колоний и слабого отблеска прежнего «имперского» величия готова не только к отказу от соблюдения международного права, но даже и к локальным войнам. Как такое могло случиться? Почему? Атлантический, христианский, демократический Запад этого не ожидал. И оказался достаточно слеп. Дело в том, что современная Россия все еще остается в значительной мере заложницей имперского фантома – «православие-самодержавие» плюс весьма условная «народность» плюс тайная вера во «всемирное братство», к установлению которого мы «исторически обязаны приложить свою руку». Однако нынешнее соотношение демографических, экономических и военных сил в системе «Россия – Запад» от прежнего величия почти ни-

чего не оставило. Но сама Россия (что правители, что народная масса) ни осознать, ни признать это пока не в силах. Ибо имперский импульс заложен весьма глубоко, он запрятан в нижних слоях уже упомянутого коллективного подсознания, которое оказалось поразительно устойчивым и которое рациональному анализу не слишком поддается. Вот почему многое в поведении нынешней России кажется иррациональным, да в сущности таким и является. Есть основания думать, что это обстоятельство составляет (наряду с исламским экстремизмом и международным терроризмом) основное содержание новейшей эпохи – ближайших лет, а может быть, и десятилетий.

### Взгляд из будущего

Одна лишь мысль о завершенной, целостной истории может придать смысл отдельному историческому событию.

*Э. Мунье*

В свете очевидных тенденций объединения мира (которые далеко не всеми приветствуются, но объективный характер которых отрицать невозможно) несколько по-иному выглядят многие события минувших столетий. Историческая необходимость пресловутой глобализации вытекает из фундаментального противоречия между растущим человечеством и конечностью нашей родной планеты. Когда К. Маркс и Ф. Энгельс писали свой знаменитый «Манифест», на всей Земле жил всего один миллиард человек. Прошло всего полтора века, а нас уже всемеро больше. Планета занята практически вся. Неосвоенных земель больше нет. В сложившейся ситуации страны и народы вынуждены договариваться. Формы договоров могут быть самыми разными, но общую логику процесса, опирающуюся на здравый смысл, можно изложить в виде трех взаимосвязанных тезисов:

- все страны и народы должны жить в мире;
- они должны обмениваться товарами, научными открытиями, технологическими достижениями и культурными ценностями;
- при взаимодействии культур более развитые должны благотворно влиять на менее развитые, что не отменяет равноправного диалога, ведущего к общему развитию всех.

Именно в этом тройном долженствовании состоит фундаментальная логика глобализации. Хотел бы я посмотреть на тех политологов, которые осмелились бы какой-то из этих тезисов оспорить. Но это вовсе не отменяет того, что сама глобализация являет собою процесс сложный, противоречивый, в чем-то болезненный, избилующий недостатками или прямыми человеческими ошибками. При этом ему, как и многим иным историческим процессам, присущи фазы подъема и провала, наступления и отката. Я бы не удивился, если бы нашелся гениальный «новый Кондратьев», который открыл бы «большие волны», характерные именно для этого процесса.

Сегодня, во втором десятилетии XXI в., мы, земляне, в отношении глобальных волн находимся в очевидной фазе отката. Мы вынуждены фиксировать (некоторые – с откровенным недоумением), что у глобализации множество противников в разных слоях общества и в разных уголках планеты. Для многих пресловутая глобализация – это опасение быть завоеванным превосходящей внешней

силой, страх исчезновения собственной культурной идентичности. Даниил Андреев глубоко понимал это еще в середине прошлого века. Не случайно он упоминает «возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира – это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству “князя мира сего”, к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву» [Андреев 1993: 10].

Ныне мы все более отчетливо видим, что грубый, силовой способ объединения мира или его отдельных регионов прямо на глазах уходит в прошлое – что, увы, не исключает сегодня и в ближайшем будущем неприязни, вражды, террористических выпадов и даже отдельных локальных войн. Логику этого неприятного процесса отчасти можно понять. Мир не готов к объединению из-за наличия большого числа сырых, рыхлых территориальных образований, неких полугосударств, еще несущих из прошлого этнические и культурные противоречия и варварские обычаи. Но из рыхлых кирпичей прочного здания не построишь. Вот почему идет болезненная притирка отдельных областей и регионов, не до конца вызревших культур и идеологий. Идет трудный поиск таких зрелых единиц, которые лишены тяжких внутренних конфликтов и которые смело смотрят в будущее, открыты дружескому и плодотворному объединению.

### **Великое христианское кольцо**

Если ты построил воздушные замки, это вовсе не значит, что твой труд пропал напрасно: именно так и должны выглядеть настоящие замки. Осталось лишь подвести под них основание.

*Г. Торо*

Присмотримся внимательнее к некоторым событиям XVI–XVII вв.

Несколько столетий русские люди упорно шли на восток. Зачем? Кто их гнал? Ведь даже европейская Россия была практически пуста, Заволжье, калмыцкие степи... Но прошли огромные азиатские пространства и вышли к океану. Переплыли его и достигли Калифорнии и Аляски. То же и американцы. Переплыв Атлантический океан, они два столетия упорно шли на запад, вышли к другому океану. Возникает загадочное впечатление, что пионерская экспедиция «Мэйфлауэра», то есть исход отцов-пилигримов на запад, и поход русских казаков в Сибирь и на берега Тихого океана словно бы преследовали общую глубинную цель, на уровне здравого смысла неосознаваемую, – выстроить и замкнуть некое цивилизационное кольцо. Совершали это уроженцы Европы, представители двух ее крыльев: люди христианского вероисповедания, протестанты, с одной стороны, и православные – с другой. Но в беспримерном этом религиозно-географическом стремлении догматические споры конфессий не могли иметь особого значения. Сравнительно недавно, каких-то двести лет назад, русские и американцы встретились на Аляске и в Калифорнии. С тех пор Сан-Франциско смотрит поверх необозримой толщи вод в сторону Владивостока. Русский город Петропавловск со сво-

его холодного огнедышащего полуострова смотрит сквозь океанскую дымку на Сиятл и Ванкувер.

Взглянем на глобус. Пространство между тридцатой и шестидесятой параллелью выглядит кольцом, которое надели (или даже нахлобучили) на Северное полушарие. Это пространство благодатных земель, не слишком жарких, но и не слишком холодных. По северной линии в цепочку выстроились Рейкьявик, Дублин, Глазго, Осло, Стокгольм, Хельсинки, Петербург, Якутск, Магадан... Ближе к югу кольца им отвечают Вашингтон, Нью-Йорк, Балтимор, Норфолк, Мадрид, Рим, Афины, Салоники, Пекин, Сеул, Токио. Еще южнее, по самой кромке кольца, идут Лос-Анджелес, Хьюстон, Новый Орлеан, Триполи, Каир, Иерусалим, Басра, Дели, Лхаса, Шанхай... Кольцо это – главная суша планеты. Именно здесь сложилась цивилизация, новая и новейшая в особенности. А с точки зрения географии конфессий именно в этих пространствах сложилась и существует по сию пору культура христианская. Она же – европейская. На самом деле это одно и то же.

Здесь имеет смысл вспомнить фразу К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что революция в России может послужить запалом для революции мировой (из предисловия к русскому переводу «Манифеста»). Когда были сказаны эти слова, мальчику Володе Ульянову в провинциальном городе Симбирске исполнилось двенадцать лет. Через три-четыре года он их прочтет, и они захватят все его существо. Эта мысль определит тактику и стратегию его жизни, а также финальную цель, к которой он будет пробиваться с фантастическим (и фанатическим) упорством. Когда случится Октябрьский переворот, не пройдет и двух месяцев, как А. Блок устами своего героя, длинноволосого писателя, прошепчет: «Предатели! Погибла Россия!» Только что разогнали Учредительное собрание, никто еще ничего не понимает, а поэт Блок не только видит и знает, но и сообщает стране и миру, что Россия погибла. Во всяком случае, от той России, в которой выросли, которую любили Блок, Бунин, Куприн, Бердяев, Рахманинов, Шаляпин, Стравинский, Репин, Цветаева, Анна Павлова, Прокофьев, Сикорский, Зворыкин и тысячи других славных сынов и дочерей земли своей, останутся одни клочки. Тот чудовищный монстр, который вскоре зашевелит своими усами и мохнатыми лапами на ее развалинах, даже постесняется принять ее имя. Он будет называть себя выдуманной аббревиатурой, не имеющей какой-либо географической или национальной привязки. Он будет гордо (и даже нагло) раздувать щеки, называя себя явлением *всемирным*, но вранье это долго (по историческим меркам) не продержится. И все рухнет. Быстро побегут десятилетия. Но и сегодня остается признать, что страна, которая ныне пытается называть себя Россией, той исторической Россией тоже не является. Бесы еще не изгнаны.

Что ж, четырехсотлетний эксперимент по оккупации, по взятию в плен собственного народа, по превращению его в раба даром испариться не может. Россию нынешнюю поставить на правильные рельсы будет стоять невероятных трудов (нужны, как майский дождь, неожиданно проснувшийся в своей творческой свободе народ и гениальный президент – умный и по-человечески порядочный). Но историческое счастье (точнее, надежда) в том и состоит, что иногда чудеса сбываются. Это редкая, но важная особенность нашего мира. Это надо понимать.

И относиться к этому нужно с душевным теплом и с готовым к озарению мозгом. Даже на Небесах понимают, что без свободной и творчески действующей России удержать планету в порядке возможности нет.

Вернемся в этой связи к образу нахлобученного на земной шар кольца. На средней линии этого кольца разместились не только осевой ареал земного сердца, но и почти все страны и народы, создавшие культурный фонд современного человечества. Грандиозные постройки, распаханные поля, дворцы и храмы, религиозные доктрины, великие мыслители Осевого времени и последующих столетий, науки и ремесла, живопись и музыка, театр и поэзия, морские экспедиции и землепроходцы, игры и человеческие причуды – все это родилось и процветало фактически в пределах данного поистине великого Кольца.

Да, планета надежно окольцована. Почти как Сатурн. Но в ином смысле.

Мы уже видели, что в окончательном замыкании этого кольца главную роль сыграли русские и американцы. Когда в середине XX в. европейской части кольца (казалось бы, сердцу ее культуры) стала грозить античеловеческая чума в худшем ее языческом проявлении, именно американцы (в союзе с британцами) и русские протянули друг другу руки. Они вместе воевали против озверевшей Центральной Европы. Той Европы (позорно, жутко изменившей самой себе, предавшей элементарные идеалы человечности), точнее, той части Европы, которая, впав в кровавое неоязычество, пыталась отринуть Христову истину – во имя националистического безумия, во имя Освенцимов и Бухенвальдов, во имя Саласпилса и Бабьего Яра. И вместе победили. И на дымящихся развалинах Европы сошлись в теплом рукопожатии. Про холодную войну временно забудем, это была печальная историческая инерция (противостояния двух вековых проектов), почти неизбежная. Вопрос заключался в том, как ее преодолеть, не сползая в новую бойню. Ведь когда Европа вернулась к относительному человеческому порядку, стали возникать (поначалу робко) идеи единой планетарной семьи. Если задуматься сегодня об устойчивости описанного выше Кольца, то становится ясно, что роль Америки и России здесь по-прежнему первостепенна. Из всех рассмотренных выше сценариев планетарного объединения живую силу сохраняет лишь один – стратегический союз США и Российской Федерации. Но уже не для завоевания мира – ни в коем случае, а для его процветания. Это не союз против кого-то третьего, а союз для пользы всех. Этот союз есть некое принципиальное расширение союза Атлантического. Здесь нет противоречия. Россия – по глубинному смыслу культуры своей – страна атлантическая. Другими словами – европейская и христианская. То, что более половины ее находится в Азии, что другим концом она выходит к Тихому океану, ничего не меняет. Америка тоже одним из концов выходит к тому же Тихому океану. Как раз здесь и торжествует идея Кольца.

Я знаю, что мысль эту сегодня многие не поймут и не поддержат как в самой Америке, так и в иных краях планеты. Причины этого понятны, их три: во-первых, Россия экономически слаба, почти ничтожна (несколько процентов от экономики Запада); во-вторых, эта слабая страна кичится военной силой и ведет себя неадекватно, порою просто по-хулигански. Но есть высокая надежда считать последнее явлением временным и – по отношению к истинной глубине русской культуры – поверхностным. А все поверхностное смывается и неожиданно, и

быстро. При этом важно осознать: сохранение целостности России – в интересах всего мира. Ибо за этим кроется воистину человеческий мировой порядок. Третья причина – недоверие, даже нелюбовь к Америке, гнездящиеся в разных краях планеты. Что ж, перед Соединенными Штатами стоит насущная задача – вменяемой политикой это доверие к себе вернуть.

В метахристианском поле существуют три центра ментальной силы, они же три центра веры. Иудаизм – как дохристианская религия. Ислам – как послехристианская. Ну, и само христианство – как средний член. Последователи Мухаммеда с невиданным упорством сражаются на два фронта. Они считают, что правда в этом великом поле одна, и это – их правда. Они полагают свою религию новейшим изданием в истории и, следовательно, самым верным. Но они не задумываются о возвратных волнах истории. Ведь по их логике чем новее ересь, тем правдивее (тогда следует почитать всякого рода новейшие ереси, коих только за последние два столетия возникло множество). По милости боевитых мусульман борьба ныне развернулась нешуточная. С иудеями ясно. Их монотеизм был велик. Он и сегодня хранит черты величия, но кое-что стареет прямо на глазах. Ветхий Завет и вправду несколько обветшал. Это великий текст, но его уже возможно читать просто как потрясающую литературу. Талмуд, хасиды? Экзотично, но старомодно. Каббала? Развлечение для юношей. Христианство возникло в пространстве иудаизма как ересь. Как очередная смута, которых в истории любой религии немало. Но постепенно становилось ясно, что это не столько ересь, сколько потрясающий миф, наделенный невиданной ранее гуманистической глубиной. Это была великая очищающая революция (ортодоксальные иудеи не должны обижаться, ведь это они придумали христианство). Последующие века гонений на иудеев – печальная историческая aberrация (которой, надо надеяться, все-таки приходит конец, и в этом главный смысл небывалого исторического события – восстановления через две тысячи лет (!) государства Израиль). На деле же христианская страстная мысль – не столько в церковном смысле, сколько в общекультурном – открыла людям поразительные перспективы развития. Именно эта культура вела к великому искусству, к непередаваемо смелой науке, к фантастически глубокой идее богочеловека и богочеловечества, открывшей просторы истинного гуманизма.

Идее Кольца не противоречат мирное существование или даже развитие буддизма, индуизма и других мировых религий. Скорее они системно дополняют общемировое пространство веры. Чуть сложнее с исламом. Вспомним, однако, что в Коране присутствуют и пророк Моисей, и Дева Мария. Это тоже авраамическая религия, поэтому плодотворный союз с ней не только возможен, но и желателен. Поэтому речь не должна идти о войне с исламом как таковым. Настала пора ставить вопрос о новом и широком экуменизме, когда церковные верхи предпримут серьезные попытки для мирного объединения народов и конфессий. В этом смысле к Кольцу должны присоединиться (в духовном смысле – на равных) все *религии света* (именно эту мысль выдвигает Даниил Андреев, а сам союз светлых религий обозначает как Розу Мира).

Что обычно называют чувством *веры*? Это объективные волны в области духа и духовности, и напрямую с успехами наук они не связаны. Более того, сейчас сама наука (в наиболее продвинутых областях – космологии, космической антропологии, генетике, теории вероятностей, квантовой физике) отваживается на по-

иски оснований мира и его эволюции за пределами традиционной материальности. В научных журналах и книгах последних лет вполне здраво и в традициях научного дискурса ставится по-новому важнейший вопрос (выше он уже не раз упоминался) – о «разумном замысле мира», о Вселенной как «сетевом сознании», о «целях» эволюционного развития, о вероятностных основаниях самопроизвольного развития сложных систем. В этом смысле наука очевидным образом сближается с некоторыми направлениями «богословской диалектики». Одним из ярких примеров подобного сближения служит творчество крупного антрополога и философа XX в., убежденного христианина и даже члена «Общества Иисуса» Пьера Тейяра де Шардена. Не избегали религиозных мотивов при обсуждении устройства мира Иван Павлов, Владимир Вернадский, Альберт Эйнштейн, Марри Гелл-Манн и другие большие ученые. В наши дни серьезный интерес естествоиспытателей к глубинам религиозной проблематики продолжает нарастать.

Таким образом, подъем «новой религиозности» (по своим причинам в исламе, по своим – в христианстве, по своим – в мистике восточных религий) не только не удивителен, он в достаточной мере предсказуем. В этом плане несколько по-новому надо смотреть на такое уже вполне знакомое явление, как свободное мышление образованных людей, не связанное с какими-либо церковными догмами. Понятно, что это не официальный, насаждавшийся в СССР научный атеизм, который, несмотря на пышное название, был собранием довольно примитивных агиток и своеобразных коммунистических догм (типа «воинствующего материализма»). Нет, речь идет о том, что высокообразованный человек может проявлять интерес к духовным запросам, способен придерживаться норм высокой нравственности и морали вне каких-либо церковных институтов, вне каких-либо религий и конфессий, в размышлениях о Небе ему не нужен посредник. Вполне уместно назвать это явление *высоким атеизмом*. Отряд такого рода людей в науке и культуре впечатляюще велик, и он тоже нарастает. По известным причинам ныне публично объявлять себя атеистом «немодно», однако таких людей много, и мы отлично это понимаем. В современном обществе идут противоречивые процессы: вчерашние атеисты вовлекаются в лоно церкви, вчерашние «верующие» становятся откровенными вольнодумцами. В сущности, это нормальный процесс. Здесь важна мягкая и благоразумная политика церквей, представляющих основные мировые религии. Разумный и толерантный диалог различных церквей между собою, равно как их общий разговор с экуменистами и вольнодумцами (высокими атеистами) – неперемнное условие здоровой в духовном отношении глобализации, без фанатизма, фундаментализма и крайностей. А главное – без убийства людей.

### *Рекомендуемая литература*

- Андреев Д. Л. Роза Мира. М. : Тов-во «Калашников, Комаров и Ко», 1993.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 1998.
- Гроф С. За пределами мозга. М. : Изд-во Трансперсонального ин-та, 1993.
- Кацура А. В. «Всемирная отзывчивость», или русский путь к глобализму // Век глобализации. 2008. № 1. С. 144–153; № 2. С. 129–141; 2009. № 1. С. 108–116.
- Кацура А. В. Планетарное человечество (Обрыв истории) // Биосферная совместимость. 2014. № 1(5). С. 28–37.

Кацура А. В. Современное конфуцианство: глобальные мотивы // Век глобализации. 2015. № 2. С. 183–189.

Кацура А. В. Горькое поле свободы // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 108–116.

Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество. На краю пропасти. М. : Проспект, 2016.

Katsura A. V. *America and Russia: a Multipolar World as an Echo of Fear before Future Unification // Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization (Contemporary Russian Philosophy)*. Leiden; Boston : Brill-Rodopi, 2016.

---

## РОССИЙСКАЯ VERSUS РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ АНТИНОМИИ

Моргунов Е. В.\*

*В статье показано, что, несмотря на абсолютное доминирование русского народа в этническом составе населения, российские власти уже на протяжении более 15 лет упорно организуют провальные кампании поиска именно российской идентичности вместо того, чтобы опереться на идентичность большинства – русского народа, который имеет многовековую историю и даже, по признанию самого Владимира Путина, де-факто является государствообразующим в России. Автор обосновывает именно экономические причины отказа от русской идентичности в пользу российской. Эти причины связаны прежде всего с нечестно проведенной приватизацией в 1990-х гг. и нежеланием пересмотра ее итогов.*

**Ключевые слова:** Владимир Путин, государствообразующий этнос, население, приватизация, Россия, русская и российская идентичность, русский народ, экономика.

*The article shows that despite the overwhelming dominance of the Russian people in the ethnic composition of the population, for over fifteen years the Russian authorities persistently organized failing companies of search for 'Russian identity', rather than relied on the ethnic identity of the majority – of the Russian people, who has a long history and according to Vladimir Putin is de facto the state-forming in Russia. The author proves that the Russian ethnic identity is rejected in favour of the 'Russian' due to economic reasons. These reasons are associated primarily with the unfair privatization in the 1990s and unwillingness to revise the results of privatization.*

**Keywords:** Vladimir Putin, the state-forming ethnos, the population, privatization, Russia, Russian and Russian ethnic identity, the Russian people, economy.

**Введение.** Как показывает контент-анализ СМИ и блогосферы, так называемые русские националисты (Егор Просвирнин, Егор Холмогоров и многие другие публицисты) от валдайской речи Владимира Путина (2013 г.) и провала «русской весны» на Украине зачастую впадают в «плач Ярославны», а зря. У «поисковиков» российской идентичности наличествует когнитивный диссонанс. Ниже попробую этот диссонанс охарактеризовать.

Итак, суть когнитивного диссонанса: есть русский народ (80 % населения РФ), есть русский язык (государственный язык РФ), есть русская литература – один из столпов не только европейской, но и мировой культуры, есть русская история, непрерывно продолжающаяся как минимум с середины IX в. до 1991 г., но с 1991 г. она прекращается – ну прямо по Фрэнсису Фукуяме: конец истории для

---

\* Моргунов Евгений Владимирович – к. э. н., заведующий лабораторией ИСЭПН РАН. E-mail: morgun1976@mail.ru.

отдельно взятого народа, конец русской государственности, – и начинается... российская история российского народа, и никак иначе.

При этом «поисковики» российской идентичности никак не могут определиться, кто такие «россияне», почему в своем большинстве они предпочитают изъясняться на русском, а не на российском языке (за неимением оногo) и воспитывать своих детей на основе русского культурного кода. Апогеем того, что русскость все же в России никуда не исчезла, служат слова из валдайской речи Владимира Путина: «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как “цветущая сложность”, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» [Выступление...].

Однако К. Леонтьев говорил и многое другое. Например, о вреде естественнонаучного образования и науки в целом для России. Так, проводимую реформу РАН следовало бы подкрепить вот этим: «На ученых съездах все только разбирают, собирают, постигают, определяют, распределяют, но ничего не созидают и создать не могут. Ибо действительное созидание бывает всегда полусознательное, или почти бессознательное, а не рациональное...» Ну и самое главное: необходимо «закалить наши силы терпением и любовью к предрержащим властям за то уже, что они Власть...», а как венец всего – вечно-классическое: «...надо подморозить Россию, чтобы она не “гнила”...» [Сергеев].

Иначе говоря, Власть (государство) выше всего, все остальное, в том числе и русский народ, и его культура и идентичность, – всего лишь материальные и духовные скрепы государства, а никак не носитель суверенитета и единственный источник власти (совместно с другими коренными народами) в России. Почему так происходит на практике и в идеологических установках российской власти и окол властного экспертного сообщества, рассмотрим ниже.

**Экономическое измерение отказа от русской идентичности в пользу российской.** Как известно, после августовских событий 1991 г. начался этап форсированной приватизации. В его основу были положены указы Президента РФ Бориса Ельцина № 341 от 29.12.1991 г. «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год» и № 66 от 29.01.1992 г. «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», а также государственная программа приватизации на 1992 г., принятая Верховным Советом РФ в июне 1992 г.

Первым этапом ускоренной приватизации стала ваучерная приватизация (1992–1994 гг.). Ей предшествовали законодательные акты Верховного Совета РСФСР, принятые летом 1991 г., которые предусматривали выкуп государственных предприятий и их преобразование в акционерные общества. Уже этот этап приватизации многие эксперты считают нечестным, несправедливым – ваучерная приватизация привела к неза заслуженному резкому обогащению узкой группы лиц, которая и до сих пор является «бизнес-элитой», крупнейшими собственниками в России. Вот, например, потрясающий ответ Анатолия Чубайса на обвинения в нечестности ваучерной приватизации: «Мы не могли выбирать между “честной” и “нечестной” приватизацией, потому что честная приватизация предполагает четкие правила, установленные сильным государством, которое может обеспечить соблюдение законов» [Чубайс 2004].

Вторым этапом форсированной приватизации стали залоговые аукционы. Они были проведены в 1995 г., как раз после расстрела Верховного Совета, принятия

суперпрезидентской Конституции (конец 1993 г.) и перед президентскими выборами 1996 г.

Официально целью залоговых аукционов стал тезис: пополнение государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупных компаний (таких как «ЮКОС», «Норильский никель», «Сибнефть»). Правительство РФ не возвратило кредиты, таким образом, пакеты акций перешли в собственность кредиторов. Сумма средств, которые получило правительство, составляла всего около 1,85 % доходной части федерального бюджета [Залоговые...].

Идею аукционов с целью пополнения бюджета выдвинул Владимир Потанин, возглавлявший «ОНЭКСИМ-банк». Инициатива была поддержана тогдашним первым вице-премьером правительства Анатолием Чубайсом и вице-премьером Олегом Сосковцом (именно последний, по словам тогдашнего председателя Центробанка РФ Сергея Дубинина, первым поставил вопрос о проведении аукционов на заседании кабинета министров. Курировал проведение аукционов глава Госкомимущества Альфред Кох [Дубинин]).

В результате залоговых аукционов появились олигархи-миллиардеры (Борис Березовский, Михаил Ходорковский, Роман Абрамович и др.), которые и организовали перевыборы Бориса Ельцина с помощью непосредственного спонсирования его предвыборной кампании, музыкальных туров по стране популярных артистов, а самое главное – с помощью консолидированной кампании в СМИ.

Так, перед выборами тиражом 10 млн экземпляров выходила бесплатная еженедельная цветная газета «Не дай Бог!», печатавшая негативные материалы в адрес Геннадия Зюганова – главного соперника действующего президента Бориса Ельцина. Важными тезисами газеты являлись начало гражданской войны в случае победы Г. Зюганова, начало массовых арестов и расстрелов, голод.

Несмотря на всю пропаганду, Б. Ельцин с трудом, но де-юре выиграл выборы (53 % во втором туре), однако, по мнению экспертного сообщества, он де-факто проиграл. Так, например, Андрей Васильев считает, что рейтинг Ельцина был «раздут» с помощью административного ресурса, и запоздало сознается: «А вообще-то, строго говоря, надо было, ну, как бы сказать? Ну, позволить России совершить демократический выбор. Он был – этот выбор за коммунистов» [Васильев].

С современных позиций подливает масло в огонь нелегитимности приватизации и переизбрания Б. Ельцина и А. Чубайс. Он оправдывает проведение залоговых аукционов следующим образом: «Если бы мы не провели залоговую приватизацию, то коммунисты выиграла бы выборы в 1996 г., и это были бы последние свободные выборы в России, потому что эти ребята так просто власть не отдадут» [Чубайс 2004].

А вот история и народ рассудили по-своему. Так, в целом большая часть населения России негативно относится к итогам приватизации. Как показывают данные нескольких социологических опросов, около 80 % граждан РФ считают ее нелегитимной и выступают за полный или частичный пересмотр ее итогов. Около 90 % придерживаются мнения, что приватизация проводилась нечестно и крупные состояния нажиты нечестным путем (с этой точкой зрения также согласны 72 % предпринимателей). Таким образом, в российском обществе сложилось консенсусное неприятие приватизации и образованной на ее основе крупной частной собственности. Более подробный социологический и институциональный анализ проблемы легитимности приватизации представлен в эссе Р. Капелюшникова [Капелюшников]. При этом стоит отметить три момента:

1) автор эссе входит в аналитический ступор при оценке перспектив переосмотра итогов приватизации: так, он прекрасно показал, почему дворянские вольности XVIII в. породили Емельяна Пугачева и 1917 год, но что касается приватизации 1990-х гг., то нужен (с его точки зрения) не возврат (национализация) приватизированной собственности, а «гомеопатия» – методичное, скрупулезное, пошаговое снижение градиента ее нелегитимности государством;

2) автор эссе, как и большинство российских либералов, видит постприватизационную ситуацию в образе «треугольника», углами которого являются олигархи, государство и население (индивидуумы, сумма *Homo economicus*), но совсем не желает видеть такую общественную единицу (актора), как народ, и прежде всего русский народ, который, смею надеяться, никуда не денется, а соцопросы как раз и показывают, что большинство недовольных итогом приватизации как раз совпадает с национальным (русским) большинством – 80 %;

3) и именно потому, что все – народ, государство и крупные собственники (олигархи) – осознают, что приватизированная собственность формально легальна, но нелегитимна, всегда можно ее отобрать, найдя вполне законный предлог, страна не развивается – ни экономически, ни политически, ни социально, так как правящая олигархия хорошо понимает, что демократизация общества приведет к законному требованию народа к государству и олигархам: верните нашу собственность, прежде всего – доходы от нее (ренту).

В заключение раздела хочется вслед за Р. Пайпсом [2001] отметить, что общественные гарантии собственности и личной свободы (демократии) тесно взаимосвязаны: если собственность в каком-то виде еще и возможна без свободы, то обратное немыслимо. При этом собственность нельзя упразднить – вопрос лишь в том, кто ею обладает.

Непосредственно наше видение решения проблемы нелегитимности приватизированной собственности – введение понятия «частная собственность коренного народа» и закрепление его (понятия) и объектов собственности в Конституции. Например, земля, недра – это абсолютная частная собственность русского и других коренных народов России, переменной частной собственностью (ее ввод и вывод из собственности решается на общероссийском референдуме) могут быть инфраструктура, компании общероссийской значимости и т. д.

В этой связи важен не только титул собственности, но, естественно, доход с нее (рента). Она должна составлять не менее 25 % дохода хозяйствующего субъекта и не идти в госбюджет, а распределяться посредством национального дивиденда между всеми гражданами России. Тем самым, с одной стороны, мы снижаем стимулы к коррупции, с другой – у госорганов поневоле появляется стимул развивать (диверсифицировать) национальную экономику, чтобы повысить налогооблагаемую базу бюджета, а не формировать его за счет рентных доходов (прежде всего нефтегазовых).

**Эволюция поиска идентичности в постприватизационный период.** Возвращаясь к тематике поиска новой (русской) идентичности, можно отметить следующее. В период 1991–1996 гг. российской (прежде всего президентской) власти было не до высоких материй – национальной идеи и национальной идентичности, она проводила приватизацию общенародной собственности и самоукрепление, и только после выборов 1996 г. у российской власти начинается эпопея поиска национального смысла существования россиян в «приватизированной» России.

Первым «поисковиком» национального смысла жизни россиян стал советник президента РФ Бориса Ельцина Георгий Сатаров, который благополучно и прова-

лил задание власти, уйдя в отставку в 1997 г. В этот момент началась реорганизация администрации президента. По заявлениям Сатарова, он ушел сам, решив вернуться к аналитической работе в фонде ИНДЕМ. Следующие витки поиска национальной идентичности и идеи связаны уже с эпохой Владимира Путина.

В 1999 г. Владимир Путин поручает Герману Грефу и Центру стратегических разработок придумать национальную идею для России как великой державы. И так же, как и Г. Сатаров, Г. Греф априорно не знает, какова национальная идея: «...Я не знаю, что такое национальная идея. Чистый американизм – “машина, дом, семья” – нам не подходит. Хотя, конечно, это прекрасно технологически сформулированная формула очень богатой концепции. ...Я не могу отвечать за программу, если сменится премьер» [Левин 1999].

В 2004 г. В. Путин видит национальную идею уже вот так: «Нам нужно быть конкурентоспособными во всем. Человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна. Вот это и есть наша основная национальная идея сегодня» [Свобода... 2004]. При этом конкурентоспособность – это способность превзойти конкурентов в заданных условиях, иначе говоря, в качестве формулы национальной идеи президент РФ предлагает неолиберальный вариант формулы Томаса Гоббса: война всех против всех за место под солнцем, кто конкурентоспособен, тот и прав.

Однако уже в 2011 г. Владимир Путин о национальной идее сказал следующее: «Мне очень часто задают этот вопрос, и я позволю себе повториться и процитировать Александра Солженицына, который однажды назвал нашей национальной идеей “сбережение народа”. В этой фразе, собственно, и заключена главная цель современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни» [Путин назвал...].

При этом с А. Солженицыным и его «сбережением народа» (как и с К. Леонтьевым) у В. Путина вышел идеологический промах: русский философ латентно говорил о конкретном народе – русском: «...“Сбережение народа” – и в самой численности его, и в физическом, и нравственном здоровье – высшая из всех наших государственных задач. (В частности, в отношении 25 миллионов наших соотечественников<sup>1</sup>, отрубленных от России очумелым беловежским сговором, – наше законодательство безответственно и истерически металось, противореча и само себе.) Все меры по поднятию общенародного жизненного уровня – в бытовом, пищевом, медицинском, образовательном и моральном отношениях – и суть действия по сбережению народа. К этой цели должна быть настроена вся атмосфера жизни в стране» [Александр Солженицын...].

А. Солженицын высказывался и о демократии, ему, как и В. Путину, не нравилась ее западная (либеральная, партийная) модель, но ему не нравилась и российская суперпрезидентская республика, он считал, что «здоровое демократическое устройство может терпеливо вырасти только снизу, от локальных объединений местного значения. Только так ведущими станут интересы разумные и всеобщие – производственные, профессиональные, природоохранные, культурные, образовательные и другие подобные. Это очень трудный путь, ибо будет встречать бюрократические преграды на многих уровнях. Но и за суматохой межпартийной борьбы – мирное будущее мне никак не прорисовывается. Демократию, начатую с действенных местных самоуправлений и поступенчато поднятую до

<sup>1</sup> За пределами России проживает 25 млн не вообще соотечественников, а именно представителей русского народа (великороссов).

Верховного Земского Собора, я считаю наиболее здоровой для России – и наиболее верной ее традиционному духу» [Александр Солженицын...].

С нашей точки зрения, после российских выборов 2011–2012 гг., которые многие посчитали не особо честными, можно как раз и наблюдать как гражданскую самоорганизацию народа снизу, так и административно-репрессивное давление на зачатки самоорганизации народа сверху. В то же время даже не российский, а именно украинский опыт 2013–2016 гг. ярко показывает правоту А. Солженицына: в ответ на киевский «майдан» низовая демократическая самоорганизация русского народа породила такой феномен, как «русская весна», которая уже привела к присоединению Крыма к России (17 марта 2014 г.). Однако это произошло именно потому, что власти Крыма и России проявили комплементарную чаяниям народа политическую волю.

В мае 2013 г. В. Путин поручает уже омбудсменам<sup>2</sup> изобрести национальную идею. За образец президент РФ посоветовал взять опыт СССР, в котором было понятие «советский народ как новая общность людей». По словам Путина, «это имело сильный консолидирующий эффект». «Если кто-то предложит нечто подобное в новых условиях, было бы здорово», – заявил президент. Омбудсмены напомнили Путину: сегодня это понятие – россияне. На что президент довольно вяло кивнул и промолчал [Путин поручил...]. И понятно почему – советский народ строил коммунизм, светлое будущее человечества, а что построил народ новой России – оценки разнятся, но самая мягкая оценка – олигархический капитализм [Моргунов 2011], в котором основную долю национального дохода присваивает так называемая офшорная аристократия в тесной связке с государственной бюрократией. А что собираются построить россияне в будущем? Вопрос остается открытым...

И наконец, Владимир Путин (не дождавшись удовлетворительного ответа от омбудсменов) в сентябре 2013 г. сам выступает с речью на заседании Валдайского клуба по вопросу национальной (русской) идентичности [Выступление...; Россия...]. Так, по мнению Путина, Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. При этом ей не подходят три типа идеологии. Первый из них – идеология советского времени, от которой общество ушло навсегда. Второй – монархизм и фундаментальный консерватизм тех, кто идеализирует дореволюционную Россию. Наконец, третий тип идеологии, неприемлемый для России, – это западный ультралиберализм.

Президент РФ также призвал представителей различных политических течений к дискуссии о российской идентичности: «Нам всем – и так называемым неославянам и неозападникам, государственным и так называемым либералам, всему обществу – предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с ненавистью отвергая любую другую точку зрения» (Путин 2014). При этом красными линиями, за которые никому нельзя заходить, В. Путин считает принципы суверенитета, самостоятельности и целостности России, с чем нельзя не согласиться.

**Заключение.** Как мы видим на протяжении уже более 15 лет, российская власть, экспертное сообщество ищут национальную идею, вокруг которой можно

---

<sup>2</sup> Омбудсмен (от древнескандинавского *umbod* – «полномочие», «поручение») – гражданское или, в некоторых государствах, должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля за соблюдением справедливости и интересов определенных гражданских групп в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц. Официальные названия должности в разных странах различаются – вот почему нельзя было назвать ее «поручитель».

объединить расколотое российское общество, найти принципы национальной самоидентификации современной России, но пока это не получается ни непосредственно у Владимира Путина, ни у лояльного к власти экспертного сообщества. И причина здесь одна – не там ищут. Как показали украинские события, искать нужно в опоре на национальное (русское) большинство.

При этом смею надеяться, что и сам Владимир Путин в глубине души осознает, что Россия – это русское государство, в котором проживают ряд других коренных народов и представителей других национальных государств, но, как я уже отмечал выше, основным тормозом национального единения и развития (во всех его проявлениях), демократизации общества и признания русскости России служит нечестно проведенная приватизация 1990-х гг. Как говорится, нет субъекта собственности (русский и другие коренные народы, создававшие эту собственность трудом многих поколений) – нет и реституции народной собственности.

И вот власть с 1997 г. все пытается придумать новую национальную общность, как бы совсем не связанную с доприватизационным периодом развития России, и никак не находит. Отсюда и народная нищета, и деградация промышленности, образования, науки и регионов страны, в том числе, как ни странно, Москвы и Петербурга, и неконтролируемая миграция, и вывоз капиталов, и коррупция, и многие другие беды российского государства – страной (ее активами) управляют временщики, понимающие, что их собственность нелегитимна и ее рачительное использование и преумножение бесперспективно; стране нужен хозяин, и этим хозяином (как отмечал еще Федор Достоевский<sup>3</sup>) по праву истории, истории создания, сохранения и преумножения России, может быть только русский народ совместно с другими коренными народами России.

Уберите русский народ из истории России – и самой России не будет, без русского народа, его культуры, без русского духа Созидания не станет и будущего у страны. Вот говорят, в России проживает много других народов, но именно русский народ создал на этой земле (во многом неблагоприятной для жизни) [Паршев 2007] государственность и дал и земле, и государству свое имя<sup>4</sup>. Без реставрации прав русского народа на свое государство, на свою землю (ее недра и другие виды национального имущества), без признания русской идентичности в качестве государствообразующей Россия продолжит свою деградацию. В то же время если будет комфортно русским в своей стране, будет комфортно и другим коренным народам России.

Однако Владимир Путин как президент РФ до сих пор не только не готов к пересмотру итогов приватизации и тем паче – стать национальным лидером реального национального большинства – русского народа, а не мифической российской нации, но и, как показывает экономическая и политическая практика российской власти, она во многом характеризуется как минимум игнорированием экономических, социальных и политических интересов именно русского большинства страны.

И последнее... Как показали крымские события, Россия как государство, основанное на парадигме национальной (русской) демократии, не только не сузится

<sup>3</sup> «Хозяин земли Русской – есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус – это все одно) – и так будет навсегда».

<sup>4</sup> Россия (от греч. Ρωσία – Русь), официально Российская Федерация или Россия, на практике используется также сокращение РФ – государство в Восточной Европе и Северной Азии. Население на 2016 г. составляет 146,5 млн человек (из них 80 % именно русские люди), территория – 17 125 246 км<sup>2</sup>. Занимает первое место в мире по территории и девятое место по численности населения.

до размеров «Московии», но потенциально расширит свои границы, увеличит численность населения, а самое главное (в условиях уже признанного провала европейской политики мультикультурализма) – как минимум сохранит культурную однородность страны. В то же время как минимум медийный (а по сути и практический) отказ Власти от опоры на Концепцию Русского Мира, и прежде всего на политику, получившую мем «русская весна» по опросам ВЦИОМ (май – ноябрь 2015 г.), приводит к тому, что начиная с мая 2015 г. сохраняются выраженные негативные тенденции, свидетельствующие об усилении воздействия кризиса на повседневную жизнь россиян. Развивается тренд ухудшения всех показателей социального самочувствия населения России [Общество... 2015].

### Литература

Александр Солженицын: Сбережение народа – высшая задача [Электронный ресурс]. URL: [http://www.megapolis.kz/art/Aleksandr\\_SOLZhENITsIN\\_Sberezhenie\\_naroda\\_-\\_visshaya\\_zadacha](http://www.megapolis.kz/art/Aleksandr_SOLZhENITsIN_Sberezhenie_naroda_-_visshaya_zadacha) (дата обращения: 22.09.2008).

Васильев А. Интервью на «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/853506-echo/#element-text> (дата обращения: 20.10.2013).

Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 19.09.2013).

Дубинин С. Краткая история номенклатуры [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mn.ru/newspaper\\_opinions/20111003/305437058.html](http://www.mn.ru/newspaper_opinions/20111003/305437058.html) (дата обращения: 20.10.2013).

Залоговые аукционы 1995 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommer sant.ru/doc/151099> (дата обращения: 21.06.2000).

Капелюшников Р. Собственность без легитимности? [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2008/03/27/sobstv/> (дата обращения: 27.03.2008).

Левин К. Национальная идея Путина // Коммерсантъ. 1999. 24 декабря.

Моргунов Е. В. Какой капитализм построен в России? М. : ЦЭМИ РАН, 2011.

Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

Паршев А. Почему Россия не Америка. М. : АСТ, Астрель, 2007.

Путин В. В. 2014. Вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России фундаментальный характер [Электронный ресурс] : Путин сегодня. 5 января. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/50> (дата обращения: 01.03.2017).

Путин назвал новую национальную идею [Электронный ресурс]. URL: <http://news land.com/news/detail/id/712314/> (дата обращения: 01.06.2011).

Путин поручил омбудсменам изобрести национальную идею [Электронный ресурс]. URL: <http://mirnov.ru/arhiv/mn974/mn/02-1.php> (дата обращения: 13.05.2013).

Россия без идентичности [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1\\_identity.html](http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html) (дата обращения: 20.09.2013).

Свобода слова // НТВ. 2004. 13 февраля.

Сергеев С. Путинист Константин Леонтьев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article30191.htm> (дата обращения: 27.09.2013).

Чубайс А. Мы не могли выбирать между «честной» и «нечестной» приватизацией [Электронный ресурс] : Financial Times. 2004. URL: [https://ria.ru/history\\_tochki/20110529/381719738.html](https://ria.ru/history_tochki/20110529/381719738.html).

Общество и кризис. Спецвыпуск № 11. М. : ВЦИОМ, 2015.

---

## НЕРАСКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ\*

Степанянц М. Т.\*\*

*Ход развития Исламской Республики Иран, последовавший за антишахской революцией 1978–1979 гг., требует внесения поправок к данным ранее оценкам идеологии хомейнизма. В статье обращено внимание на нераскрытые смыслы революции под углом зрения оценки причин и последствий архаизации общественных процессов. Иранские события рассматриваются в сопоставлении с политической архаизацией, наблюдаемой в Индии со времени прихода к власти в 2014 г. индуско-националистической «Бхаратия джаната парти» (Индийской народной партии).*

**Ключевые слова:** глобализация, революция, культурная идентичность, развитие, архаизация, религия, политика, культура, национализм, реформаторство, модернизм.

*The development of the Islamic Republic of Iran following the Iranian revolution of 1978–1979, requires amendments to earlier given estimates of Khomeini's ideology. The article focuses on the unrevealed meanings of that revolution from the perspective of the causes and consequences of political archaization. The Iranian events are discussed in relation to political situation observed in India since coming to power in 2014 of the Hindu-nationalist Bharatiya Janata Party (Indian people's Party).*

**Keywords:** globalization, revolution, cultural identity, development, archaization, religion, politics, culture, nationalism, reformation, modernism.

Антишахская революция первоначально была воспринята мировой общественностью как поворот истории вспять, к средневековому укладу жизни во всех областях, включая социально-политическую, экономическую и морально-нравственную. Со временем эта резко отрицательная, даже паническая оценка иранских событий со стороны стала меняться.

Иранисты внесли ясность в понимание многих аспектов происшедших и продолжающихся происходить политических процессов в Иране. Их оценки, безусловно, более аргументированны, основаны на реальности, на знании истории и современности, чем те, которые даются политологами общего профиля. И тем не менее осмелюсь обратить внимание на некоторые до сих пор нераскрытые смыслы. Речь идет, в частности, о причинах, значении и последствиях архаизации общественных процессов.

Первое, что считаю необходимым отметить: архаизация в той или иной степени проявлялась практически веками и повсюду, каждый раз, когда в обществе

---

\* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ № 15-03-00108: «От европоцентризма к межкультурной философии» (“From Eurocentrism to Intercultural Philosophy”).

\*\* Степанянц Мариэтта Тиграновна – д. ф. н., профессор; г. н. с., зав. кафедрой ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур» при Институте философии Российской академии наук. E-mail: marietta\_35@mail.ru.

наблюдалось жесткое противостояние в связи с переломными периодами развития, требовавшими выбора пути выхода к будущему. Примечательно, что в наше время новый цикл архаизации был начат антишахской революцией в Иране. Запущенный процесс продолжает раскручиваться, причем уже не в локальном, а в глобальном масштабе – как в странах, которые принято называть Периферией, так и в государствах Центра, то есть в Европе и Америке. Это свидетельство того, что помимо внутривосточных причин есть **общезначимые**, каковым является кризис модели глобального порядка.

Кризис признается даже представителями элит ведущих западных стран. Свежий пример – статья «Перспективы глобализации и демократии» [Скидельски], автор которой – Роберт Скидельски, член палаты лордов парламента Великобритании, историк и экономист, почетный профессор Университета Уорик. Лорд-профессор признается, что всего 25 лет назад он был в числе тех, кто разделял взгляды Ф. Фукуямы о «конце истории» и движении к единой цивилизации: «Все страны теперь на одной столбовой дороге для всего человечества, поскольку все остальные пути были испробованы, и обнаружено, что они неэффективны и никуда не ведут» [Там же]. Р. Скидельски осознал ошибочность своих прежних взглядов: сегодня «любому мыслящему человеку трудно поверить» в прогнозы глобалистов. Правда состоит в том, что глобализация пошла на попятную, наблюдаются кризис и крушение западной цивилизации.

В этой ситуации мы, пишет он, пытаемся обнаружить альтернативные модели. Одно из препятствий на этом пути – убежденность Запада в том, что западные ценности должны доминировать и что Запад не будет в безопасности, пока остальной мир не воспримет эти ценности. Это фактически западная идея о том, что мы здесь, на Западе, знаем, как нам развиваться, а вы только следуете за нами и должны нас догнать. Если вы этого не делаете, вы поступаете неверно. «Не существует единого пути, и история – это не линейный процесс, не вектор, ведущий к некоей всеобщей истине. Скорее, это несколько путей, которые дают шанс для межкультурного общения, экономического взаимодействия и мирного развития» [Там же].

Второй момент, требующий более глубокого осмысления, – неоднозначность архаизации.

Широко распространена интерпретация любых общественных изменений, направленных в сторону традиционализма, как социального эксперимента, дискредитирующего идею прогресса. Однако архаизация в идеологии и политике может быть по крайней мере двуликой. Доказательством тому может служить пример Исламской Республики Иран (ИРИ) и недавний приход к власти в Индии в 2014 г. партии радикального индуизма. Политика в ИРИ (особенно в период аятоллы Хомейни), как и в Индии при правительстве Нарендры Моди, несомненно, отличается ярко выраженной архаичностью. Об этом свидетельствуют их риторика и используемые методы.

Исламская революция в Иране была в значительной степени вызвана неприятием реформ, которые проводил последний шах из династии Пехлеви и которые получили название «Белая революция». Шахские реформы, направленные на проведение ускоренными темпами модернизации по западной модели, вызвали ответную реакцию традиционного общества на модернизацию, не учитывающую национальные традиции иранцев.

Думается, что помимо указанной всеми отмечаемой цели была и другая, более масштабная и глобально значимая. Иранская революция была протестной по отношению к сложившемуся двухполярному мировому порядку, где, по словам аятоллы Хомейни, «наибольшее зло» представлял капиталистический мир, возглавляемый США, а «меньшее зло» – социалистический лагерь, ведомый СССР. Лидеры революции видели своей целью разрушение установившегося мирового порядка и создание нового полюса власти, опирающегося на исламские нормы и ценности. Красноречиво в этом смысле заявление Хомейни о том, что для того чтобы обеспечить единство мусульманского народа и освободить исламское отечество от господства и влияния империалистов, есть только один путь. Это создание подлинно исламского правительства, свержение других тиранических псевдомусульманских правительств, навязанных из-за рубежа, а после достижения этой цели – установление исламского правления во всемирном масштабе.

При всех изменениях, происшедших в Иране со времен революции, духовное руководство страны продолжает призывать (в частности, в лице *рахбара*) к «культурному джихаду», означающему продвижение по пути научно-технологического прогресса при сохранении и развитии культурного наследия страны. Руководитель и духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи на состоявшейся 3 июля 2016 г. в Тегеране встрече со студентами заявил, что «те, кто убеждены в том, что для своего развития Ирану нужно опираться на Запад, совсем потеряли разум. Я считаю своим моральным и религиозным долгом сопротивляться этому и буду делать это до последнего вздоха» [Хаменеи].

Сама идея построения исламского государства с соответствующими шариатскими моральными установками, политическими институтами и даже экономикой представлялась сторонним наблюдателям признаком желания повернуть историю Ирана вспять. Однако если проследить ход событий и общественных перемен, последовавших за революцией, то становится очевидным, что внешние наблюдатели упрощенно объясняли суть происшедшего в Иране.

В ходе реализации теории «исламского правления» встал вопрос о применении на практике положений исламской экономики. Поскольку в трудах имама Хомейни содержалось не так много экономических положений, в качестве идеологической основы для проведения реформ по исламизации была взят концепт «тоухидной экономики».

По мнению авторитетного российского исламоведа Р. И. Беккина [2012], теория «тоухидной экономики» зародилась за 40 лет до Иранской революции. Датой ее «рождения» следует считать 1947 г., когда были опубликованы несколько исследований, в которых излагался взгляд на идеальную систему, соответствующую требованиям шариата: «Исламская экономика» Сайида Маназира Мухаммада ал-Гилани, «Экономика ислама» Махмуда Ахмада и «Ислам и экономические установления» Мухаммада Газали. Термин «исламская экономика» окончательно утвердился в научной литературе с середины 1970-х гг. Среди первых авторов, писавших об исламской экономической модели, большинство было мусульманскими правоведами. В ряду ученых-шиитов выделяется фигура выдающегося ученого Мухаммада Бакира ас-Садра. Его фундаментальный труд «Наша экономика» («Иктисадуна»), написанный в 1960–1961 гг., – одна из первых попыток глубокого осмысления экономического развития общества в согласии с принципами шариата.

Обращение к идее построения «исламской экономики» не было одним только выражением верности своему вероучению. За этим стояли другие – не менее, а может быть, даже более важные причины. Во-первых, определить выбор Ирана не как модернизацию, предполагающую восприятие западной модели, а как **развитие**, предполагающее проведение социальной политики, ориентированной на поддержание малоимущих слоев населения; создание условий для развития малого и среднего бизнеса.

Примечательно, что новое радикальное индусское правительство Индии также сделало «Развитие» девизом своего политического курса, который был противопоставлен лозунгу правившего со времени обретения Индией независимости 1947 г. Индийского национального конгресса – «Равенство». Н. Моди и его партия желали подчеркнуть, что они не подвержены каким-либо влияниям извне. Их курс не на модернизацию, которая привела бы Индию в соответствие с ценностями и институтами Запада. У Индии свое видение будущего, свой курс развития и способы его реализации. Помните, заявляет Н. Моди, что вы индийцы, и идите вперед, следуя индийскому пути, находите способы обновить ваше прошлое по мере того, как учитесь новому [Marino 2014: 214].

Смысл, вкладываемый в концепт «Развитие» в Иране и Индии, не идентичен<sup>\*\*\*</sup>. Но в чем проявляется полное сходство, так это в использовании традиционных религиозных принципов, понятий, терминов для этической мотивации массовой поддержки власти: народ должен верить, что новая политика добродетельна по своей сути и соответствует его интересам (вспомним, как много внимания этому уделено в работах М. Вебера).

Иранская практика хорошо известна. Приведу примеры из современной Индии, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Краеугольным камнем национальной политики Республики Индия со времени ее создания в 1947 г. был официально провозглашен секуляризм. Конституционный секуляризм предусматривал право на свободу вероисповедания, защиту от религиозной дискриминации, создание светского государства, являющегося нейтральным в отношении оказания помощи всем религиям и принятия их без дискриминации.

Тем не менее на протяжении почти шести десятилетий в Индии сохранялись сторонники индусского радикализма, предполагающего вытеснение других религий из региона, отправной точкой которого является доктрина *хиндутва*. Ее идеолог М. С. Голвалкар открыто выражал ненависть к религиозным меньшинствам, прежде всего к мусульманам. Он восхищался этнической чисткой, которую проводил Гитлер. Вот его дословные слова: «Во имя поддержания чистоты расы и своей культуры Германия потрясла мир очищением страны от семитской расы – евреев... Германия проявила расовую гордость в ее высшем проявлении. ...Она также показала, как практически невозможно расам и культурам, имеющим разные корни, быть ассимилированными в одно единое целое. Это хороший урок для нас в Индии, мы должны учесть его и извлечь из него пользу» [Golwalkar 1939: 35–43].

---

<sup>\*\*\*</sup> В Индии противопоставление конгрессиистскому лозунгу «Равенство» лозунга «Развитие» имело целью не допустить ущемления интересов наиболее имущих, а потому и обладающих властью слоев населения, не желавших «делиться пирогом национального достоинства» с представителями более низких каст, тем более с внекастовыми индусами – неприкасаемыми, а также с представителями неиндустриальных конфессий – мусульманами и христианами.

Если официально светское государственное устройство Индии базируется на принципе отсутствия полновластия какой-либо из конфессий, на равноудаленности всех общин от власти, то хиндутва отвергает этот принцип в пользу индуССкого большинства страны.

Партиям, придерживающимся идеологии хиндутвы, удавалось дважды войти в коалиционные правительства Индии (в 1977–1980 и 1998–2004 гг.). Тем не менее было невероятно представить, что спустя более полувека после обретения Индией независимости федеральное правительство в стране будет сформировано на однопартийных началах представителями индуССкого радикального «национализма», приведшего к убийству Махатмы Ганди.

Приход к власти в 2014 г. нового премьер-министра Нарендры Моди многими как в самой Индии, так и за ее границами воспринимается как знак отказа от политического курса десятилетиями находившегося у власти Индийского национального конгресса (ИНК). По крайней мере два фактора дают основания для тревожных ожиданий. Во-первых, теснейшая связь Н. Моди на протяжении всей жизни с индуССкими националистическими организациями, его абсолютная лояльность к их политике и практическим действиям. Во-вторых, политика Н. Моди, которую он проводил в течение 12 лет пребывания на посту премьер-министра штата Гуджарат, где начало его было ознаменовано кровавыми погромами. В результате столкновений погибло 1028 человек (из них мусульман – 754, индуССов – 274). Моди стали называть «апостолом хиндутвы», «гуджаратским Гитлером», «палачом» [Desai 2014].

Для того чтобы усилить свои позиции, Моди занялся консолидацией индуССких националистов посредством проведения *ятр* – массовых паломничеств к святым местам, сопровождаемых процессиями из колесниц, везущих изображения тех или иных индуистских богов.

Для получения массовой поддержки экономической программы Н. Моди представил ее как *панчамрит*, то есть пять элементов, входящих в ежедневную *пуджу* – молитву индуССов. К разряду *мрут* относятся: *дахи* (кислое молоко, напоминающее мацони), *гхи* (топленое масло), мед и сахар. В программе развития этим «пяти нектарам» *пуджи* соответствуют *джал шакти* – водные ресурсы; *урджа шакти* – энергетические ресурсы; *джан шакти* – человеческие ресурсы; *гьян шакти* – сила знания, образование; *ракша шакти* – безопасность, охрана. Пять «нектаров *пуджи*» представлены, таким образом, как пять видов *шакти*. Шакти – это священные силы, персонифицированные женскими божествами, «супругами» мужских божеств. Пятью шакти – столпами политики развития названы: вода, энергия, люди, образование и безопасность. Это опоры фундамента, на котором может развиваться страна [Marino 2014: 195–196]. Н. Моди постоянно искусно использует психологию простых людей: формулирует экономическую программу в привычных для индуССов понятиях и символах.

Поразительно расхождение между экономическим курсом и официально проводимой идеологией. В экономике поставлена задача ускорения развития, позволяющего выйти на самые передовые позиции в мировой экономике, в идеологии – активной архаизации, игнорирования современных ценностей и институтов, которые принято считать исключительно западными.

Нарендра Моди говорит, что его цель – добиться сплочения индийцев, создания монолитного государства. Однако при этом он применяет методы и использу-

ет лозунги, которые направлены на воссоздание архаичного индуистского общества с характерным для него кастовым строем и религиозным шовинизмом. Его цель – провести ускоренными темпами модернизацию, по модели соответствующую индийским (индуистским) традициям, не смущаясь авторитарностью политического режима.

Плюрализм типов модернизации подразумевает поиск национальных моделей, а это, в свою очередь, делает фактически неизбежным обращение к архаике. Архаика архаике рознь: наряду с архаикой внешней, подражательной, возможно и реальное включение ее элементов в идеологию, политические, социальные и даже экономические проекты.

Ни исламизация экономики в Иране, ни индуизация (идеология *хиндута*) ее в Индии не стали непреодолимым препятствием на пути социально-экономического развития. Согласно ведущим отечественным экспертам-иранистам [Мамедова 2014], из трех возможных сценариев развития Ирана до 2050 г. наименее вероятным (9,4 %) представляется «эрозия» идеологической и религиозной составляющей существующей политической системы вплоть до возвращения исламского Ирана к статусу вестернизированного государства.

Маловероятен (19,4 %) вариант сохранения «исламского Ирана». Наиболее перспективным считается третий сценарий – «Модернизация в условиях исламского государства».

Примеры Ирана и Индии позволяют предположить, что архаика выступает не как самоцель, а как мобилизационная сила в проведении модернизации без утраты национальной идентичности. Возможные результаты могут быть как положительными (рывок в ускорении экономического роста), так и отрицательными – достижение экономической мощи за счет утверждения жесткого политического режима, опирающегося на религиозный национализм. На это обращают внимание многочисленные критики Н. Моди [Elliott; Mander; Varma].

Далеко не всегда идеологический архаизм, выполняющий мобилизационную роль, как это наблюдалось, например, в гандизме, оказывает позитивное влияние. Часто наблюдается прямо противоположный эффект – разогрев националистических страстей до градуса шовинизма (нацизм, террористический исламизм, индусский национализм и др.). Архаизация экономики может оказаться реальным препятствием на пути внедрения новых способов производства, технологий и т. п. Архаизм в политике грозит утверждением диктаторских режимов. Новейшая история знает немало примеров авторитарной модернизации: Бразилия, Аргентина, Уругвай, Чили, Греция, Индонезия, Тайвань, Южная Корея, Сингапур.

Желание создать новый мировой порядок не по нынешнему глобалистскому сценарию, а с учетом национальных интересов, культурных традиций и потенциалов к развитию и инновациям может быть воплощено в жизнь. Для того чтобы проект, кажущийся утопией, стал реальностью, не требуется «разрушить мир до основания, а потом построить новый мир». Для этого может быть достаточно объединения усилий, в результате которого появилась бы философия глобализма, позволяющая охватить **прошлое, настоящее и будущее** планеты.

### *Литература*

Беккин Р. И. Тоухидная экономика как разновидность исламской экономической модели // Проблемы современной экономики. 2012. № 2(42). С. 448–450.

Мамедова Н. М. Возможные сценарии развития Ирана до 2050 г. [Электронный ресурс] : Восточная аналитика. 2014. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-stsenarii-razvitiya-irana-do-2050>.

Скидельски Р. Перспективы глобализации и демократии [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Perpektivy-globalizatsii-i-demokratii-18201> (дата обращения: 07.06.2016).

Хаменеи А.: Иран отказывается сотрудничать с США по Сирии // Нью Информ: [сайт]. URL: <http://newinform.com/17147-ali-hamenei-iran-otkazyvaetsya-sotrudnichat-s-ssha-po-sirii> (дата обращения: 03.07.2016).

Desai R. A. Latter-day Fascism? // *Economic & Political Weekly*. 2014. Vol. XLIX. No. 35. Pp. 48–58.

Elliott J. In India, Intolerance Undermines Modi's Reforms [Электронный ресурс]. URL: <http://europe.newsweek.com/intolerance-despotism-undermine-modi-reforms-440603?tm=eu> (дата обращения: 27.03.2016).

Golwalkar M. S. *We, or Our Nationhood Defined*. Nagpur : Bharat Publications. 1939.

Marino A. *Narendra Modi. A Political Biography*. New Delhi : Harper Collins Publishers, 2014.

Mander H. Why are Indian Students Angry? [Электронный ресурс] : *Hindustan Times*. URL: <http://www.hindustantimes.com/columns/why-are-indian-students-angry/story-c5NffCdIPhmTFyRiONpfdI.html23> (дата обращения: April 2016).

Varma P. K. BJP and the Middle Class: Patriotic Slogans Cannot Take the Place of Effective Governance [Электронный ресурс] : *The Times of India*. URL: <http://blogs.timesofindia.indiatimes.com/toi-edit-page/bjp-and-the-middle-class-patriotic-slogans-cannot-take-the-place-of-effective-governance/> (дата обращения: 9.04.2016).

---

---

# ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

---

---

## Н. Н. МОИСЕЕВ: ИДЕЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ РУССКОГО КОСМИСТА

Глушенкова Е. И.\*

*В статье рассмотрены политические идеи теоретика русского космизма и ноосферы академика Н. Н. Моисеева (1917–2000) в контексте цивилизационного дискурса и сквозь призму творческого наследия западных и отечественных теоретиков цивилизации. Показана связь теории цивилизации ученого с его философскими и эколого-политическими разработками. Также в работе поднимается тема цивилизационных особенностей России, цивилизационной самоидентификации стран на постсоветском пространстве, в том числе Украины.*

**Ключевые слова:** русский космизм, ноосфера, ноосферогенез, коэволюция, бифуркация, Коллективный Интеллект, цивилизация, культурно-исторический тип, цивилизационный Вызов и Ответ, цивилизационная матрица, цивилизационный разлом, технотронная цивилизация, окружающая среда цивилизации, цивилизационное пространство.

*The study focuses the political ideas of the Russian cosmist and noosphere theoretician Nikolay N. Moiseev (1917–2000) within the conceptual framework of civilizational discourse and creative legacy the Western and Russian civilizational thinkers. Moiseev's concept of civilization is analyzed in the context of his main philosophical and ecopolitical findings. The question of civilizational identification of Russia and post-Soviet countries (including Ukraine) is also highlighted.*

**Keywords:** Russian cosmism, noosphere, noosphere genesis, coevolution, bifurcation, civilization, Collective intelligence, cultural historical type, civilizational challenge (response), civilization matrix, civilization clash, technological civilization, the Environment of civilization, the Space of civilization.

Выдающийся русский ученый, мыслитель, общественный деятель Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) получил мировую известность, доказав гипотезу наступления «ядерной зимы» в результате конфликта с применением атомного оружия. При этом он был философом природы, самобытным социальным и политическим мыслителем. В философских поисках Моисеев был последователем отечественных теоретиков ноосферы (прежде всего академика В. И. Вернадского) и русских космистов. Будучи в фарватере этих разработок, Моисеев стал автором

---

\* Глушенкова Елена Ивановна – к. п. н., с. н. с. ЦИРМ ИМЭМО РАН, доцент МНЭПУ. E-mail: lenchen007@rambler.ru.

целого ряда эколого-политических, геополитических, а также цивилизационных концепций и теорий.

Как мыслитель Н. Н. Моисеев разделял главные идеи космистов. Как и Николай Федоров, он мыслил в категориях единства Вселенной и живущего в ней человека. Вселенная для него, как и для К. Э. Циолковского, – бесконечно сложный организм. Вместе с В. И. Вернадским он рассматривал Разум на космическом уровне, верил в то, что человеческий разум как космическое явление создан для постижения человеком самого себя. Строго говоря, Моисеев, теоретик ноосферы, – представитель направления русских космистов-естествоиспытателей. Мыслители этого крыла уповали сугубо на космическое предназначение человека: в существовании мира и человека есть высший смысл, человек в мире, в космосе – работник, а не созерцатель, он познает его и действует в нем; в ноосфере его разум воздействует на природную среду на качественно ином высоком уровне, становится не просто участником мирового процесса, но непосредственно – источником перемен. Моисеев, теоретик самоорганизующейся Вселенной, призывал менять мир продуманно, осознанно, не вмешиваться волюнтаристски, не вторгаться в самоорганизацию, менять, влияя, на что и нацелена теория *sustainability*, теория устойчивого развития в том виде, в каком он ее принимал. Но меняя мир, человек никогда не сможет управлять им, полностью контролируя все процессы. «Разум не способен сделать мировой процесс управляемым» [Моисеев 1999а: 271]. Он не способен подчинить его некоей схеме, плану и вполне предсказать: биосфера непрерывно меняется в условиях неопределенности. А существовать «независимо» от среды человечество не может. Следует помнить о принципиальном различии мысли Моисеева и позиции технооптимистов-корнукопианцев (английское *cornucopia* – «рог изобилия»), согласно которым человек может и должен преодолеть свою зависимость от природы. Моисеев признает неизбежным определяющее воздействие Разума на природу. Вопрос заключается в характере воздействия. Делать это осторожно (этого требует принцип предосторожности, *precautionary principle* в устойчивом развитии), не насилуя и не уничтожая, – лишь на этом пути возможно преодоление экологического кризиса<sup>1</sup>.

Постулируя Вселенную как сложную систему, Н. Н. Моисеев видел ее как единый самоорганизующийся организм, описываемый его концепцией универсального эволюционизма. Вселенная существует по своим внутренним законам, ее самоорганизация противостоит энтропии. Все процессы развития в ней – составляющие единого мирового эволюционного процесса развития «**Суперсистемы Вселенная**», обладающей всеобщей взаимозависимостью. Развитие Универсума идет как бы «по лезвию бритвы». Чем сложнее система, тем более подстерегает ее опасность перестройки или разрушения [Его же 1991; 1993; 2002]. Но это не обычный эволюционизм. Эволюция, говоря языком синергетики, есть чередование порядка и хаоса, возникновения систем и их распада, так что вполне возможны и даже естественны и экологический кризис, и распад экосистем, и гибель человеческого рода. Но мыслитель исходил из того, что в любом случае человек

---

<sup>1</sup> Собственно, Н. Н. Моисеев сформулировал понятие «экологический императив», что означает «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах» [Его же 2000: 78], а это фактически перефразированный принцип предосторожности в устойчивом развитии.

не должен погибнуть. Особенное значение придавал он в этом смысле антропному принципу. Как космоисту Моисееву был присущ повышенный интерес к теме человеческого бессмертия.

Проблема космического предназначения человека вылилась у Моисеева в сверхпристальный интерес к его качеству. Моисеев довольно пессимистически, если сравнивать с другими теоретиками ноосферы, настроен относительно преобразовательной роли человека в мире, ее правомерности, направленности и успешности. То, что место человека в мире объективно центральное, для него очевидно. Человек может без вреда для природы воздействовать на нее. Но не каждый на это способен. Философия космоизма сама по себе пронизана идеей **восхождения человека**. Итогом этого восхождения и является ноосфера. Разум, человеческая мысль рождает ноосферу как субстанцию, вызывающую к жизни воздействие человека на природную среду в абсолютно новом качестве, возникает новый уровень организации человечества в родовом единстве, де-факто – в союзе с окружающей его средой. Этот процесс работы Разума вместе с нарождающейся ноосферой называется *ноосферогенезом*. Новый виток эволюции человеческой организации – это и новый этап ноосферогенеза. При этом человечество – естественная составная часть Вселенной, но оно наделено, в отличие от Вселенной (по мнению Моисеева), Разумом и волей, огромными возможностями, ресурсами воздействия на окружающий мир. Они даны людям, чтобы обеспечить гармоничное развитие человека в его среде, переведя нашу конфронтацию со средой в содружество, **коэволюцию**, соразвитие, когда природа и общество достигнут квазиравновесия [Моисеев 1993; 1997; 2009]. Прежде воздействия на среду имели бессистемный, неупорядоченный характер, теперь действия людей превратились в осознанные, согласованные, нацеленные на выживание. Моисеев не хотел сказать, что к этому стремятся, это имеет место объективно, за счет работы возникшего как продукт ноосферогенеза *Коллективного Разума (Интеллекта)*, который формируется в мировом пространстве силами мыслящей субстанции ноосферы стихийно и не должен отождествляться с каким-либо органом или центром власти, или тайной организацией, к которой якобы сходятся все нити мирового процесса<sup>2</sup>.

В пульсирующей мысли ноосфере, как в мозге нейроны, находятся отдельные люди и их сознания. Но люди-нейроны – не всякий и не любой. Моисеевский человек ноосферы вырывается из плена «объективных законов», подключается к Разуму и решению его сверхзадач. Активный в политике человек объективно носитель общепланетарного Разума и движущая сила политических реформ, главная цель которых – выживание человечества и сохранение Планеты людей. И при этом Моисеев, обличитель торгово-промышленного уклада общества потребления, жестко критиковал современного нам человека. Его породил определенный образ жизни и ведения хозяйства, который навязывает Запад в качестве версии глобализации. Именно он есть виновник экологического кризиса. Ученый связывает этот человеческий уклад с западной цивилизацией.

Тема цивилизации образовалась на закате жизненного и творческого пути Моисеева. (Когда Моисеев проявил себя как политический мыслитель, главные

<sup>2</sup> Коллективный Интеллект для ученого есть системное свойство совокупности индивидов и индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать некое общее миропонимание, совокупную коллективную память и совместно выработать коллективные решения [Моисеев 1999а].

его философские работы уже были написаны.) У ученого она раскрывается в контексте его геополитических изысканий. С самого начала интерес к цивилизационному анализу подогревался у него размышлениями о судьбах России. Моисеев никогда не ставил перед собой задачи создания общей теории цивилизации, тем более его наработки представляются весьма любопытными. Ведь они – логичное продолжение его космической философии.

В обыденной речи цивилизацией обозначают современную стадию развития человечества, отличную от древнего общества. Классические определения цивилизации описывают ее как определенную ступень развития народов и мира в целом, наличное состояние социальной структуры и духовного мира. А еще это род или исторический тип сообществ, вызывающий конкретные ассоциации в области религии, истории, нравов, иначе говоря, в области культуры. Именно их А. Тойнби называл цивилизациями, Н. Я. Данилевский – культурно-историческими типами, О. Шпенглер – развитыми культурами, а П. Сорокин – метакультурами. Для Тойнби цивилизация есть достигшая пределов самоидентификации культура и наименьший блок исторического материала, к которому мы обращаемся в ходе изучения данной страны. Для Шпенглера цивилизация (культура) – в основном внутренний строй народа, Тойнби же дал мистическое прочтение цивилизации как социального организма, соприкасающегося с высшей реальностью, а не просто общественной системы, имеющей какую-то религию. Данилевский, Тойнби, С. Хантингтон полагали религию основой цивилизации. Тойнби описывал религии как создающие предпосылки для выживания во времени, для преодоления трудностей бытия. Цивилизация дает удовлетворяющие реальности ответы на вызовы со стороны окружающей среды, опираясь именно на религию, лежащую в основе ее цивилизационного ядра<sup>3</sup>. Религия создает мировидение, раскрывая тайны Мироздания, что при адаптации к среде принципиально: чтобы в реальности жить, бороться и побеждать, надо сначала ее, эту реальность, понять.

У Н. Н. Моисеева цивилизация есть нечто иное. «Цивилизацией... мы условимся называть всю совокупность форм существования человека на Земле, всю совокупность его активной деятельности и главное – его духовного мира, его взаимоотношений с природой и другими людьми» [Моисеев 1999б: 41]. Для мыслителя в центре его анализа – осуществляемая посредством техносферы модель адаптации данной цивилизации к окружающей ее природной среде. Разнообразие цивилизационных типов рождается, когда на неолитическом этапе антропогенеза отдельные человеческие общества приспособляются каждое по-своему к окружающей их среде. Цивилизация немедленно фиксирует свою исключительность, которая сохранится неизменной, пока цивилизация живет. Модели адаптации цивилизаций к окружающей среде совершенно не тождественны, и у каждой они свои. Одни – экспансионистские, другие – экологически дружественные, экологически нейтральные. В планетарном масштабе преобладает та модель адаптации, которая характерна доминирующей цивилизации, а цивилизация сегодня преобладает западная. Это цивилизация адаптации через уничтожение окружающей ее

---

<sup>3</sup> Цивилизация для Тойнби есть целое, которое подвергается с остальными «одним и тем же вызовам», но «каждая отвечает на них по-разному» [Тойнби 2006: 391].

среды. Русская же цивилизация имеет не экспансионистскую модель адаптации. Это модель самоадаптации к окружающей среде.

В конечном счете для Моисеева цивилизация есть достигнутая самоорганизацией человечества на данном этапе антропогенеза модель (модели) адаптации со своей версией экономики, своей системой мысли и человеческих отношений; но ноосфера подводит общую черту под множество цивилизационных миров. Моисеев строил цивилизационные теории, не упуская из вида общий процесс мирового развития: зародившись, достигнув в рамках своей формы адаптации вершины, затем, растеряв свой адаптационный потенциал, цивилизации уходят, а процесс социальной формы движения материи идет по своим системным закономерностям. Цивилизации возникли с переходом человека на рельсы общественного развития, в основе которого уже не биологическое совершенствование, а прогресс в организации общества, в ходе которого антропогенез сменяется ноосферогенезом. Локальная цивилизация – часть общепланетарного процесса развития самоорганизации социума. Разнообразие цивилизаций – великое благо для человечества, это проявление принципа дивергенции в процессе эволюции и природный информационный банк. Но Моисеев отверг общепланетарную цивилизацию, в которую разными путями сольются якобы все мировые культуры. Цивилизация планетарная состоит из совокупности локальных, но из этого не вытекает, что развивается или разовьется единая цивилизация, несмотря на технологическую общность, объединяющую сейчас человечество. (Хотя, говоря об усложнении цивилизаций, он писал обо всей их совокупности, рассматривая их как некую общность.) Из эволюции цивилизационных типов, их – как бы – сближения в условиях глобализации не произойдет их единства. Любая из мировых культур может достичь упадка и исчезнуть, но общемировая цивилизация на ее руинах не возникнет. Различия между цивилизациями непреодолимы. «Я не верю в возможность и считаю крайне опасным стремление к мировому правительству и к унификации цивилизации. Единая мировая цивилизация – это такой же нонсенс, как и генетически стандартный человек» [Моисеев 1998: 470].

Цивилизация – форма существования человеческих сообществ в определенной, «их», окружающей среде, возникшая стихийно, путем самоорганизации. Частью этого процесса и версией самоорганизации является для Моисеева рынок. «Самоорганизация общества – это непрерывное рождение новых организмов, имеющих собственные цели и собственную волю, и возможность их следованию, как объединение (кооперацию, взаимопомощь – здесь уместны любые термины) организмов в более сложные структуры и как их непрерывная борьба, поскольку спектры интересов этих организмов, как правило, не совпадают, хотя далеко не всегда антагонистичны. Вот это и есть тот рынок, действие которого определяет людские судьбы» [Его же 1996: 49]. Рынок Моисеева – принцип бытия и предельно широкое понятие, с конкретно-историческими формами рыночных отношений его отождествлять не следует. Цивилизация есть культура, технологии, образ мышления и этап антропогенеза, в рамках которого человек перешел на рельсы развития, а в основе его – усложнение самоорганизации рынка как возрастание организации общества. Единая цивилизация невозможна для Моисеева, ведь он не представляет, как в ходе динамики самоорганизации на основе принципа рынка может получиться всего одна цивилизация. Среда (природная прежде всего) у всех разная.

Итак, Н. Н. Моисеев дал свое, нестандартное определение цивилизации. «Употребляя слово “цивилизация”, я буду иметь в виду некоторую общность людей, характеризуемую определенным набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров» [Моисеев 1995: 7]. Моисеев, как видим, не рассматривал цивилизацию и культуру в качестве синонимов. Для него культура сама по себе была не смыслом и сутью цивилизации, а видом взаимодействия людей со средой, рождавшим уникальный способ мышления и «технологические» основы жизни. Для Тойнби цивилизации живут и умирают для того, чтобы вызвать к жизни новые, более развитые формы не просто жизни, а религиозной жизни. У Моисеева все наоборот. Религия не выбирает цивилизацию, это «цивилизация выбирает религию “по себе”», «подбирает» под мироощущение, которым обладает [Его же 2000а: 17]. Религия, каковую она примет, будет ей преобразована в целях приведения в соответствие с ее цивилизационной матрицей, а она детерминируется неповторимой моделью ее адаптации. Если две разные цивилизации принимают одну и ту же религию, скоро это уже будут религии разные (и наоборот). Для Моисеева цивилизации – вся полнота форм существования земного человека, в том числе материальных форм, а духовная жизнь, отношения с миром людей, с Природой – уровни осмысления человеческим сознанием цивилизационной сущности. Признавая в цивилизации материальное и духовное, ученый имел в виду, что в любом случае способ адаптации формирует не идея, а реальный жизненный опыт.

Хотя ученый не верил в единую цивилизацию в будущем, он, как и Тойнби, усматривал изначальное внутреннее единство всех цивилизаций Человечества, различия которых вызваны неповторимостью жизненного пути каждой. Но у Тойнби процесс жизни всех цивилизаций – борьба, в ходе которой идет взаимодействие между вызовами и творческим меньшинством, дающим на них ответ, с одной стороны, и постоянное протиборство между ним и косной массой, которая этому не способствует, а лишь мешает – с другой. А у Моисеева – инновация, прорыв, перелом есть результат действия больших коллективов людей, результат творчества масс. По большому счету, для Моисеева ответ на любой вызов дается всем данным человеческим сообществом, а не какой-то его частью. Скажем, условием ноосферогенеза он видит единое консолидированное действие мирового сообщества и общепланетарный консенсус, в «ответ» на экологический кризис у Моисеева вовлечены широкие массы, фактически все глобальное сообщество [Тойнби 2006; Моисеев 1995]. Но не все так просто и у Моисеева. У него тоже есть своя идея творческого меньшинства. Для него личностью, которая движет историей, является мыслитель, в России – русский интеллигент, индивидуальное сознание которого есть часть ноосферы. Но он не преувеличивал роль интеллектуалов. Передать им бразды правления опасно! «Беда, когда страной или войском управляют, а еще страшнее – командуют, ученые», – предупреждает он и добавляет: но трагически опасно, просто недопустимо, если рядом с политиками нет людей науки, и политические решения принимаются «с закрытыми глазами» [Моисеев 1996: 53].

Цивилизации Моисеев делил на традиционные и техногенные (техногенные). Здесь идет речь не об одних только восприимчивости, способности к инновациям, открытиям, к созданию (развитию) науки, но и о возможности вместить в себя инородную, чуждую цивилизационную матрицу (ядро), «переварить» ее

и самим не погибнуть. Для этого цивилизация должна быть обязательно распластана вовне, открыта. Россия и Запад – техногенные цивилизации, остальные – традиционные. У Запада это проявляется в развитии вширь, количественном, а не качественном росте, активности, направленной из системы в среду, вовне, стремлении к экстенсивному расширению. А оно связано с агрессивным навязыванием своих ценностей, самими их носителями воспринимаемым как что-то вполне естественное, а неприятие, отторжение этого навязывания понимается как враждебность. У человека Запада вызывает искреннее удивление и шокирует, что «то, что для Запада – универсализм, для остальных – империализм» [Хантингтон 2003: 282]<sup>4</sup>. Запад – это цивилизационная исключительность, он техногенен, индивидуалистичен. Вот где корни экологически враждебного поведения общества Запада! Наша цивилизация техногенна и традиционна, коллективна и индивидуалистична одновременно, а главное – толерантна, лишена системной исключительности. А еще она не симбиоз Запада и Востока, а нечто совершенно самостоятельное. Но об этом речь впереди.

Признавая непреходящее значение цивилизаций для человечества, Моисеев был не склонен придавать им гипертрофированное значение. Все для него было подчинено одному – задаче выживания планеты, ее обитателей. Как неизбежен для Моисеева путь генезиса, развития и распада цивилизаций, так мучителен и вечен поиск лучшей экологической ниши, лучшей модели адаптации к среде – человеком, обществом, цивилизацией, которая есть тоже способ ведения этого поиска, как нет цивилизации самой совершенной и исключительной.

Ученый не сомневался в существовании русской цивилизации, которую он так и предпочитал называть. (Советское общество для него – разновидность русской цивилизации, но видоизмененная, деформированная.) Ему импонировало, что писал Н. Я. Данилевский о русской цивилизации. (Николай Яковлевич описал ее как культурный тип, который отличает **отсутствие** в нем **насильственности**, доминирование общественного над индивидуальным, **близость к природе**, гармония, единство разума и чувств в человеке [Данилевский 1995].) Но для него было неприемлемо, когда о русской цивилизации говорят как о чем-то совершенно уникальном за счет неких характеристик народа. Каждый народ исключителен, в том числе и русский, и нет общепланетарного стандарта человеческой жизнедеятельности. Это иллюзия, что «русский народ обладает-де особым менталитетом, существует особая русская идея, и он, русский народ, опираясь на нее, сам по себе найдет выход из смутного времени» [Моисеев 1996: 56]. Не стоит русским мучительно искать себе союзников среди ближних и дальних или пытаться самоизолироваться, уповать на «особый» путь, а не действовать на основе общих закономерностей. Ученый настаивал: необходимо искать свою тропу в мировом движении, не отрицая общих системных закономерностей мирового процесса. Но обрести тропу можно, лишь поняв суть особенностей своей цивилизации.

Всех людей русского мира объединила окружающая среда формирования русской цивилизации, общее пространство. Ведь первична среда, и у России она своя. Наша природная зона – это суровый климат и очень короткий вегетационный период. Это бескрайние равнины, дающие иное ощущение пространства. Европейские народы живут скученно, поэтому жилища европейцев стремятся рас-

<sup>4</sup> Цитата С. Хантингтона по В. А. Кутыреву [2009: 100].

положиться как можно дальше друг от друга, охватывая всю доступную им ойкумену. Народы русского мира расположены в подавляюще огромном пространстве, поэтому поселения, отдельные дома скорее жмутся друг к другу, оставляя гигантские просторы вокруг себя нетронутыми. Это «русское» чувство пространства для Моисеева есть не только и не столько природно-климатическая среда и не столько социальная среда, сколько **пространство бытия** русских. Оно порождает пространство их сознания и тот неповторимый менталитет, широту взглядов, структуру ценностей, которая заложена в нашем цивилизационном ядре. Два славянских православных народа (русские и болгары, скажем) вполне могут принадлежать к разным цивилизациям, потому что формировались они в разной окружающей среде. Присущие некоторым в России попытки делать ставку на православность (или этничность) в геополитике обречены. Моисеев видел, что границы нашего культурно-исторического типа неоправданно расширяют, хотя ряд славянских народов явно за пределами нашей цивилизации. «Ряд славянских племен еще в начале нынешнего тысячелетия принял католицизм, но до сих пор не... вошли в Европу. Страны, которые возникли на их основе, ...остались частью маргинального пространства, лежащего между двумя цивилизациями <...> что же касается поляков, западных украинцев, чехов и других католических народов славянского корня, то они остались частью промежуточного пространства между двумя цивилизациями, которых “настоящий” Запад рассматривал скорее как районы своих ленных владений или предмет торга с Россией и Турцией, чем как свою естественную составляющую. Тем не менее, после принятия католицизма (или унии, с подчинением римскому Папе, как в Западной Украине) страны, теряя постепенно свою славянскую идентичность и самобытность, всегда тянулись к Западу и стремились сделать частью Европейского полуострова» [Моисеев 1995: 14]. Стремиться стремились, но таковыми не стали. Или стали, но не все. На сегодня очевидно, что по территории Украины проходит линия **цивилизационного разлома**<sup>5</sup>. В этих условиях, добавим от себя, мирное урегулирование на Украине и наряду с этим сохранение целостного украинского государства в его нынешних границах, думается, весьма маловероятно. Русским надо идти на контакты с иными народами исходя из единства общей судьбы и формирования в общем пространстве; для России сегодня, размышляет ученый, потенциальными союзниками скорее будут народы ислама – внутри России, за ее пределами, на постсоветском пространстве. По вере они могут быть мусульмане, культурно-исторически они принадлежат, хотя бы отчасти, нашей, русской цивилизации.

Н. Н. Моисеев не слишком высоко ценил русскую идею, но он и не рассматривал ее как государственно-центричную, имперскую. Для Моисеева русская идея так же связана с пространством! Мировые геополитические разработки всегда велись в том русле, как народ выживает без пространства. А в России, отмечает ученый, мы наблюдаем обратное – пространство без народа. В условиях огромных малонаселенных пространств формировалась безбрежная русская душа. При этом русские, несомненно, осознанно исторически избегали тесноты, близости к густонаселенным территориям. Русскому народу всегда было характерно движение на Восток (что особенно бросается в глаза на фоне постоянного стремления наших элит на Запад). Запад в традиционном сознании русского – кабала, Во-

<sup>5</sup> О цивилизационных разломах у Н. Н. Моисеева см. в работе А. М. Поморцевой [2003].

сток – свобода, туда вел русских их пассионарный порыв. (В этом смысле «войти в Европу» для Моисеева – лозунг-бессмыслица, нелепость.) Этот порыв всегда идеациональный (термин П. Сорокина, речь здесь идет о любой системе верований, но в центре должна быть сакральная составляющая): русская цивилизация имеет трансцендентные ценности в глубинах ее цивилизационной матрицы. Ею даются ответы, нацеленные на выживание, всегда духовные по своей сути. Русские – великая идеациональная цивилизация<sup>6</sup>.

Моисеев принципиально настаивал на том, что Россия – цельная самостоятельная цивилизация, которая не может быть частью чего-то еще, но сама может включать в себя новые элементы. Количество народов и религий для нее не имеет значения. Наша цивилизация полиэтнична и многорелигиозна. Мнение, что это разорванная цивилизация, сотканная из множества разных чужеродных, неродственных ей, неверно. Многонациональный состав и даже соседство разных религий – родовая характеристика русской цивилизации, заложенная в ней, стимулирующая ее техногенность. Целостная цивилизация России соткана из множества культур, но это не разрывает ее ткань: «Россия – целостная самостоятельная цивилизация. ...целостная, несмотря на различия этнического происхождения многих народов... Россия – симбиоз народов, синтез различных культур, сплав, родивший общее миропредставление и общий образ жизни» [Моисеев 2000б: 6]. В этом ее специфика, уникальная черта, она залог ее целостности. Цивилизации не способны взаимоприспосабливаться из-за априори напряженных отношений между данной культурой-системой и ее средой. Если для кого-то другая культура – всегда вызов, а значит, надо защищаться, то русская цивилизация предельно терпима к любым иным цивилизационным проявлениям, распахнута навстречу другим, потому что **не имеет напряженных контактов с окружающей ее средой**. Будучи нейтральной в плане взаимодействия со средой, она самосохраняется, адаптируясь, перерабатывая, сберегая, приспособляясь сама. Западный мир этого о себе сказать бы не смог. Вот где истоки экологического кризиса, в котором виновно не все человечество, а организация его жизни, заданная западным цивилизационным ядром.

Еще Данилевский писал о невозможности «встраивания» одной цивилизации в другую («начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [Данилевский 2002: 77]). И это особенно верно для Запада, который ни во что встроиться не может, поэтому делает безуспешные попытки встроить в себя, поглотить иные цивилизационные пространства. А вот Россия здесь скорее исключение из правил. Русские – не только цивилизация на стыке двух субконтинентов, но и нация двух океанов. Она «держит» евразийское пространство, скрепляет его собой. Именно это определяет отечественную культуру, задает ощущение пространства, формирует менталитет, широту взглядов, рождает систему ценностей. И это структура взглядов мирного народа, который воюет немного, а многого добывается миром и добрососедством. Россия, думает Моисеев, – это ключ к мировому порядку. Она задает мировую стабильность. «Определяющее значение играла еще одна из наших цивилизационных особенно-

---

<sup>6</sup> Эти ответы есть гарантия грядущего глобального лидерства России, для которого от русских не требуются какие-то особые усилия в политике и экономике – такова логика самоорганизующегося глобального мира, ищущего пути выхода из экологического тупика. Подробнее о русской цивилизации у Моисеева и ее характере сказано в работе «Экополитология Моисеева...» [Глушенкова 2015].

стей – способность сосуществовать с другими цивилизациями, мирно и сообща жить с другими народами и формировать общую цивилизацию. ...русское общество легко включало в себя представителей национальных меньшинств, причем даже в высшие свои эшелоны» [Моисеев 2000б: 9]. Россия есть ворота Запада на Восток и Востока на Запад, она связывает, открывает пути, включает разнородные ценности в единую систему, объединяет цивилизации, в рамках своего пространства обеспечивает их синтез. Пространственное положение России, по Моисееву, таково, что развитие русской цивилизации никому не угрожает, притом что чуждые цивилизации неопасны и для самой России.

Для Н. Н. Моисеева, теоретика самоорганизации, невозможно пытаться встроить Россию в иные цивилизационные общности. Россия абсолютно самобытна, самостоятельна и сама примет в себя все, что ей надо. Встраивать Россию во что-то иное искусственно можно лишь через потерю ее идентичности. На ученых-обществоведах, считал Моисеев, лежит в этом смысле огромная ответственность: «Наша будущность связана с осознанием нашей собственной российской цивилизации и как самоценности, и как ценности планетарной» [Там же: 10]. Всем следует осознать: от этого зависят судьбы мира, а не только России. Если глобальным лидером, страной – центром мир-системы станет Россия, носительница нейтрального по отношению к среде, даже экологически дружественного, культурно-исторического типа, выход за пределы экологического кризиса возможен и вполне реален.

Но Россия (для Моисеева) обречена на то, чтобы непрерывно поддерживать свою цивилизационную идентичность, каковая – в специфике ее техногенности, достигаемой за счет *особого характера восприятия русскими знаний*. Носителей любого цивилизационного ядра, особенно русского, он называл «Мастерами»: на их эрудиции, творческой мысли держится цивилизация русского мира. Если они уйдут, не оставив учеников, исчезнет и Россия как культурно-исторический тип. Для Моисеева тайна русской цивилизации – в личностях ее носителей, людей мысли, работающих со знанием. В эпоху ноосферогенеза формируется Коллективный Интеллект – интеллект свободно мыслящих людей, идущих к единству (соборности) как к единому согласию. Согласие – это не есть сумма личностных волей, оно – в поиске всеобщего спасения от экоцида. Носители индивидуальных разумов, те, кто составил Коллективный Интеллект, по Моисееву, находятся прежде всего в России. «Мастера» в Эру Риска призваны сыграть основополагающую роль вместе с русской цивилизацией в целом. Моисеев считал преодоление экологического кризиса возможным не за счет реформ экономики и политики, а за счет нравственно окрашенного волевого и интеллектуального сверхусилия «Мастеров». Сохранение русской цивилизационной матрицы – это прежде всего сохранение тончайшего слоя интеллектуалов, ответственность которых, в свою очередь, состоит в поддержании системы образования, способного этих «Мастеров» порождать [Степанов 2013]. Моисеев верил, что русская цивилизация, как и планетарная, не может, не должна погибнуть.

Размышляя о наследии Н. Н. Моисеева, вновь подчеркнем приоритетность для него материальных, природных, естественных факторов цивилизации. Другие искали смыслы внутри социосистемы: в религии, культуре, ценностях. Моисеев учил о детерминированности цивилизации со стороны окружающей среды – и социальной, и природной, в их единстве. Скорее всего, он говорил не о среде, а о пространстве, космосе русского мира, пространственно-временном континууме,

который он образует, который способен втянуть, переварить и вписать в свое цивилизационное ядро любой этнос, религию и т. д.

Идея цивилизации Моисеева оставляет больше вопросов, чем ответов. «Если русская цивилизация экологически дружелюбна, тогда почему она уничтожала природные комплексы России на протяжении десятилетий советской власти?» – лишь один из них. (Или это была не она, а цивилизация-химера, что внедрилась в нее и принялась разрушать изнутри?) В целом слабой стороной работ всех теоретиков ноосферы и устойчивого развития считается утопический или сциентистски-утопический их характер. (См. работы В. А. Кутырева, а также Б. М. Миркина [2005], Д. В. Ефременко [2006] и ряда других.) Обращаем внимание, что Моисеев всегда исходил из того, что в ноосфере и устойчивом развитии людям предстоит управлять «не природой, а самими собой» [Реймерс 1992: 340], он категорически отвергал, как уже говорилось, автотрофность цивилизации, и технооптимизм был ему чужд. В цивилизационном анализе он предельно прагматичен и материалистичен, стараясь, возможно, снять все недоуменные вопросы, но как только он выходил в цивилизационном анализе на общефилософские смыслы и обобщения с применением «ноосферной» лексики (Коллективный Интеллект и другое), они возникали снова.

Нельзя переоценить значение системно-средового подхода в анализе Моисеевым цивилизаций. Применяя его, он призывал оценивать импульсы из окружающей среды относительно некоей смысловой культурной схемы, которая у данной цивилизации в ее ядре, а в случае с Россией – интерпретировать их относительно высших, сакральных смыслов и народного духовного опыта, на данный момент образующего неповторимую целостность смыслов.

И в этом его сильная сторона. Он обрисовал контуры теории цивилизации и тут же показывал, насколько цивилизации различны, противопоставляя западное общество и русский мир, их способы реагирования на глобальные кризисные явления. Моисеев был не в состоянии создать ни общей теории цивилизации, ни законченной концепции русской цивилизации, своими наработками он лишь открыл дискуссию. На страницах его работ неизменно звучит мысль: понимание глубинных особенностей нашего народа есть ключ к его завтрашнему дню. Тогда мы выживем сами и поможем выжить остальному миру.

Конечно, то, что русская цивилизация, оказавшись во главе мирового процесса, в силу ее специфики и мощи ума ее носителей способна вывести мир из экологического кризиса, – это лишь его интуиция. А каковы здесь объективные доказательства? Думается, в некотором роде доказательством является сам Никита Николаевич, хранитель цивилизационных смыслов, Мастер, русский интеллигент, солдат Второй мировой, гражданин и настоящий патриот России.

### *Литература*

Глушенкова Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России. М. : МНЭПУ, 2015.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Древнее и современное, 2002.

Ефременко Д. В. Эколого-политические дискуссии. Возникновение и эволюция. М. : ИНИОН РАН, 2006.

Кутырев В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–102.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Курс лекций по устойчивому развитию. М. : Тайдекс, 2005.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. М. : МНЭПУ, 1993.

Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

Моисеев Н. Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? М. : Экопресс, 1996.

Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству. М. : МНЭПУ, 1999а.

Моисеев Н. Н. Размышления о современной политологии. М. : МНЭПУ, 1999б.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : МНЭПУ, 2000а.

Моисеев Н. Н. Русский вопрос // Русская цивилизация: сб. ст. М. : Контакт, 2000б.

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня. М. : МНЭПУ, 2002.

Моисеев Н. Н. О необходимых чертах цивилизации будущего. М. : МНЭПУ, 2009.

Моисеев Н. Н., Львов Д. С., Петров А. А., Питерский В. М. Укрепление российской государственности: экономика, ресурсы, геополитика. М. : Геоинформмарк, 2000.

Поморцева А. М. Гносеологический статус человека в цивилизационных разломах: философско-культурологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003.

Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М. : Россия молодая, 1992.

Степанов С. А. Н. Н. Моисеев о судьбах российской интеллигенции // Век глобализации. 2013. № 1. С. 167–171.

Тойнби А. Дж. Исследование истории: в 3 т. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск : Наука, 1993.

---

---

# РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

---

---

## О СТАТЬЕ О. П. ИВАНОВА И В. В. СНАКИНА

Вебер А. Б.\*

В № 4 журнала «Век глобализации» за 2016 г. опубликована статья О. П. Иванова и В. В. Снакина «Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем». Авторы, специалисты в области естественных наук, признают наличие дискуссионных моментов в предлагаемой ими трактовке проблем мирового развития с точки зрения «механизмов природных процессов» [Иванов, Снакин 2016: 5]. У меня нет сомнений в их компетентности в вопросах биологии, синергетики и теории сложных систем, но их понимание *социальных* проблем современности вызывает серьезные вопросы, по поводу которых действительно стоит, по-моему, подискутировать.

Дело в том, что авторы биологизируют общество, рассматривая его как *аналог* природного организма. «Эволюционные процессы и закономерности, наблюдаемые в природе, с неизбежностью распространяются и на человеческое общество...», – говорится в статье [Там же: 4]. Такой взгляд не новый, в социологии известна так называемая «органическая школа», которая рассматривала общество как аналог природного организма и пыталась объяснить социальную жизнь посредством прямой проекции на нее биологических закономерностей. Принцип органицизма в применении к обществу восходит еще к Платону, Гоббсу, Конту и др., но это все-таки вчерашний день современной науки об обществе. Становление человека как вида происходило в результате биологической эволюции, но на определенном этапе процесс антропогенеза перешел из биологической в социальную стадию. Темпы развития человека и численного роста человеческой популяции ускорились благодаря механизму эффективного взаимодействия между людьми, основанному на распространении и обмене информацией. Только человек обладает способностью к передаче информации путем социального наследования, что связано с речью и сознанием как общественными явлениями, выраженными в культуре, технике и науке [Капица 1999: 12].

Биологизируют авторы и процессы современной глобализации. Объективный процесс глобализации, по их мнению, не только соответствует «общим законам эволюции биосферы», но и обусловлен «ходом эволюции биосферы» [Иванов, Снакин 2016: 3, 5]. Как известно, глобализация – это экономические, социальные, технологические, информационные, политические процессы, обусловленные развитием мировой экономики, торговли, информационно-коммуникационных технологий, а не биосферой, которая глобальна по определению. В другой связи о глобализации так и говорится: это «процесс роста степени регулирования эконо-

---

\* Вебер Александр Борисович – д. и. н., г. н. с. Института социологии РАН.

мических и социальных процессов в мире» [Иванов, Снакин 2016: 3], что в общем правильно. Но далее следует странное утверждение: глобализация – это «поиски взаимоприемлемого учета интересов и локальных особенностей» [Там же: 6]. Авторы явно недооценивают роль *политики* глобализации, направляемой экономическими и финансовыми центрами Запада. По словам З. Бжезинского, концепция глобализации стала «естественной доктриной гегемонии США», причем, добавлял он, «своекорыстной доктриной» [Бжезинский 2005: 185–189]. Авторы же, исходя из аналогии с иерархической структурой животного мира, усматривают положительную роль «доминирующих государств» в процессе глобализации [Иванов, Снакин 2016: 8].

В статье говорится, будто *целью глобализации* принято считать (кем?) «стремление к устойчивости, стабильности социальных систем и мироустройства в целом», что нашло, по мнению авторов, выражение в концепции устойчивого развития [Там же: 7], отвергаемой ими. Нелепо связывать политику неолиберальной рыночной глобализации с «внедрением» концепции устойчивого развития. Политика неолиберальной рыночной глобализации, выступающая к тому же средством реализации геополитических планов «доминирующих государств», противостоит, по существу, концепции устойчивого развития. Эта концепция и возникла как попытка ответа на самые животрепещущие проблемы современного мира – экологические и социальные. Между тем в статье говорится, будто цели устойчивого развития – а это, как известно, меры по сокращению массовой нищеты, голода, детской и материнской смертности, расширение доступности медицинских услуг и образования в развивающихся странах, защита окружающей среды, сбережение ресурсов и т. п. – ведут к усилению конфликтов и нестабильности в мире. Утверждать такое – значит закрывать глаза на действительные причины растущей конфликтности и нестабильности в мире.

Авторы считают, что концепция устойчивого развития «не приобрела сколько-либо серьезного научного обоснования», пренебрежительно называя ее «политологической конструкцией» [Там же: 12]. Трудно поверить, что им неизвестны исследования по этой проблеме как зарубежных (достаточно напомнить о докладе комиссии Брундтланд «Наше общее будущее» или о докладах Римскому клубу), так и видных российских ученых [Горшков 1995; Данилов-Данильян, Лосев 2000; Лосев 2001 и многие другие]. Авторы статьи исходя из какого-то превратного толкования этой концепции, игнорируют действительный смысл исходного английского термина *sustainable development*, который, строго говоря, означает самоподдерживающееся, жизнеспособное *развитие*. Предпочитают говорить об «устойчивости» в обыденном смысле как о чем-то, исключающем развитие. Приводят примеры древних цивилизаций, которые погибли будто бы вследствие «стремления к стабильности». Но ведь известно: они погибли вследствие такого развития, которое превысило хозяйственную емкость их локальных экосистем. Стабильность не исключает, а предполагает развитие общества, но такое, которое согласуется с природными ограничениями.

В статье признается, что благодаря деятельности человека «в значительной степени изменены практически все экосистемы нашей планеты» [Иванов, Снакин 2016: 5]. Но как изменены? Вот некоторые новейшие данные, о которых авторы умалчивают.

– Под влиянием антропогенных источников эмиссии парниковых газов приземная температура на планете может повыситься к концу столетия по сравнению с уровнем 1850–1900 гг. на 3,7–4,8 °С или больше, что грозит человечеству еще большими природными бедствиями, масштабы которых нарастают [Climate... 2014].

– Ежегодно в мире утрачивается до 15 млрд деревьев, а всего за время существования человеческой цивилизации планета утратила до половины лесного покрова [Environmental... 2016].

– С 1970 по 2012 г., говорится в последнем докладе Всемирного фонда дикой природы, популяции позвоночных сократились на 58 %. Порог биоемкости планеты превышен на 60 % [Гаррик 2016].

– Вследствие учащающихся природных стихийных бедствий с 1995 г. в мире погибло более 600 тыс. человек; 4,1 млрд пострадали, то есть получили ранения, лишились жилья и т. п. (Доклад ООН «Людские потери в результате стихийных бедствий, связанных с погодой» [Центр... 2015].)

– К 2060 г. загрязнение воздуха станет причиной 6–9 млн преждевременных смертей ежегодно. Заболеваемость вследствие загрязнения атмосферы к 2060 г. увеличится до 36 млн случаев по сравнению с 12 млн сейчас (доклад ОЭСР «Экономические последствия загрязнения воздуха вне помещений» [Upton 2016]).

Но авторы полны оптимизма: «Область, занятая биологическими видами («живым веществом»), постоянно расширяется» [Иванов, Снакин 2016: 5]. На место исчезнувших видов приходят новые. Правда, это занимает сотни тысяч и миллионы лет, но в итоге «колебания биоразнообразия» способствуют эволюционному прогрессу, так как выживают наиболее приспособленные. Относится ли это и к виду *Homo sapiens*? Сможет ли человечество приспособиться к радикально изменившимся (например, вследствие глобального потепления) физическим параметрам биосферы? Если нет, то какой «новый вид» придет ему на смену?

Авторы возлагают надежду на такое развитие, в котором сочетаются адаптация (что верно) и... *преобразование* внешних условий, то есть природной среды. Примеры того, к чему приводит такое «преобразование», описаны выше. При этом допускается возможность *роста хаоса*, а хаос, по Гесиоду, – «начало всех вещей» [Там же: 10–11]. Ранее в одной из своих статей В. Снакин даже рекомендовал *взять за образец* американскую политику «управляемого хаоса», утверждая, будто она основана на теории неравновесных систем И. Пригожина и И. Стенгерс [Снакин 2016: 84]. Пагубные последствия американской внешней политики «управляемого хаоса» сегодня очевидны для каждого непредвзятого наблюдателя, а ссылка в этом контексте на И. Пригожина и И. Стенгерс по меньшей мере неуместна.

Вот что на самом деле писали эти ученые: «Традиционная интерпретация биологической и социальной эволюции весьма неудачно использует понятия и методы, заимствуемые из физики; аналогия между ними и социальными или экономическими явлениями лишена всяких оснований» [Пригожин, Стенгерс 1986: 270]. Человеческое общество, подчеркивал Пригожин, представляет собой необычайно сложную систему, и к «моделированию сложных явлений следует относиться с осторожностью; методология неотделима от вопроса о природе исследуемого объекта» [Там же: 267]. Вывод Пригожина о растущей неравновесности развития – это научная *констатация*, а не *рекомендация* для политики. Пригожин

предостерегал от детерминистского подхода к эволюции, особенно подчеркивая, что возможные флуктуации и бифуркации в процессе эволюции должны вселять не только надежду, но и *тревогу*, так как могут привести к гибели самой системы.

Достоинство концепции устойчивого развития состоит, между прочим, и в том, что она представляет собой не идеологически мотивированный проект какого-то переустройства общества на основе умозрительных схем, а вполне прагматические рекомендации по предотвращению возникающих перед человечеством угроз. Поэтому-то программу целей устойчивого развития на период до 2030 г. смогли одобрить *все* государства – члены ООН. Примечательно, кстати, что у авторов статьи проскальзывает важное признание: «...проявления хаотической динамики не должны выходить за рамки коридора устойчивости процесса эволюции и должны служить только средством поиска нужного решения и способа самоорганизации в пределах эволюционного тренда, иначе возникнет тупиковая ветвь развития» [Иванов, Снакин 2016: 11]. Но почему же тогда они возражают против концепции устойчивого развития? Почему «средства поиска» нужного решения надо искать не в способах достижения устойчивого развития, а в «хаотической динамике»? Кто и как определит тот момент, когда «хаотическая динамика» выйдет за рамки «коридора устойчивости» и станет неконтролируемой? Кстати, новый президент США Дональд Трамп в первых же своих выступлениях заявил: «Наша цель – не хаос, а стабильность, поскольку мы хотим снова сделать Америку великой». То есть стабильность как условие развития. Вот так!

Главный изъян статьи связан, как мне представляется, с методологией, которая, повторим, «неотделима от вопроса о природе исследуемого объекта». Правомерно ли переносить оценки, относящиеся к периодам (циклам) и процессам протяженностью в сотни тысяч и миллионы лет, на наблюдаемые ныне процессы протяженностью в несколько десятков лет? А ведь авторы предлагают описываемую ими ситуацию *учитывать сегодня* «при принятии управленческих решений». Но что значит «учитывать», если, по их словам, «с позиции современника не представляется возможным оценить будущую роль тех или иных, бесполезных на сегодняшний взгляд, механизмов и элементов сложной системы, способных сыграть решающую роль в процессах глобализации, в том числе в будущих кризисах цивилизации...» [Там же: 6]. Природные процессы, конечно, влияют на развитие обществ, и это надо учитывать, добиваясь смягчения последствий и снижения уровня антропогенного воздействия на внешнюю природу. Авторы вскользь упоминают о значении природоохранной деятельности, но эта фраза не очень-то вяжется с общей направленностью их рассуждений, из которых следует, что лучше всего предоставить дела человеческие стихийному ходу событий.

«Мы живем в опасном и неопределенном мире», – предупреждал И. Пригожин. Об этом не устают напоминать российские ученые [Кацура и др. 2016]. Сегодня всем нам стоило бы прислушаться и к мнению выдающегося ученого с мировым именем, английского физика-теоретика Стивена Хокинга: «...настал самый опасный момент в истории человечества. Мы придумали технологии, которые позволят нам уничтожить нашу планету. Но мы еще не изобрели способ ее покинуть. Возможно, через пару сотен лет мы отправимся к звездам и создадим свои колонии. Но пока у нас только одна планета, и мы должны работать вместе, чтобы защитить ее» [Hawking 2016].

*Литература*

Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005.

Гаррик О. Более половины позвоночных животных исчезло за сорок лет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru/article/27Oct2016/lemonde/vertebres.html>.

Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М. : ВИНТИ, 1995.

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4. С. 3–12.

Капица С. П. Общая теория роста человечества. М. : Наука, 1999.

Кацура Л. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М. : Проспект, 2016.

Лосев К. С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке М. : Космосинформ, 2001.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.

Снакин В. В. Путь к устойчивому развитию: мифы и реальность // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 80–86.

Центр новостей ООН. 23 ноября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/content/news/dh/ru/2015/20151123-ru.pdf>.

Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers [Электронный ресурс]. URL: [www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/SIR\\_AR5\\_SPMcont.pdf](http://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/SIR_AR5_SPMcont.pdf).

Environmental Performance Index (EPI). 2016 Report. Global Metrics for the Environment. Yale University 2016 [Электронный ресурс]. URL: [www.epi.yale.edu](http://www.epi.yale.edu).

Hawking S. This is the Most Dangerous Time for Our Planet // The Guardian. 2016. December 1.

Upton S. Air Pollution's True Costs // Project Syndicate [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/print/human-cost-of-air-pollution-by-symon-upton-2016-08>.

**VEK GLOBALIZATSII**  
**[AGE OF GLOBALIZATION]**  
**Journal of Global Studies**

**Contents**

**Theory**

*Alexander N. Chumakov. The Coming Demographic Avalanche: at the Threshold of a Great Migration of the Peoples* (pp. 3–19).

*Nikolay I. Migunov and Olga V. Migunova. About the Theoretical Foundations of the Chinese Concept of ‘Geocivilizational Continuum’* (pp. 20–36).

*Alexander D. Dumnov, Dmitry A. Boriskin, and Nikolay G. Rybalsky. On Some Methods of Macrostatistical Analysis of the Environmental Management and Protection* (pp. 37–50).

**Processes of Globalization**

*Akop P. Nazaretyan. On the Advantages of Interdisciplinary Approach, or Why did the Megafauna of the Pleistocene Extinct?* (pp. 51–65).

*Ivan A. Gobozov. Neoliberalism and Globalization* (pp. 66–76).

**Global Issues**

*Wiryo Sastrohandoyo. The Development and Maintaining of Partnership Between China and Regional States via “Soft Power”* (pp. 77–82).

*Rafail A. Nurullin. The Issue of Ideology in the Situation of Establishing a Global Civilization* (pp. 83–92).

**Nature, Society, and Humans**

*Alexander V. Katsura. Democracy versus Socialism. Two Poles of Power: Two Great Projects* (pp. 93–110).

*Yevgeny V. Morgunov. The Russian Ethnical Identity versus Russian Identity: the Economic Roots of the Antinomy* (pp. 111–118).

*Marietta T. Stepanyanz. The Undisclosed Meaning of the Iranian Revolution* (pp. 119–125).

**A global Person**

*Yelena I. Glushenkova. Nikolay N. Moiseev: the Idear of Civilization from the Russian Cosmist* (pp. 126–137).

**Reviews, Summaries, and Surveys**

*Alexander B. Veber. On the Article by O. P. Ivanov and V. V. Snakin* (pp. 138–142).

## ***К сведению авторов***

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

**Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л.** вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

**Материалы должны передаваться в редакцию** в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

**таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации** должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

**ссылки на литературу** даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

### **К рукописи прилагаются:**

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

---

## **«Век глобализации». 2(22), 2017. – 144 с.**

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Технический редактор *К. Р. Ташланова*

Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*

Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

Е-mail: [peruch@mail.ru](mailto:peruch@mail.ru)

Подписано в печать 14.04.2017. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10